

ALMANACCO LETTERARIO

14

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

ГАЗПРОМБАНК

«Газпромбанк» (Акционерное общество)

«Газпромбанк» (Акционерное общество) – один из крупнейших универсальных финансовых институтов России, предоставляющий широкий спектр банковских, финансовых, инвестиционных продуктов и услуг корпоративным и частным клиентам, финансовым институтам, институциональным и частным инвесторам. Банк входит в тройку крупнейших банков России по всем основным показателям и занимает третье место в списке банков Центральной и Восточной Европы по размеру собственного капитала.

Банк обслуживает ключевые отрасли российской экономики – газовую, нефтяную, атомную, химическую и нефтехимическую, черную и цветную металлургию, электроэнергетику, машиностроение и металлообработку, транспорт, строительство, связь, агропромышленный комплекс, торговлю и другие отрасли.

Газпромбанк занимает сильные позиции на отечественном и международном финансовых рынках, являясь одним из российских лидеров по организации и андеррайтингу выпусков корпоративных облигаций, управлению активами, в сфере частного банковского обслуживания, корпоративного финансирования и других областях инвестиционного банкинга.

Gazprombank (Società per azioni) è una delle più grandi istituzioni finanziarie universali in Russia, che fornisce un'ampia gamma di prodotti e servizi bancari, finanziari e di investimento a clienti aziendali e privati, istituzioni finanziarie, investitori istituzionali e privati. È una delle tre maggiori banche in Russia in tutti i principali indicatori e si colloca al terzo posto nell'elenco delle banche dell'Europa Centrale e Orientale in termini di capitale proprio.

Serve i settori chiave dell'economia russa: gas, petrolio, nucleare, chimica e petrolchimica, siderurgia e metallurgia non ferrosa, energia elettrica, ingegneria meccanica e lavorazione dei metalli, trasporti, edilizia, comunicazioni, complessi agroindustriali, commercio e altre industrie.

Gazprombank detiene una forte posizione nei mercati finanziari nazionali e internazionali, essendo uno dei leader russi nell'organizzazione e sottoscrizione di emissioni di obbligazioni societarie, asset management, private banking, corporate finance e altre aree dell'investment banking.

Conoscere Eurasia Edizioni

XIV

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'Associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.

Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 100 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаём Евразию»

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией, налаживание новых связей со странами евразийского региона, основанных на глобальном видении, согласно которому культура и экономика лежат в основе благополучия народов, – таковы основные цели деятельности Ассоциации «Познаём Евразию». Штаб–квартира этой некоммерческой организации находится в Вероне, ее основатель и президент – профессор Антонио Фаллико. Ассоциация ведет обширную культурную деятельность, в частности, организует языковые курсы с выдачей сертификатов Института русского языка имени А.С. Пушкина. Также проводятся семинары и форумы по всей Италии. Всего с 2008 года и по сей день организовано более 100 мероприятий. Непрерывная и разнообразная деятельность Ассоциации «Познаём Евразию», основанная на ясном представлении о происходящих геополитических переменных, получила признание на международном уровне. Это делает её одной из основных итальянских организаций, работа которых направлена на продвижение и развитие связей между Россией, Италией и странами Евразийского экономического союза.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаём Евразию»

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами. В 2017 году, в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина, при Литературном институте был создан Дом национальных литератур – научно-образовательный, просветительский, информационный и культурный центр, призванный заниматься пропагандой чтения, художественного перевода, подготовкой и повышением квалификации переводчиков художественной литературы.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 sono stati introdotti l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa.

Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Nel 2017, per volontà del Presidente della Federazione Russa Vladimir Putin, presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è stata fondata la Casa delle letterature nazionali – un centro scientifico per l'istruzione, l'informazione e la cultura, che ha la finalità di promuovere la lettura, la traduzione, la formazione e lo sviluppo professionale dei traduttori letterari.

Direttore editoriale e letterario

Maria Pia Pagani

Curatore della parte russa

Anna Vladislavovna Jampol'skaja

Progettazione e cura grafica

Unidea Srl

Per i singoli racconti © Autori

Per le traduzioni © Traduttori

Per l'Edizione © 2023 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

Главный редактор

Мария Пиа Пагани

Редактор русской части

Анна Владиславовна Ямпольская

Разработка проекта и графическое оформление

Унидея

© Рассказы. Авторы произведений

© Переводы. Переводчики произведений

© Составление, оформление. Ассоциация «Познаём Евразию», 2023

37129 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

14

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Giunto alla quattordicesima edizione, il Premio letterario italo-russo “Raduga” può ormai definirsi uno dei più prestigiosi premi letterari internazionali del Nuovo Millennio. Questo traguardo arriva grazie alla perseveranza con la quale si è portato avanti, nonostante la pandemia e le varie vicissitudini, un progetto culturale destinato ai giovani. In tutti questi anni si sono già avvicinate due generazioni di narratori e di traduttori, che hanno avuto grazie al Premio un’occasione importante per far decollare la loro carriera oppure per consolidarla. Tutti i partecipanti (se ne contano migliaia) sono però accomunati da una spiccata sensibilità letteraria e dal desiderio di mettere a frutto un particolare talento per la scrittura.

Le due giurie – italiana e russa – hanno sempre lavorato con impegno per selezionare i lavori di giovani intenzionati a indagare la vita umana e i suoi valori profondi, la complessità dei sentimenti e le contraddizioni del quotidiano. Di fronte a un mondo sempre più dominato dall’intelligenza artificiale, l’antica arte del traduttore viene tutelata e difesa dal Premio come lavoro “artigianale” paziente e meticoloso, come preziosa possibilità di dialogo attivo fra due millenarie culture – quella italiana e quella russa – che nessuna forma avanzata di tecnologia potrà mai sostituire.

L’Almanacco ha ospitato – e anche in questa edizione ospita – racconti che testimoniano l’universo poetico di giovani *ancora* innamorati della Vita, pieni di progetti e capaci di lottare realmente per un mondo migliore. Le grandi e piccole delusioni che l’esistenza non risparmia a nessuno sono sempre un monito a coltivare in qualche modo la speranza verso visioni e soluzioni positive. Questa visione fiduciosa è la stessa che guida le attività dell’Associazione “Conoscere Eurasia”, nella certezza che investire sui giovani non è mai tempo perso e nemmeno una sconfitta.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Российско-итальянскую литературную премию «Радуга», которая в этом году проводится в четырнадцатый раз, можно по праву назвать одним из самых престижных международных литературных конкурсов нового тысячелетия. Достичь этого удалось благодаря настойчивости, с которой организаторы конкурса, несмотря на пандемию и другие препятствия, воплощают в жизнь обращенный к молодежи культурный проект. За прошедшие годы благодаря премии «Радуга» два поколения писателей и переводчиков получили возможность сделать первые шаги в литературе или упрочить завоеванные позиции. При этом всех участников конкурса (а их тысячи) объединяет умение тонко чувствовать литературу, а также желание развить свое писательское дарование.

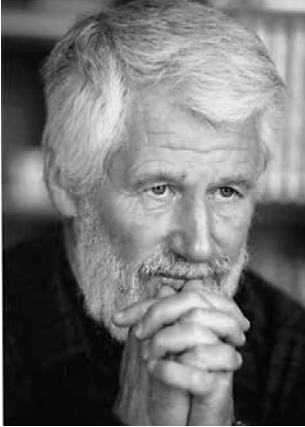
Два жюри, российское и итальянское, всегда старались отбирать работы, авторы которых вглядываются в жизнь, хотят рассказать об ее подлинных ценностях, о непростых человеческих чувствах, о противоречиях повседневного существования. В мире, где все большую силу набирает искусственный интеллект, наша премия также стремится защитить и сберечь древнее искусство переводчика – ремесло, требующее прилежания и терпения, ведь оно дарит итальянской и российской культурам, каждая из которых имеет тысячелетнюю историю, драгоценную возможность деятельного диалога, который никогда не заменить самым передовым технологиям.

В прошлых и в нынешнем выпуске альманаха напечатаны рассказы, раскрывающие двери в поэтический мир, где живут молодые люди, *по-прежнему* влюбленные в Жизнь, строящие планы на будущее, стремящиеся сделать наш мир светлее. Большие и маленькие разочарования, которых не избежать никому, лишь укрепляют надежду на то, что все может сложиться иначе, на перемены к лучшему. Та же надежда на лучшее пронизывает все начинания Ассоциации «Познаём Евразию». Мы твердо уверены: вкладываясь в молодых, мы не теряем времени зря и просто не можем проиграть.

Борис Тарасов

Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы

Несмотря на все сложности и противоречия быстротекущего времени и изменяющихся исторических обстоятельств, российско-итальянский конкурс «Радуга» остается интересным и привлекательным для молодых писателей и переводчиков. По сравнению с прошлым годом количество поступивших на конкурс заявок из России и зарубежных стран даже увеличилось и достигло нескольких сотен.

Впечатляет и представленная география участников. Как и прежде, лидируют здесь Москва и Санкт-Петербург. Но помимо центральных регионов конкурсные работы поступали из Алтая, Краснодарского края, Татарстана, Республики Мари-Эл, Дагестана, ДНР, Сибири, Мордовии, Дальнего Востока, из более полутора десятков больших и малых городов России.

Примечательно, что множится и разнообразие вовлеченных в культурный и литературный процесс представителей разных возрастных групп и профессий (юристы, преподаватели, врачи, психологи, маркетологи, сотрудники музеев, музыканты, студенты, аспиранты и др.).

Некоторые участники отмечают, что «Радуга» стала для них первым опытом литературного конкурса. Вместе с тем, наряду с дебютантами свои рассказы присылали и более опытные авторы, члены Союзов писателей России, Москвы, лауреаты и призеры крупных литературных конкурсов, имеющие публикации в авторитетных журналах.

История «Радуги» продолжается. Живой творческий процесс в ней не теряет своего пульса. И это отражается на обостренном внимании авторов печатаемых в очередном альманахе рассказов к «невидимой» драматургии духовно-нравственной жизни людей, влияющей на обустройство их внешней жизни, на гармонию или дисгармонию в ней.

Boris Tarasov

Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

Nonostante tutte le complicazioni e le contraddizioni del tempo fugace e le mutevoli circostanze storiche, il premio russo-italiano «Raduga» resta interessante e attraente per i giovani scrittori e traduttori. Rispetto allo scorso anno, il numero di candidature ricevute per il concorso dalla Russia e dall'estero è addirittura aumentato e ha raggiunto diverse centinaia.

Colpisce molto la geografia che rappresenta i partecipanti. Come nelle passate edizioni, restano in testa Mosca e San Pietroburgo. Ma oltre alle regioni centrali, elaborati in concorso sono arrivati dall'Altaj, dal territorio di Krasnodar, dal Tatarstan, dalla Repubblica di Mari-El, dal Daghestan, dalla Repubblica Popolare di Doneck, dalla Siberia, dalla Mordovia, dall'Estremo Oriente, da più di un centinaio e mezzo di grandi e piccole città della Russia.

È interessante notare che si sta moltiplicando la varietà delle persone coinvolte nel processo culturale e letterario, dal momento che appartengono a diverse fasce d'età e professioni (avvocati, insegnanti, medici, psicologi, esperti di marketing, personale museale, musicisti, studenti, dottorandi, ecc.).

Alcuni partecipanti rilevano che il «Raduga» è stata la loro prima esperienza in un concorso letterario. Nel contempo, insieme ai debuttanti hanno inviato i loro racconti anche autori con maggior esperienza, membri della Unione degli scrittori di Russia e di Mosca, vincitori e premiati di importanti concorsi letterari che hanno pubblicazioni su riviste prestigiose.

La storia del «Raduga» continua. Il suo vivo processo creativo non perde il ritmo. E questo si riflette nell'acuta attenzione degli autori dei racconti pubblicati in questo almanacco per la drammaturgia “invisibile” della vita spirituale e morale della gente, che influenza l'organizzazione della loro vita esteriore – nell'armonia o nella disarmonia che c'è in essa.

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla quattordicesima edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. Lo scopo è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Российско–итальянская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в четырнадцатый раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе. В первую очередь премия задумывалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Giuria italiana Итальянское жюри

Carlo Feltrinelli è dal 1988 Amministratore Delegato della casa editrice fondata nel 1955 dal padre Giangiacomo Feltrinelli. Dal 1998 è Presidente delle Librerie Feltrinelli. Nel 2001 è stato nominato Presidente della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, uno dei maggiori centri di ricerca nell'ambito delle discipline storiche e delle scienze politiche, economiche e sociali. Dal 2015 è Presidente del Gruppo Feltrinelli. È autore di *Senior Service*, tradotto e pubblicato a livello internazionale.

Карло Фельтринелли, с 1988 г. генеральный директор издательства, основанного в 1955 г. его отцом Джанджакомо Фельтринелли. С 1998 г. президент сети книжных магазинов «Фельтринелли». С 2001 г. президент Фонда Джанджакомо Фельтринелли, одного из крупнейших центров научных исследований в области истории, политологии, экономики и обществознания. С 2015 г. президент Группы Фельтринелли. Автор книги «Senior Service. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли», переведенной и опубликованной во многих странах.

Biagio Goldstein Bolocan è laureato in Storia contemporanea all'Università Statale di Milano. Autore di innumerevoli manuali di storia, è anche scrittore di narrativa. Tra i suoi libri ricordiamo *Il lato oscuro della luna* (2012), *Una guerra privata* (2013), *Il traduttore* (2017), *Le strade di Adele* (2019). Attualmente è direttore editoriale di Feltrinelli scuola.

Бьяджо Гольдштейн Болокан окончил Миланский государственный университет по специальности «современная история». Автор множества учебных пособий по истории, писатель. Среди его книг «Темная сторона Луны» (2012), «Личная война» (2013), «Переводчик» (2017), «Улицы Аделе» (2019). В настоящее время главный редактор подразделения издательства «Фельтринелли», выпускающего школьную литературу.

Maria Pia Pagani, docente dell'Università di Napoli "Federico II", è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e l'arte di Eleonora Duse. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij e fa parte dell'editorial board di varie riviste accademiche, tra cui "Stanislavski Studies" (Taylor & Francis).

Мария Пиа Пагани, преподаватель Неаполитанского университета имени Фридриха II, автор книг и научных статей о русском театре и творчестве Элеоноры Дузе. Лауреат Премии для молодых ученых имени Марии Корти (2003), Премии имени Чезаре Анджелини (2004), Премии «Foyer des Artistes» (2006) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского, член редколлегии ряда научных журналов, в том числе – «Stanislavski Studies» («Тейлор & Френсис»).

Giuliano Pasini si occupa di comunicazione e reputazione per una delle più importanti società italiane del settore. I suoi romanzi *Venti corpi nella neve* (Fanucci), *Io sono lo straniero* e *Il fiume ti porta via* (entrambi Mondadori) hanno ricevuto numerosi riconoscimenti e sono stati tradotti in diversi paesi. È presidente del Premio Letterario Massarosa e membro di giuria di concorsi nazionali di narrativa.

Джулиано Пазини работает в одном из престижных итальянских агентств, предоставляющих комплекс маркетинговых и коммуникационных услуг. Его романы «Двадцать тел на снегу» (изд. «Фануччи»), «Я – чужой» и «Река уносит тебя» (обе книги вышли в издательстве «Мондадори») получили множество наград и были переведены на разные языки. Президент Литературной премии «Массароза», член жюри национальных конкурсов художественной прозы.

Stefano Garzonio, già professore ordinario di slavistica (lingua e letteratura russa) presso l'Università di Pisa, è stato presidente dell'*Associazione Italiana degli Slavisti* nel periodo 1999-2009. Ha condotto ricerche nell'ambito della storia e della teoria del verso russo, della storia della letteratura russa del XVIII secolo, dei rapporti culturali italo-russi, della storia della poesia russa del secolo d'argento e della emigrazione russa in Italia. Ha curato la pubblicazione di due antologie, *Poesia Russa* (2004) e *Lirici Russi dell'Ottocento* (2011), ed è autore di due raccolte di versi in lingua russa (2017, 2020). Ha curato e tradotto opere di Lermontov, Turgenev, Dostoevskij, G. Ivanov, Majakovskij e dei poeti russi del XIX secolo. Nel 2007 è stato insignito con decreto del Presidente della Federazione russa della medaglia

“A. Puškin” per lo sviluppo delle relazioni culturali tra Italia e Russia. Nel 2010 ha ricevuto il premio letterario “Globus” (Mosca).

Стефано Гардзонио, многие годы – ординарный профессор по кафедре славистики (русский язык и литература) в Пизанском университете, в 1999–2009 гг. – президент Итальянской ассоциации славистов. Его научные интересы охватывают историю и теорию русского стиха, историю русской литературы XVIII в., российско–итальянские культурные связи, историю русской поэзии Серебряного века и творчество русских поэтов–эмигрантов в Италии. Составитель антологий «Русская поэзия» («Poesia Russa», 2004) и «Русские поэты–лирики XIX века» («Lirici Russi dell'Ottocento», 2011), автор двух сборников стихов на русском языке (2017, 2020). Перевел на итальянский и подготовил к изданию произведения Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Г. Иванова, Маяковского и русских поэтов XIX в. В 2007 г. указом Президента Российской Федерации награжден медалью Пушкина за заслуги в развитии российско–итальянского культурного сотрудничества. В 2010 г. удостоен литературной премии «Глобус» (Москва).

Российское жюри Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А.М. Горького. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ.

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'shaja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa.

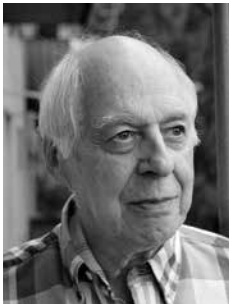
Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г. В издательстве «Искусство – XXI век» в 2022 г. вышел сборник рассказов «Пересечения», положительно встреченный критикой.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha anche cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie «Oktjabr'» e «Znamja». Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*. Nel 2022 la casa editrice Iskusstvo – XXI Secolo ha pubblicato la sua raccolta di racconti *Intersezioni*, che è stata accolta positivamente dalla critica.

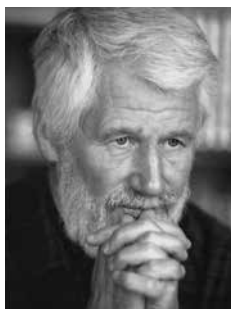
Елена Леонидовна Пастернак, лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака. Преподаватель школы литературного мастерства «Хороший текст». Руководитель французского переводческого семинара в Литературном институте имени А.М. Горького.

Elena Leonidovna Pasternak, linguista e traduttrice. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak. Docente della Scuola di scrittura creativa «Buon testo». Coordinatore del seminario di traduzione dal francese presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij.

Евгений Михайлович Солонович, поэт и переводчик. Почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапыенца», командор ордена Звезды итальянской солидарности, лауреат Государственной премии Италии в области художественного перевода, Премий Монтале, Квазимодо, Диего Валери, Умберто Беллинтани, Леричи Пеа и Монделло, а также российских премий «Иллюминатор», «Венец», «Мастер» и др. В 2023 г. награжден медалью Рима.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. È stato insignito della laurea *honoris causa* dall'Università di Siena e del dottorato *honoris causa* dall'Università “La Sapienza” di Roma. È commendatore dell'Ordine della Stella della Solidarietà Italiana. Ha ricevuto il Premio nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Quasimodo, il Premio Diego Valeri, il Premio Umberto Bellintani, il Premio Lerici Pea e il Premio Mondello, nonché i premi russi “Illjuminator”, “Venec”, “Master” e altri. Nel 2023 gli è stata conferita la medaglia di Roma.

Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А.М. Горького (2006–2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del Dipartimento di Letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, доктор лингвистики. Руководитель итальянского переводческого семинара в Литературном институте имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана, Премии имени Н.В. Гоголя в Италии, Государственной премии Италии в области художественного перевода, Золотой медали Общества имени Данте Алигьери, премии «Инолиттл» и др.

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato, dirige il seminario di traduzione italiana presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana, il Premio Gogol' in Italia, il Premio nazionale per la traduzione (Italia), la Medaglia d'oro della Società Dante Alighieri, il Premio "Inolittl" e altri.

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Tommaso Cavani	Томмазо Кавани
Emilia De Rango	Эмилия Де Ранго
Giovanni Di Paola	Джованни Ди Паола
Veronica Dolcini	Вероника Дольчини
Luigi Remo Parente	Луиджи Ремо Паренте

Tommaso Cavani

Traduzione in russo di Darija Prochodskaja

Томмазо Кавани

Перевод на русский язык Дарии Проходской

IN ATTESA DI UN RISCATTO

La sua vita una serie di libri non letti, un tappeto mobile su cui scorrere veloci in una galleria d'arte di cui non si vede la fine. Dentro i dipinti non una faccia, nessuna storia, neanche una strada da seguire. Importano solo tela e cornice. Solo di questo si raccomanda chi gli dà da vivere: che consegni loro integro il pezzo. Lo chiamano alle ultime cabine che esistono sulla Terra, un reperto archeologico che gli interessa più dei ruderi che vede nei musei.

– *In attesa*, di Mark Sond.

– Il nome dell'autore non serve. La cifra la conoscete.

Il nome è un'etichetta da scrollarsi di dosso prima che gli si appiccichi ai pensieri. È un'iscrizione su placca argentata di fianco a tela e cornice. Serve unicamente a indicare il dipinto. Il dipinto è solo il suo prezzo. Il prezzo per lui è sempre lo stesso. Un dipinto vale l'altro ma nessun ladro al mondo vale quanto lui.

Sceglie un giorno in cui il museo si visita gratis. Può confondersi nella folla, ma non lo fa per questo. Gli piace il fremito afoso di un immenso puzzle che gli ruota intorno. La fila fa il giro del palazzo, e si chiede cosa attragga così tante persone in un pomeriggio così piovoso in una giornata così umida in un museo che è una ressa in una città fradicia come New York.

Finge di interessarsi ai quadri per non dare nell'occhio. I visitatori sono ombre che gli danno le spalle. Potrebbe agire in qualsiasi momento e non saprebbero nulla. È come un immenso puzzle in movimento. Chi si accorgerà se manca un pezzo?

В ОЖИДАНИИ ВЫКУПА

Его жизнь – череда непрочитанных книг, беговая дорожка, по которой он мчится через художественную галерею, и конца ей не видно. Внутри картин нет лиц, историй, путей. Картина – не более чем холст и рама. Только этого требуют заказчики: чтобы предмет был доставлен в целости. К нему обращаются те, кто назначает встречи в еще сохранившихся телефонных будках – эти следы прошлого занимают его куда больше, чем то, что выставлено в музеях.

– «В ожидании» Марка Сонда.

– Имя автора не важно. Цена вам известна.

Имя – это ярлык, который нужно стряхнуть прежде, чем он засядет в мыслях. Надпись на серебристой пластине рядом с холстом и рамой. Имя просто обозначает картину. А картина – это ее цена. Цена всегда одинакова. Ни одна картина не хуже другой. И ни один вор в мире не лучше него.

Он выбирает день бесплатного посещения. Так он смешается с толпой, но дело даже не в этом. Ему нравится душный трепет огромной головоломки, вращающейся вокруг него. Очередь оборачивается вокруг здания, и он не может взять в толк, что заставляет так много людей в такой дождливый вечер, в такой промозглый день толпиться в музее в таком мокром городе, как Нью-Йорк.

Чтобы не привлекать внимания, он делает вид, будто интересуется картинами. Посетители – всего лишь тени, стоящие к нему спиной. Он может начать действовать в любой момент, а они ничего не узнают. Все это огромный движущийся пазл. Кто заметит, если пропадет одна часть?

Lo vede entrando nella sala grande, ben arieggiata nelle luci soffuse. Lo vede facendosi strada oltre le teste incantate dalle guide. Vorrebbe non guardarlo troppo a lungo ma lo vede, deve farlo per distinguerlo dalle copie che a volte il museo espone per precauzione. Più riconoscibili sono le versioni che qualche epigono si appresta a pitturarli intorno, tele bianche su cui imitare linee e colore, uno spreco di tempo ed energie. Cosa sperano di ricavarne? *In attesa* è inimitabile. L'unico a ricavarne qualcosa sarà lui.

Cerca una posizione migliore per vedere come la luce si rifrange sulla tela, comincia a esaminarne la grana e a valutarne l'autenticità quando le luci si spengono e non ci vede più.

– Ci credi che una volta quei due seduti sul divano eravamo noi?

La voce dietro di lui gli ha coperto gli occhi con le mani, come faceva sempre. Quando si davano appuntamento a volte dava le spalle alla direzione da cui sarebbe arrivata, fingendo di non aspettarsi il solito accecamento a sorpresa.

– Scommetto che stavolta non te l'aspettavi davvero.

– Ciao, Rachel! Che ci fai qui?

– Non ci vediamo da tre anni e mi saluti così? Io ci lavoro. Che ci fai tu piuttosto? Credevo che dopo il gran rifiuto in un museo non ci mettessi più piede.

– Quando è gratis è un luogo come un altro per ripararsi dalla pioggia.

Он видит ее, когда входит в просторный, хорошо проветриваемый зал, залитый мягким светом. Видит ее, высматривает между голов посетителей, загипнотизированных экскурсоводами. Старается не задерживать взгляд, но все-таки смотрит: нужно удостовериться, что это не копия, которые музей иногда выставляет из предосторожности. Копии, которыми всякие подражатели готовы заполнить все вокруг, проще узнать: чистые холсты, на которых изображены похожие линии и цвета, – пустая трата времени и сил. Чего они добиваются? «В ожидании» неповторима. И выгоду от нее получит только он.

Он подыскивает удобное положение, чтобы рассмотреть, как свет преломляется на холсте, вглядывается в его поверхность, пытается понять, подлинник перед ним или нет. Внезапно становится темно, он ее больше не видит.

– Неужели когда-то и мы с тобой сидели на этом диване?

Обладательница голоса стоит позади него и, как всегда, закрыла ему глаза руками. Когда они назначали здесь свидания, он иногда нарочно вставал спиной так, чтобы не видеть ее. Она неслышно подходила и закрывала ему глаза ладонями, а он всякий раз делал вид, будто застигнут врасплох.

– Спорим, на этот раз ты и правда такого не ожидал!

– Здравствуй, Рейчел! Что ты здесь делаешь?

– Мы с тобой три года не виделись, и как ты меня приветствуешь? Я здесь работаю. А что здесь делаешь ты? Мне казалось, что после того, как я тебе отказала, ты больше не ходишь в музей.

– Когда вход бесплатный, здесь можно переждать дождь.

– Come sei simpatico. Vieni, camminiamo insieme. O volevi prima guardare il famoso quadro? Sai che Mark si è ispirato al nostro salone? Anche la libreria è la stessa. Solo la nuvola che entra dalla finestra è una strana intrusa. Ma si sa che può succedere di tutto in un giorno di pioggia a New York. Persino riposarsi su un divano e essere felici.

Continuano a camminare e non è arrabbiato. Passano tra le diverse sale, e che Rachel lo provochi così tanto non è un problema. Nemmeno il fatto che lei sia il capo della sicurezza è una cosa imprevista. Anzi ha pianificato di usarla a suo vantaggio per avvicinarsi al quadro dopo la chiusura. La sua presenza è una cosa puramente strumentale. Berranno qualcosa al bar, e in mezzo ai fumi dell'alcol un quadro così piccolo sarà facile da trafugare col codice dell'allarme giornaliero che le prenderà dal taschino dopo un bacio rubato. Se ne infischia che Rachel sia sposata con Mark Sondheim, se ne infischia perché quello è solo un nome che non indica nulla su una placca argentata di un quadro senza importanza su tela e cornice che gli daranno il compenso che si merita.

Si allontanano da tutti.

– Dove andiamo?

– Sei troppo impaziente, Vincent. Per questo hai lasciato l'accademia. Mi chiedevi sempre: “Cosa ci sarà dopo? Ne varrà la pena? Quale sarà la prossima mossa?” Se avessi aspettato un po' senza farti tutte quelle domande magari oggi saresti anche tu esposto in galleria, invece di venire a ripararti dalla pioggia. Ma adesso una domanda te la faccio io.

Le porte dell'ascensore si aprono su un drappello di guardie di sicurezza.

– Забавный ты! Пойдем, прогуляемся. Или ты хотел сначала полюбоваться на знаменитую картину? Ты знаешь, что Марка вдохновила наша гостиная? Книжный шкаф точь-в-точь как у нас. Только проникающее в окно облако – странный незванный гость. Но мы-то знаем, что в дождливый день в Нью-Йорке может произойти все что угодно. Можно даже присесть на диван и почувствовать себя счастливым.

Они идут вперед, он не сердится. Проходят разные залы. Рейчел его дразнит, но это не страшно. Известие о том, что она здесь работает – более того, возглавляет службу безопасности, тоже не застигло его врасплох. На самом деле он планировал использовать ее в своих интересах, чтобы получить доступ к полотну после закрытия музея. Так что ее присутствие отвечает его интересам. Они что-нибудь выпьют в баре, благодаря алкоголю такую маленькую картину будет легко унести: он поцелует Рейчел, а сам тем временем вытащит у нее из нагрудного кармана бумажку с кодом, чтобы отключить сигнализацию. Его не волнует, что Рейчел замужем за Марком Сондхеймом, – не волнует, потому что это просто имя, которое ничего не значит, надпись на серебристой табличке около ничего не значащей картины на холсте, за которую он получит заслуженный выкуп.

Все остальные посетители остались далеко позади.

– Куда мы идем?

– Какой ты нетерпеливый, Винсент! Вот потому ты ушел из академии. Ты всегда спрашивал меня: «Что дальше? Дело того стоит? Каким будет следующий шаг?» Если бы ты тогда набрался терпения и не задавал лишних вопросов, возможно, сегодня ты бы тоже выставлялся в галерее, а не прятался здесь от дождя. Но теперь моя очередь спрашивать.

Двери лифта открываются: перед ними стоят охранники.

– Quale sarà la tua prossima mossa? - gli dice sorridendo, e indietreggia fino a sparire fra gli abiti scuri degli agenti. Vincent si precipita in direzione opposta, verso quella sala dove c'è l'ostaggio più prezioso di tutti.

La folla comincia ad agitarsi e in quella confusione è il solo a guardarlo. È lì - in attesa. Le luci sono diventate blu per lo stato d'allerta. Il profumo di lei gli arieggia ancora intorno, restituendogli uno strano conforto. Stacca il dipinto dalla parete nel grido dell'allarme che fa sigillare le porte. Scivola per terra per non rimanere intrappolato dalle grate d'acciaio e scappa all'ultimo piano. Le guardie lo raggiungono. Lei è con loro.

– Mi spiace ti sia rimasta in mano solo una copia, Vincent. Scommetto che stavolta non te l'aspettavi davvero - e si copre gli occhi per schernirlo.

Vincent guarda fuori dalla finestra. Vede la corda che ha teso la sera prima tra il museo e il palazzo di fronte. Se il miglior ladro del mondo torna a casa a mani vuote, almeno può uscire di scena con classe. Ma come può fidarsi che la corda regga? Come sa che non lo abbandonerà come tutte le altre cose, che non sarà fasulla come il quadro, che scorrendo veloce alla fine della galleria non ci sarà un falso ad aspettarlo? Improvvisamente una nuvola si avvicina minacciosa, come volesse portare la pioggia fino a dentro la stanza. È una strana intrusa, un cumulo d'acqua venuto a sciogliere la tempera artefatta. Si lancia nella nebbia verso quella liana. Lui non è Tarzan e con Jane è finita. Ma una nuvola è entrata dalla finestra e c'è abbastanza mistero perché ne valga la pena.

– Каким будет твой следующий шаг? – она улыбается ему и исчезает за темными фигурами. Винсент устремляется в противоположную сторону – в зал, где находится самый ценный заложник.

Толпа приходит в движение, в суматохе он один смотрит на нее. Вон она – замерла *в ожидании*. Свет переключается на синий – объявлена тревога. Он до сих пор чувствует аромат духов Рейчел: странно, это как будто утешает. Снимает картину со стены под завывание сигнализации, которая блокирует двери. Бросается на пол и проскальзывает под стальными решетками, бежит на верхний этаж. Его догоняют охранники. С ними Рейчел.

– Прости, Винсент, но это всего лишь копия. Спорим, на этот раз ты и правда такого не ожидал, – она насмешливо закрывает ему глаза ладонями.

Винсент смотрит в окно. Видит веревку, которую натянул накануне вечером между музеем и зданием напротив. Если лучший вор на свете возвращается домой с пустыми руками, по крайней мере, он уйдет красиво. Но как можно быть уверенным в том, что веревка его выдержит? Откуда ему знать, что она не предаст его, как все остальные? Что она не окажется подделкой, как эта картина? Что, добежав до конца художественной галереи, он не обнаружит, что все это ложь? Внезапно опускается зловещее облако, словно вознамерившееся принести дождь в помещение. Незванный гость, масса воды, пришедшая растворить температуру. Он бросается в туман к своей лиане. Он не Тарзан, да и с Джейн все кончено. Но в зал заглянуло облако, и в случившемся столько тайны, что можно уверенно сказать: «Оно того стоило».

Nota critica

Il racconto *In attesa di un riscatto* è stato ispirato a Tommaso Cavani da un'illustrazione di Antonio Pronostico. In una galleria d'arte, la sconfinata successione delle opere esposte può diventare una specie di giungla in cui può perdersi anche un ladro esperto che realizza furti su commissione: «Dentro i dipinti non una faccia, nessuna storia, neanche una strada da seguire. Importano solo tela e cornice. Solo di questo si raccomanda chi gli dà da vivere: che consegni loro integro il pezzo». Spesso il ladro non si sofferma nemmeno a osservare l'opera che deve rubare, gli basta identificarla tra quelle esposte e trovare il modo migliore per portarla via senza danneggiarla: «Il nome è un'etichetta da scrollarsi di dosso prima che gli si appiccichi ai pensieri. È un'iscrizione su placca argentata di fianco a tela e cornice. Serve unicamente a indicare il dipinto. Il dipinto è solo il suo prezzo. Il prezzo per lui è sempre lo stesso. Un dipinto vale l'altro ma nessun ladro al mondo vale quanto lui». Stavolta l'incontro con una guardia giurata di cui era stato innamorato cambia l'esito del piano, poiché il ladro non si rende conto di aver trafugato una copia anziché l'originale. Ma è comunque costretto alla fuga: «Se il miglior ladro del mondo torna a casa a mani vuote almeno può uscire di scena con classe». Il riscatto – sottolinea Tommaso Cavani in questo racconto – è qualcosa che si conquista sempre mettendosi in gioco, e non è mai scontato.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Написание рассказа «В ожидании выкупа» Томмазо Кавани вдохновила иллюстрация современного художника Антонио Проностико. В художественной галерее бескрайняя череда выставленных работ может оказаться джунглями, в которых заблудится даже опытный вор, совершающий кражи на заказ: «Внутри картин нет лиц, историй, путей. Картина – не более чем холст и рама. Только этого требуют заказчики: чтобы предмет был доставлен в целости». Зачастую вор даже не останавливается, чтобы осмотреть картину, которую он должен украсть, ему просто нужно найти ее среди выставленных на обозрение работ и придумать лучший способ унести ее, не повредив: «Имя – это ярлык, который нужно стряхнуть прежде, чем он засядет в мыслях. Надпись на серебристой пластине рядом с холстом и рамой. Имя просто обозначает картину. А картина – это ее цена. Цена всегда одинакова. Ни одна картина не хуже другой. И ни один вор в мире не лучше него». Однако на сей раз его планы нарушает встреча с охраной, которую возглавляет его бывшая возлюбленная: вор не осознает, что украл копию вместо оригинала. И все равно он вынужден бежать: «Если лучший вор на свете возвращается домой с пустыми руками, по крайней мере, он уйдет красиво». Выкуп, – подчеркивает Томмазо Кавани в своем рассказе, – это то, что можно получить, лишь рискуя собой, и для этого не существует простых путей.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Tommaso Cavani è nato a Roma nel 1994. Ha studiato letteratura inglese a Londra e filosofia a Roma, trascorrendo anche un anno di università a Friburgo, in Germania. La confusione geografica riflette una complessità di interessi, tra i quali spiccano anche il cinema, il Sessantotto, la recitazione. Sente di avere una prospettiva che ambisce sempre più a un respiro internazionale, anche in scrittura. I suoi racconti sono apparsi su *Bomarscé*, *Yanez* e *Tre Sequenze*. Insegna inglese, italiano e tedesco come lingue straniere.

Биография

Томмазо Кавани родился в Риме в 1994 г. Изучал английскую литературу в Лондоне и философию в Риме, а также провел год во Фрайбургском университете в Германии. Такое географическое разнообразие отражает многогранность интересов, среди которых также выделяются кино, протестное движение 1968 г. и актерское мастерство. Он чувствует, что обладает уникальным видением, которое все больше стремится ко всемирному охвату, в том числе и в писательстве. Его рассказы публиковались в журналах «Бомарше», «Янес» и «Тре Секвенце». Преподает английский, итальянский и немецкий языки как иностранные.

Emilia De Rango

Traduzione in russo di Ekaterina Lobkova

Эмилия Де Ранго

Перевод на русский язык Екатерины Лобковой

CENTOQUARANTANOVE

Al Campo-149 gli animali che d'inverno restavano senza tana morivano assiderati.

Le volpi e i procioni si salvavano con facilità. Il problema maggiore era delle donnole, perché non sapevano scavare. Dovevano rifugiarsi nel tronco di un abete e sperare che non lo abbattessimo. Ma noi li abbattevamo sempre. Una delle madri ci aveva spiegato che gli alberi cavi sono quelli più vecchi, e anche quelli che bruciano meglio.

Da quel giorno, Maddalena prese ad alzarsi prima del suono della sveglia. Matteo ed io sentivamo il calore del suo corpo evaporare quando scostava le coperte, e la seguivamo senza bisogno di chiedercelo. Essere nati a poche ore di distanza ci rendeva una terzina. Non era una cosa unica, niente lo era per noi, ma era speciale. Significava che il legame sarebbe durato per sempre.

La luce delle prime ore del mattino si specchiava nella neve e faceva sembrare luminoso il vapore dei nostri respiri. Costeggiammo l'orto e i capanni fotovoltaici. Trovavamo le donnole sempre vicino la serra, con la coda dritta e la punta del naso a indicare le montagne. Non mi sembrava una brutta morte. Se avessi potuto scegliere, anche io avrei voluto guardare le montagne prima di andarmene.

Maddalena le seppelliva subito dopo il fiume. Le piaceva attraversare il ghiaccio. Credeva che l'acqua, domata dal freddo e immobile come noi, le sussurrasse parole incoraggianti. Era un lavoro faticoso. Prendevamo le misure con il manico di un badile, perché gli arti delle donnole erano tanto rigidi da non poter essere piegati. Anche il terreno gelava durante la notte. Bisognava prima accendere un fuoco e poi scavare fra la cenere. Una volta le chiedemmo perché non seppellisse i corpi tutti insieme.

«Hanno vissuto in gruppo per tutta la vita», ci rispose, «meritano un po' di spazio almeno nella morte».

A quello, non trovammo niente da ridire. Capivamo bene la sensazione.

Avevamo centoquarantanove fratelli e ventisette madri. Non mi ero mai addormentato senza che qualcun altro, a pochi passi da me, catturasse la mia attenzione nello specchio del bagno mentre ci lavavamo i denti. Non ero mai stato da solo molto a lungo. Ma conoscevo la solitudine.

Ogni sera ci stringevamo nella sala comune. Pregavamo per la nostra anima e inventavamo storie.

СТО СОРОК ДЕВЯТЫЙ

В Лагере-149 животные, которые зимой не прятались в нору, умирали от холода.

Лисы и еноты спасались без труда, а вот ласкам приходилось туго — они не умели копать. Им приходилось укрываться в дуплах елей и надеяться, что мы не срубим выбранные ими деревья. Но мы всегда их срубали. Одна из матерей объяснила нам, что полые стволы — самые старые и лучше всего горят.

С того дня Магдалина начала вставать до побудки. Мы с Матфеем чувствовали, как остывает постель, когда она вылезает из-под одеяла, и следовали за ней без вопросов. Наша троица родилась с разницей в несколько часов. Событие не уникальное — в нашей жизни не было ничего уникального, — но все же нечастое. Оно означало, что между нами всегда будет связь.

Снег блестел в рассветных лучах, подсвечивавших пар от дыхания. Мы проходили мимо огорода и сараев с солнечными батареями. Ласки всегда лежали возле теплиц, вытянув хвосты и устремив носы к горам. Мне казалось, что это неплохая смерть. Если бы у меня был выбор, я бы тоже предпочел смотреть перед смертью на горы.

Магдалина хоронила их за рекой. Ей нравилось ходить по льду. Она верила, что вода, укрощенная холодом и неподвижная, подобно нам, шепчет ей что-то ободряющее. Работа была тяжелая. Мы отмеряли границы ям черенком лопаты, потому что окоченевшие тушки не сгибались. Земля тоже промерзала за ночь. Приходилось разжигать огонь, а потом копать под пятном пепла. Однажды мы спросили, почему Магдалина не хоронит ласок в общей могиле.

— Они прожили вместе всю свою жизнь, — ответила она. — Они заслужили побольше места хотя бы после смерти.

Нам нечего было возразить. Мы хорошо понимали это чувство.

У нас было сто сорок девять братьев и сестер и двадцать семь матерей. По вечерам я то и дело замечал кого-нибудь из них в зеркале, когда чистил зубы перед сном. Я никогда не оставался один надолго. Но я знал, что такое одиночество.

Каждый вечер мы собирались в общей комнате. Молились за наши души и придумывали истории. Над камином висела деревянная доска, на которой был вырезан девиз семьи: *«Возлюби же*

Sopra il camino pendeva una tavola di legno con inciso il motto della famiglia. *Amerai dunque il Padre con tutto il tuo cuore, con tutta la tua mente e con tutta la tua forza.* Poteva sembrare un comandamento, invece era una regola di sopravvivenza.

Il padre era l'unico ad avere una stanza per sé. Consideravamo l'intimità il più grande dei privilegi. Lui se la meritava. Dopotutto, era merito suo se il nostro Campo si era salvato al Giudizio.

A nessuno piaceva parlare di questo argomento. Noi ragazzi sapevamo solo quello che la nostra terza madre ci aveva detto a scuola. La pandemia durò tre anni e mezzo. Annuivamo quando ci spiegava dello scioglimento dei ghiacciai, dell'inquinamento ambientale, del buco dell'ozono, ma non ne capivamo il significato. Erano solo parole che suonavano come una maledizione.

Diventava più facile immaginarsi la fine del mondo di fronte al vecchio bunker. Affondava nella roccia come se fosse precipitato giù dal cielo. Nessuno di noi poteva entrarci. La porta aveva due serrature, una interna e una esterna, e somigliava alla bocca di un grosso animale feroce.

Mentre crescevo, il padre era sempre nel bunker, o a svolgere qualche incarico importante per la comunità. Solo lui aveva il permesso di uscire dal Campo. Ricostruire i credenti era la sua ragione di vita. Quando avevo chiesto credenti in cosa, una madre mi aveva sorriso.

«Ci chiamavano cristiani, una volta. Ma non tutti erano veri fedeli. Non tutti sono sopravvissuti». Sapevo che non eravamo gli unici. Ogni tanto il padre ci portava qualcosa da fuori. Erano per lo più oggetti. Per il nostro tredicesimo compleanno, regalò a Matteo un accendino a benzina e a me un coltellino svizzero. Quello fu anche l'anno in cui Maddalena ricevette il primo body per neonati. Ma alcune volte dal vecchio pick-up scendeva una ragazza, ed io sapevo che sarebbe diventata la moglie di uno dei miei fratelli maggiori.

Non le ho mai considerate cose da adulti. Lo scopo delle nostre vite era diventare abbastanza grandi per poter creare altri bambini. Era per questo che i maschi erano più speciali delle femmine.

La mia mamma di sangue, quella che mi aveva partorito, mi chiedeva spesso di aiutarla nel pollaio. Mi piaceva stare seduto fra la paglia insieme a lei, a lucidare le uova. In quei momenti, io non dovevo impegnarmi per ottenere una parte della sua attenzione e lei non doveva impegnarsi per sembrare paziente.

«Non essere triste. Tu non dovrai mai accontentarti», mi disse una volta. «Avrai tutte le mogli che vuoi».

Отца всем сердцем твоим, всем разумом твоим и всей силой твоей». Звучит как заповедь, но для нас это было правилом выживания.

Только у отца была своя комната. Мы считали уединение величайшей из привилегий, и он ее заслуживал. В конце концов, именно его заслугами наш лагерь был спасен во время Страшного Суда.

Об этом не любили говорить. Мы, дети, знали только то, что третья мать рассказывала в школе. Пандемия продлилась три с половиной года. Мы кивали, когда она объясняла про таяние ледников, загрязнение окружающей среды и дыру в озоновом слое, но не понимали, что это значит. Просто набор слов, похожий на проклятие.

Представить себе конец света было легче, когда мы подходили к старому бункеру. Он был утоплен в скалу, как будто упал с неба. Никому из нас не разрешалось туда входить. На двери было два замка, один снаружи, другой изнутри, и она напоминала пасть большого свирепого зверя. Пока я рос, отец всегда сидел в бункере или делал какие-то важные дела для общины. Только он имел право покидать лагерь. Целью его жизни было возрождение веры. Когда я спросил, во что они верят, одна из матерей улыбнулась:

— Когда-то нас называли христианами. Но не все веровали истинно. Не все выжили.

Я знал, что наш лагерь не единственный. Время от времени отец приносил что-нибудь извне. Обычно вещи. На тринадцатый день рождения он подарил Матфею бензиновую зажигалку, а мне — швейцарский армейский нож. Магдалина в тот год получила первое боди для новорожденного. Но несколько раз из старого пикапа выходили девушки, и я знал, что они станут женами моих старших братьев.

Я не задумывался о том, что буду делать, когда стану взрослым. Целью нашей жизни было дорасти до тех лет, когда мы сможем иметь детей. Именно поэтому мужчины ценились выше, чем женщины.

Моя кровная мама, которая меня родила, часто просила помочь с курами. Мне нравилось сидеть с ней на соломе и счищать грязь с яиц. В эти минуты мне не приходилось прилагать усилия, чтобы привлечь ее внимание, а ей не нужно было прилагать усилия, чтобы казаться терпеливой.

— Не грусти. Тебе не придется себя ограничивать, — сказала она однажды. — У тебя будет столько жен, сколько ты захочешь.

Cosa sarebbe successo se non ne avessi voluta nessuna? Era l'unica cosa che volevo sapere, ma non ebbi mai il coraggio di chiederlo.

Ancora adesso, non riesco a dire in che misura le nostre madri si sentissero legate a noi, né quanto ci conoscessero. Dopotutto, ci avevano concepiti per assolvere a una missione. Ma lei di me qualcosa doveva averla capita.

«Moses, sai perché il diavolo è stato cacciato dal cielo?» mi chiese. «Perché voleva costringerci a essere liberi».

L'inverno in cui compimmo diciotto anni fu il più freddo e luminoso della mia vita. Fu anche la stagione in cui tutto al Campo cambiò. Mentre Matteo e io usavamo il retro del pick-up per trasportare sempre nuova legna da ardere, Maddalena trascorreva le sue giornate nascosta nell'armadio. Sapeva che presto l'avrebbero mandata via. L'ultima ad andarsene era stata Marta, tre mesi prima. Il padre l'aveva barattata con delle scorte di legumi e un carico di carbone.

Dovevamo scoprire la data precisa. L'unico modo era infrangere una delle regole e origliare. Matteo decise per tutti e tre. Aspettò di vedere la prima madre entrare nel bunker, poi ci guidò nel buio. C'era un buco nel cemento, non più grande di una serratura. Sembrava che qualcuno, anno dopo anno, avesse grattato in quel punto con le unghie. Fissai Matteo. I suoi occhi erano dello stesso colore del contorno di una fiamma a gas sul fornello, appena prima che il fuoco fosse abbastanza caldo da sfumare in bianco.

«...sistemato Maddalena», stava dicendo il padre. «Sarà una quarta moglie. Per lei il Campo-213 ci darà della benzina e un vitello».

«E per quanto riguarda Moses...»

«È mio figlio. È cresciuto a mia immagine».

La testa della madre si mosse nel buio. «Non è come gli altri ragazzi. Quello che gli piace... gli piace in modo diverso».

Non mi importò che la prima madre lo avesse capito. L'unica cosa a cui riuscivo a pensare era che non potevo lasciare che il padre sapesse che c'era qualcosa di sbagliato in me.

Gli sarebbe bastato abbassare lo sguardo. Avrebbe notato il buco, avrebbe capito che non ero come lui. Il padre però viveva come un Dio: dopo averci creati, non aveva guardato verso di noi neanche una volta.

А что, если я не захочу иметь жен? Это было единственным, что я хотел знать, но я так и не набрался смелости спросить.

Даже сейчас я не могу сказать, до какой степени матери чувствовали связь с нами и насколько хорошо они нас знали. В конце концов, они зачинали нас не просто так, а ради миссии. Но она, похоже, что-то поняла насчет меня.

— Моисей, ты знаешь, почему дьявол был низвергнут с небес? — спросила она. — Потому что он хотел заставить нас быть свободными.

Та зима, когда нам исполнилось восемнадцать, была самой холодной и яркой в моей жизни. Именно тогда в лагере все изменилось. Каждый день мы с Матфеем привозили в кузове пикапа дрова, а Магдалина с утра до вечера пряталась в шкафу. Она знала, что скоро ее отошлют куда-то. В прошлый раз уехала Марта, три месяца назад. Отец выменял за нее овощи и уголь.

Нужно было выяснить точную дату. Ничего не оставалось, как нарушить одно из правил и подслушать. Матфей решил за троих. Он дождался, когда первая мать войдет в бункер, и повел нас сквозь ночь. В бетоне была дыра, не больше замочной скважины. Как будто кто-то год за годом царапал стену ногтями. Я посмотрел на Матфея. Его глаза были того же цвета, что и наружный контур пламени на газовой плите, как раз перед тем, как оно разгорится и полыхнет белым.

— Пристроил Магдалину, — говорил отец. — Будет четвертой женой. За нее Лагерь-213 даст нам бензин и теленка.

— А что до Моисея...

— Он мой сын. Он вырос по моему образу и подобию.

Голова матери качнулась в темноте.

— Он не похож на других мальчиков. Ему нравится... иное.

Мне было все равно, что первая мать это поняла. Я мог думать только об одном — отец не должен узнать, что со мной что-то не так.

Ему было достаточно опустить взгляд. Он заметил бы дыру и понял бы, что я не такой, как он. Однако отец жил подобно Богу: сотворив нас, он больше на нас не взирал.

В день, когда Магдалина умерла, мы с Матфеем вырыли могилу руками. Земля была такой

Il giorno in cui Maddalena morì, Matteo ed io scavammo la tomba con le mani. La terra era tanto dura da ferirci le dita, ma a noi non dispiaceva. Il dolore ci distraeva da un sentimento diverso, più oscuro e profondo. Qualcosa a cui non sapevamo dare un nome, ma che avevamo addomesticato nell'ombra per anni.

Aveva attraversato il fiume nel posto sbagliato e il ghiaccio le si era infranto sotto i piedi. Questo fu quello che ci raccontò la sua madre di sangue, ma noi conoscevamo la verità. Avevamo percorso quella stessa strada con Maddalena ogni mattina. Davanti al fiume, lei non esitava mai. Prima di seppellirla, infilammo i semi delle pigne acerbe nelle sue tasche. In questo modo sarebbe cresciuto un abete, e forse prima o poi le donnole avrebbero usato il suo tronco come tana per l'inverno.

Dico così perché non sono rimasto abbastanza a lungo per scoprirlo.

Tre settimane dopo il funerale di Maddalena, il bunker prese fuoco. Nessuno capì come successe. Non c'era un camino e neanche un fornello. La fiamma rimase intrappolata all'interno della porta con la doppia serratura e così anche il padre. Sentimmo le urla dall'altra parte del Campo. Per prime accorsero le madri, ma non fecero niente, perché non c'era niente che si potesse fare. Caddero in ginocchio una dopo l'altra come colpite da un fulmine e pregarono. Non per il padre, ma per loro stesse. La libertà doveva apparirgli terribile, e spaventosa.

Non ci sarebbe voluto molto tempo perché uno fra i nostri fratelli più grandi ci liberasse della responsabilità di scegliere. Matteo fu come sempre un passo davanti a me. Dalla tasca in cui di solito teneva l'accendino, tirò fuori un mazzo di chiavi. Me le lanciò. Erano quelle del pick-up.

Sapevo che non sarebbe venuto con me. Il corpo di Matteo apparteneva all'inverno che ricopriva il Campo. Restammo immobili, a osservarci. I nostri pensieri dovevano essere uguali, eppure non osai fare un passo nella sua direzione, né Matteo mi salutò. Disse solo tre parole e mi voltò le spalle. Non aspettò che salissi in macchina. Ridiscese la fiancata della collina, come aveva fatto ogni altro giorno prima di questo, ma non andò alla casa. Stava puntando verso il bosco. Avevamo imparato da tempo che ai peccatori non vengono concesse seconde possibilità. Nessuno dei due sarebbe più tornato. Ma noi eravamo quel che resta di una terzina: uno poteva vivere per tutti.

Alcune notti, però, vorrei non essere io.

твердой, что мы изранили пальцы, но не жаловались. Боль отвлекала нас от другого чувства, более темного и глубокого. Мы не знали, как его назвать, но давно уже приручили его во мраке собственных душ.

Магдалина спустилась на лед не в том месте и провалилась. Так сказала ее кровная мать, но мы знали правду. Мы каждое утро проходили этой дорогой с Магдалиной. Она всегда знала, где перейти реку. Прежде чем засыпать ее землей, мы положили ей в карманы семена из недозре-
лых шишек. Возможно, на месте могилы вырастет ель, и, возможно, когда-нибудь ласки залезут в ее дупло, прячась от холода.

Я так говорю, потому что не пробыл в лагере достаточно долго, чтобы увидеть это.

Через три недели после похорон Магдалины бункер загорелся. Никто не понял, как это произошло. Там не было ни камина, ни печи. Дверь с двумя замками удерживала пламя внутри — а с ним и отца. Крики были слышны на другом конце лагеря. Первыми прибежали матери, но ничего не сделали, потому что сделать нельзя было ничего. Одна за другой они попадали на колени, словно громом пораженные, и стали молиться. Не за отца, а за себя. Должно быть, свобода казалась им ужасной и пугающей.

Но было ясно, что вскоре один из старших братьев освободит нас от необходимости выбирать и от ответственности за выбор. Как всегда, Матфей был на шаг впереди меня. Из кармана, в котором обычно лежала зажигалка, он достал связку ключей. И бросил мне. Ключи были от пикапа. Я знал, что он не пойдет со мной. Тело Матфея принадлежало зиме, накрывшей лагерь. Мы стояли неподвижно, глядя друг на друга. Наверное, мы думали об одном и том же. И все же я не осмелился сделать шаг в его сторону, а Матфей не попрощался со мной. Он произнес всего три слова и повернулся ко мне спиной. Даже не стал ждать, пока я сяду в машину. Спустился по склону холма, как делал каждый день, но не пошел к дому. Он направлялся к лесу. Мы давно уже выучили, что грешникам не дается второго шанса. Ни Матфей, ни Магдалина не вернутся. Но когда-то мы были троичей, и теперь один мог жить за всех.

Однако бывают ночи, когда мне хотелось бы, чтобы это был не я.

Я пишу эти строки, укрывшись под разрушенным куполом на мысу в южной части края, который когда-то назывался Калабрией. В такие дни ветер, завывающий в трещинах витражей, напоми-

Nel momento in cui scrivo sono al riparo sotto una cupola in rovina, sulla punta a sud di una terra che una volta si chiamava Calabria. In giornate come queste, il vento che soffia attraverso le crepe delle vetrate mi ricorda la voce di Matteo. *Non guardare indietro. Non guardare indietro.* Aspetto che il monzone finisca per poter riprendere il mio viaggio. Fuori gli animali cercano un riparo dal vento. Ogni tanto si avvicinano, ma non oltrepassano mai la porta. Preferiscono morire che entrare. Non ho ancora capito perché gli uomini abbiano innalzato chiese e costruito altari, senza essere in grado di inginocchiarsi e pregare.

нает мне голос Матфея. *«Не смотри назад. Не смотри назад»*. Я жду, когда закончится муссон, чтобы двинуться дальше. Снаружи животные пытаются укрыться от ветра. Порой они приближаются, но никогда не заходят. Они скорее умрут, чем войдут в эту дверь. Я до сих пор не понял, зачем люди возводили церкви и строили алтари и почему не могли просто встать на колени и помолиться.

Nota critica

Il racconto *Centoquarantanove* di Emilia De Rango ha come protagonisti tre coetanei – Moses, Matteo e Maddalena – che sono nati nello stesso giorno e hanno condiviso tutto, pur non essendo propriamente fratelli: «Essere nati a poche ore di distanza ci rendeva una terzina. Non era una cosa unica, niente lo era per noi, ma era speciale. Significava che il legame sarebbe durato per sempre». Cresciuti nel Campo-149, sono abituati alle durezza dell'inverno e alla vita comunitaria: «Non mi ero mai addormentato senza che qualcun altro, a pochi passi da me, catturasse la mia attenzione nello specchio del bagno mentre ci lavavamo i denti. Non ero mai stato da solo molto a lungo. Ma conoscevo la solitudine», ricorda Moses. Sopravvissuti al Giudizio che aveva sterminato i cristiani, al compimento dei diciotto anni vedono cambiare tutto: Maddalena e poi Matteo muoiono a causa di un incidente, e il bunker prende accidentalmente fuoco. «Nessuno dei due sarebbe più tornato. Ma noi eravamo quel che resta di una terzina: uno poteva vivere per tutti. Alcune notti, però, vorrei non essere io»: ritrovatosi solo al mondo, Moses scopre la libertà e si ritrova a vivere da eremita «sulla punta a sud di una terra che una volta si chiamava Calabria». Durante le sue giornate, si sforza di non guardare al passato ma la Vita gli pone continui interrogativi a cui non sempre sa dare risposta.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

В рассказе Эмилии Де Ранго «Сто сорок девятый» говорится о трех сверстниках — Моисее, Матфее и Магдалине, — которые родились в один день и у которых все было общим, хотя они и не были близнецами: «Наша троица родилась с разницей в несколько часов. Событие не уникальное — в нашей жизни не было ничего уникального, — но все же нечастое. Оно означало, что между нами всегда будет связь». В Лагере-149 они привыкли к суровым зимам и спартанскому образу жизни: «По вечерам я то и дело замечал кого-нибудь [из братьев и сестер] в зеркале, когда чистил зубы перед сном. Я никогда не оставался один надолго. Но я знал, что такое одиночество», — вспоминает Моисей. Выжив после Страшного Суда, в ходе которого были истреблены христиане, они доживают до восемнадцати лет, когда все меняется. Сперва Магдалина, затем Матфей погибают в результате странного несчастного случая, а бункер загорается. «Ни Матфей, ни Магдалина не вернутся. Но когда-то мы были троицей, и теперь один мог жить за всех. Однако бывают ночи, когда мне хотелось бы, чтобы это был не я». Оставшись в одиночестве, Моисей открывает для себя свободу и живет отшельником «на мысу в южной части края, который когда-то назывался Калабрией». День за днем он изо всех сил пытается не оглядываться на прошлое, но жизнь постоянно задает вопросы, на которые он не всегда может ответить.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Emilia De Rango è nata a Cosenza nel 1994. Si è laureata in Lettere moderne presso l'Università "La Sapienza" di Roma, e poi ha conseguito la Laurea Magistrale in Editoria e giornalismo presso l'Università di Verona. La sua passione per la lettura l'ha portata in Spagna, a fare la libraia per un po', e a Torino, dove ha frequentato la Scuola Holden. Visto che non riesce proprio a stare lontana dai libri, attualmente è iscritta al Master in Editoria promosso dalla Fondazione Mondadori e lavora a Milano, come libraia, per la Feltrinelli.

Биография

Эмилия Де Ранго родилась в 1994 г. в калабрийском городе Козенца. Получила степень бакалавра современной литературы в Римском университете «Сапьенца», затем окончила магистратуру по специальности «издательское дело и журналистика» в Веронском университете. Страсть к чтению привела Эмилию в Испанию, где она торговала книгами, и в Турин, где она обучалась в литературной Школе Холдена. Эмилия не может жить без книг, поэтому сейчас она учится в магистратуре Фонда Мондадори издательскому делу и работает в одном из миланских магазинов издательства «Фельтринелли».

Giovanni Di Paola

Traduzione in russo di Ekaterina Mischeeva

Джованни Ди Паола

Перевод на русский язык Екатерины Михеевой

trascorsi

tira un vento della Madonna ma non c'è certo da meravigliarsi| è sempre così sui ponti sui fiumi soprattutto questi larghi poi| in Italia non ce n'è di così larghi sono pochi i casi da noi in Campania siamo abituati a ponticelli [ma non il quartiere di Napoli no nel senso di ponti piccoli su fiumi piccoli]]

da dove viene st'aria violenta che fa chiudere gli occhi sferza pure un po' il viso?| da piccolo pensavo il vento nascesse dagli alberi o meglio dal battito d'ali dei loro abitanti che gli stormi nascosti nelle chiome agitassero rami e foglie e che tutti gli uccelli del mondo timbrassero a turno il cartellino chi a mattina chi a sera per produrre quantità di vento che bastasse per ogni angolo della Terra perfino in America pensavo da piccolo| oggi alzo lo sguardo e mi interrogo lo stesso| cambia solo la natura delle mie domande| ora lo so che il vento nasce con la pressione atmosferica gli spostamenti delle masse d'aria eccetera eccetera ma non era meglio quando credevo alle civette notturne e alle allodole all'alba come produttori diretti di questo fenomeno paranormale?| crescendo cambiano quasi tutte le certezze| disilluse anche le convinzioni più radicate| è normale allora sentirsi tonti ogni tanto fuori luogo tipo perso nel bosco e non c'è l'ago alla bussola| non è nemmeno una situazione così rara| ogni giorno cambia qualcosa ogni minuto muore un bacio un respiro| proprio come il me di adesso su questo ponte che mi fa sentire diverso dal me dell'ultima volta come uno scemo a fissare il vuoto che vuoto non è ma un fiume in piena io nuoto e affogo seduto sulla panchina|

Sbatti le palpebre.

me lo devo ricordare ogni tanto di tenere umido lo sguardo nonostante qualche lacrima faccia già da sentinella| forse è il vento di adesso a farmi lacrimare forse i venti di un anno fa quando se c'era freddo bastava un abbraccio e se tenersi per mano era fuori discussione in totale autonomia le mani mie con le sue al chiaro di luna nelle tasche del giubbino| io mettevo sempre quello rosso per l'occasione gli altri cappotti mi stavano stretti e l'idea di non tenerle le dita a passeggio mi faceva sentire come un cavallo senza le briglie| ero da tempo addomesticato al suo andamento non aveva senso galoppare

ушедшее

дует сильный ветер но тут нечему удивляться| так всегда на мостах на реках особенно на широких| в Италии нет широких они небольшие а что до нас мы в Кампании привыкли к маленьким мостикам [не в смысле район Неаполя нет речь идет о маленьких мостиках через крошечные речушки]|

откуда же прилетает беспощадный воздух что заставляет жмурить глаза и даже бьет по лицу?| в детстве мне казалось что ветры рождены деревьями или быть может взмахами крыльев их обитателей казалось что стаи затаенные в кронах колышут ветви и листья что все птицы мира по очереди заступают на рабочую смену кто утром кто вечером чтобы произвести норму ветра для каждого уголка Земли и даже для Америки как казалось мне в детстве| сегодня я поднимаю глаза и задумываюсь о том же| изменился лишь характер моих вопросов| теперь я знаю что ветры рождены под воздействием атмосферного давления движения воздушных масс и так далее и тому подобное но не лучше ли было когда я верил что совы по ночам а жаворонки на рассвете порождают это паранормальное явление?| с годами взгляды меняются| даже глубинные убеждения не вечны| так что вполне естественно чувствовать себя по-дурацки иногда не в своей тарелке будто ты заблудился в лесу а стрелка на компасе пропала| не такая уж это и редкость| каждый день что-то меняется каждую минуту обрывается поцелуй ли дыхание ли| прямо как нынешний я на этом мосту чувствуя что на себя прежнего я не похож что я как дурак вглядываюсь в пустоту которая и не пустота вовсе а разлившаяся река плыву и тону сидя на скамейке|

Сомкни вежды.

время от времени мне приходится напоминать себе что глаза должны быть влажными хотя пара слезинок и так на страже| может это нынешний ветер заставляет меня плакать может ветры из прошлого когда в холод спасали объятия за руку мы никогда не ходили но мои и ее руки сами находили друг друга в лунном свете в карманах куртки| я всегда носил красную другие были тесноваты и от мысли не держаться за руки во время прогулки я чувствовал себя конем без узды| я давно приучен к ее по-

senza lei non mi andava certo di trottarle di fronte| andavo al passo pacato e lento e lei al controllo delle mie redini| guidami tu sennò imbizzarrisco|

Sbatti le palpebre.

ma è ancora marzo oggi?| possibile sia così freddo?| marzo scorso si stava un po' meglio è cambiato il clima di fuori il clima di dentro| è passato un signore in pantaloncini e occhiali da sole a fare jogging mi ha fatto un cenno col capo come a scusarsi passando in mezzo tra panchina e balaustra [ma scusa di cosa signore che corre non è mica mio il ponte né tantomeno il panorama!]| mi lasci passare quest'accenno d'acidità signore che corre non è giornata da tipo sei mesi ma sto migliorando lo giuro| cominciano a stancarmi queste ondate di malinconia dove mi faccio naufrago di temporanee consolazioni| da troppo tempo navigo queste infide acque e che scemo il timone sta a me|

Sbatti le palpebre.

è che ancora non capisco chi professa l'eternità dell'amore e poi la spezza tipo grissini sottomarcal quali sono i meccanismi umani che portano a troncare un rapporto a pestare un amore quand'è più felice?| troppi quesiti troppi altri di contorno troppe domande e io annaspo perché non a tutto c'è una risposta| sì ma gli altri che colpa ne hanno?| non si possono mica forzare i sentimenti| ok ma che colpa ne ho io?| e soprattutto perché devo vedermi dilaniata la normalità?| me lo chiami normale subire sempre le scelte degli altri e mai scegliere?| me lo chiami normale non riuscire a gioire della propria presenza e avere bisogno di qualcuno per sentirsi qualcuno?| come fai quando t'affatica il silenzio ma le parole sarebbero inutili?| come fai quando ti senti un mosaico ma non ti trovi i tasselli?| certe cose capitano e basta| certe altre indicheranno la strada giusta solo col tempo| come nei quadri la visione è completa solo se fai un passo indietro| l'arte del distacco| ma questa fiducia al tempo chi gliela dà?| chi ti assicura che poi tutto andrà meglio?| come si evitano i fusi orari della sofferenza i ticchettii degli orologi nelle camere spente?|

ходке не было смысла скакать галопом без нее совершенно точно не хотелось бежать рысью впереди| я двигался спокойным и медленным шагом а она держала мои поводья| ты веди меня иначе я встану на дыбы|

Сомкни вежды.

а сейчас по-прежнему март?! разве может быть так холодно?! в прошлом марте было получше климат снаружи изменил климат внутри| мужчина в шортах и солнечных очках вышел на пробежку и кивнул мне будто извиняясь когда проходил между скамейкой и перилами [но за что извиняться синьор-бегун ведь мост не мой а вид с него тем более!]| позвольте пропустить этот колкий намек синьор-бегун сегодня не самый лучший день и так почти шесть месяцев но мне лучше честное слово| начинают утомлять волны меланхолии в которых терпят бедствие мои мимолетные утешения| я слишком долго плыву по этим коварным водам и какой же дурацкий у меня штурвал|

Сомкни вежды.

я по-прежнему не понимаю тех кто говорит о вечной любви а потом разламывает ее как дешевые хлебные палочки| какие человеческие механизмы приводят к разрыву отношений к убийству любви в самый счастливый ее час?! столько неизвестного столько второстепенного столько вопросов и я в смятении потому что не всегда есть ответ| да а другие в чем виноваты?! ну ведь нельзя насиловать чувства| хорошо а я в чем виноват?! и самое главное почему я должен видеть безжалостно уничтоженную нормальность?! вы считаете это нормально постоянно принимать выбор других но никогда не выбирать самому?! вы считаете это нормально не испытывать радость наедине с собой и нуждаться в ком-то чтобы чувствовать себя кем-то?! что вы делаете когда тишина изводит а слова бесполезны?! что вы делаете когда ощущаете себя мозаикой а собирать вас не из чего?! некоторые вещи просто случаются| некоторые указывают верный путь лишь спустя время| как картина которую можно увидеть целиком только сделав шаг назад| искусство отстранения| но кто вам внушил что время все исправит?! кто сказал что потом будет лучше?! как избежать часовых поясов боли тиканья времени в мертвых комнатах?|

Sbatti le palpebre.

il sole oggi non vuole mostrarsi ma chi lo biasima [potrà anche lui avere diritto a una giornata storta oppure no?]] quanto è egoista da parte nostra pretendere sia sempre disponibile a soddisfare ogni nostro capriccio a baciarsi le gote la fronte| pigliatevela dagli spinaci la vitamina D! direbbe il sole ch  io pure ho diritto a qualche giorno di ferie|

Sbatti le palpebre. Un uccello si posa sulla ringhiera e mi riporta per un attimo coi piedi per terra. Gira la testa di scatto con fare interrogativo e, quasi copiandomi, anche lui comincia a scrutare la corrente aldil  delle inferriate. – Ti stai prendendo cinque minuti di pausa da lavoro eh? – mi viene da dirgli accennando un sorriso. – Ecco perch  il vento sembra essersi un attimino calmato.

vedi?| tutto torna| io proprio non so perch  mi ostino a visitare i luoghi di una volta| posti dove ha vissuto un me diverso una diversa lei diventati poi un noi al singolare abbiamo pure fatto ubriacare i pronomi quando stavamo insieme| ricordi bloccati su ponti all'estero| momenti felici prigionieri del freddo del metallo incatenati alle mandate di queste serrature alla ferraglia di questa ringhiera|

Sbatti le palpebre.

il letto del fiume rimbocca le coperte a chiss  quante chiavi ogni notte| di sicuro l  sotto pure la nostra dorme notti agitate| quaranta lucchetti pi  o meno| ottanta cuori quindi| centossessanta occhi si sono guardati| quattrocento dita si sono sapute a memoria pure le cuticole| quaranta spalle degli uni hanno sorretto quaranta teste degli altri e viceversa| i sorrisi non si sa| le tristezze non si sa| il nostro lucchetto perch  spicca tra tutti| sar  che ho lo sguardo che non dimentica| sar  che ha la lega forgiata a metallo fuso e lacrime| io fisso lui e lui fissa me rassegnati compagni di vecchia data| quaranta lucchetti a ricordare le passeggiate sui ponti col vento le mani in tasca col freddo| quaranta lucchetti e il nostro non ha funzionato| non so quelli degli altri ma tanto gli altri non esistono al momento| il nostro lucchetto non ci ha promessi al per sempre come speravamo pure se tiene in ostaggio mille

Сомкни вежды.

солнце сегодня не хочет выглядывать но кто его осудит [оно тоже имеет право прожить скверный день разве нет?]| с нашей стороны так эгоистично ожидать что солнце всегда готово исполнить любой каприз целовать нас в щеки и в лоб| ищите витамин D в шпинате! скажет солнце потому что я тоже имею право на выходные|

Сомкни вежды. На парапете уселась птица, это ненадолго возвращает меня на землю. Вдруг она вопрошающе поворачивает голову и, будто повторяя за мной, начинает вглядываться в течение по ту сторону перил. – Ты решила пять минут отдохнуть от работы, да? – хочется спросить у нее с улыбкой. – Так вот почему ветер на мгновение утих.

видишь? все возвращается| не могу понять почему я продолжаю навещать места из прошлой жизни| места где жил другой я другая она места где появились мы в единственном числе пока мы были вместе мы даже подпоили местоимения| воспоминания запертые на заграничных мостах| счастливые мгновения плененные холодным металлом прикованные к оборотам ключа в железном замке на парапете.

Сомкни вежды.

кто бы знал сколько ключей накрывает река каждую ночь| наверняка и наши спят на дне беспокойными ночами| плюс-минус сорок всяких замков| выходит восемьдесят сердец| сто шестьдесят глаз смотрели друг на друга| четыреста пальцев помнили руки наизусть вплоть до кутикул| сорок плеч одних поддерживали сорок голов других и наоборот| и улыбки не изведаны| и печали не изведаны| но наш замок выделяется| просто мои глаза не забывают| просто он выкован из сплава металла и слез| смотрю на него он на меня смиренные приятели с давних времен| сорок всяких замков на память о прогулках по мостам на ветру о руках в карманах на холоде| сорок всяких замков а наш не срабо-

respiri e baci eterni roba da niente vien da pensare però si sentono tutti se avvicini l'orecchio|

Sbatti le palpebre. Prendi il telefono. Scrivi.

*quando arriva la fine
intrappolati si resta
tra ferro battuto
e nessuna promessa
un triste destino
costretti a campare
di memorie sfocate
non c'è nulla da fare*

ho annotato qualche verso sulle note del cellulare| alcuni sono in rima altri solo assonanze| ne ho scritti pochi e veloci perché il freddo delle dita mi arriva dritto al cuore per qualche strano motivo| è stato un piacere venirti a trovare| s'è fatto tardi ora devo rientrare| do un bacio al lucchetto| non pretendo un ritorno| ci siamo amati di notte| voluti bene di giorno|

Mi alzo di scatto dalla panchina. Perdo spesso la cognizione del tempo quando mi passeggiò il bianco degli occhi. Metto le mani in tasca e mi incammino verso la fine del ponte. Meno male non hanno ancora acceso i lampioni.

asciugati il pianto| non ho il fazzoletto| usa la manica che te ne frega|

тал| не знаю как у других но других и не существует в текущем моменте| наш замок не расписался в вечности как мы надеялись и всё же он держит в заложниках тысячу вздохов и бесконечность поцелуев можно подумать ерунда но их слышно если подставить ухо|

Сомкни вежды. Возьми телефон. Пиши.

*в финале картины
нет места надежде
в железе как в путях
как в ловушке исчезнуть
печальна судьба
жить воспоминанием
жить смутным прошлым
как наказанием*

набросал пару строк в заметках телефона| где-то рифма где-то ассонансы| я писал мало и быстро потому что холод по каким-то неведомым причинам через пальцы проникал в самое сердце| рад был навестить| уже поздно, мне пора возвращаться| я целую замок| взамен ничего не нужно| мы любили друг друга ночами| мы были и днем влюблены|

Вскакиваю со скамейки. Я часто теряю счет времени, когда смотрю по сторонам. Прячу руки в карманы и направляюсь к концу моста. Хорошо, что еще не зажгли фонари.

утри слезы| у меня нет платка| ну рукавом какая разница|

Nota critica

Nel racconto *trascorsi* Giovanni Di Paola utilizza una tecnica narrativa basata sulla prosa lirica e sulla scrittura intimista. Le sue credenze di bambino vengono a sgretolarsi nell'età adulta: «oggi alzo lo sguardo e mi interrogo lo stesso| cambia solo la natura delle mie domande| ora lo so che il vento nasce con la pressione atmosferica gli spostamenti delle masse d'aria eccetera eccetera ma non era meglio quando credevo alle civette notturne e alle allodole all'alba come produttori diretti di questo fenomeno paranormale?| crescendo cambiano quasi tutte le certezze| disilluse anche le convinzioni più radicate». E ripete a se stesso come un mantra: «Sbatti le palpebre», per avere una diversa messa a fuoco della realtà, per contrastare gli eccessi di malinconia, per farsi coraggio dinanzi alla fine di un amore, per riappacificarsi con il tempo che passa, per cercare un equilibrio nella quotidianità. Ma non è affatto facile: «me lo chiami normale subire sempre le scelte degli altri e mai scegliere?| me lo chiami normale non riuscire a gioire della propria presenza e avere bisogno di qualcuno per sentirsi qualcuno?» Una consolazione può essere prendersi una pausa, fare una passeggiata, scrivere poesie con il cellulare, cercare di non farsi uccidere dai ricordi: «asciugati il pianto| non ho il fazzoletto| usa la manica che te ne frega». Giovanni Di Paola riprende il dono delle lacrime dei mistici per segnare la catarsi di un giovane contemporaneo.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

В рассказе *ушедшее* Джованни ди Паола использует нарративную технику, основанную на лирической прозе и интимистском письме. Детские убеждения героя разбиваются вдребезги, когда он вырастает: «сегодня я поднимаю глаза и задумываюсь о том же| изменился лишь характер моих вопросов| теперь я знаю что ветры рождены под воздействием атмосферного давления движения воздушных масс и так далее и тому подобное но не лучше ли было когда я верил что совы по ночам а жаворонки на рассвете порождают это паранормальное явление?| с годами взгляды меняются| даже глубинные убеждения не вечны». Он повторяет как мантру: «Сомкни вежды», чтобы по-другому видеть реальность, чтобы противостоять бескрайней тоске, чтобы сохранить мужество перед концом любви, чтобы примириться с идущим временем, чтобы найти равновесие в обыденной жизни. Но это не так просто: «вы считаете это нормально постоянно принимать выбор других но никогда не выбирать самому?| вы считаете это нормально не испытывать радость наедине с собой и нуждаться в ком-то чтобы чувствовать себя кем-то?» Утешением могут стать отдых, прогулка, написанные в телефоне стихи, попытка не убить себя воспоминаниями: «утри слезы| у меня нет платка| ну рукавом какая разница». Джованни ди Паола наследует у мистиков дар слез, чтобы показать катарсис молодого человека нашего времени.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Giovanni Di Paola ha conseguito la laurea triennale nel 2019 discutendo una tesi sull'influenza e l'apporto letterario della figura del filosofo spiritualista Nikolaj Berdjaev nella Russia del Secolo d'Argento, traducendo inoltre una sua critica inedita in italiano su *Pietroburgo* – romanzo dello scrittore simbolista Andrej Belyj – pubblicata successivamente nel 2020 sulla rivista “eSamizdat”. Nel 2023 ha conseguito la laurea magistrale con una tesi in Linguistica applicata dal titolo *Cognizione e linguaggio in Lev Semënovič Vygotskij. Prospettive di ricerca nella scienza cognitiva*, che si interroga sulla natura intrinseca del linguaggio e sul suo sviluppo cognitivo, mettendo a confronto pareri discordi tra la vecchia scuola dello stimolo-risposta e la nuova scuola culturale di Vygotskij, linguista e psicologo che ha dato un forte contributo alla psicologia mondiale nonostante la sua breve produzione letteraria.

Биография

Джованни Ди Паола получил диплом бакалавра в 2019 г., защитив работу о влиянии и вкладе в литературу Николая Бердяева, русского философа–спиритуалиста Серебряного века. В этой связи он перевел ранее неизданную критическую статью Бердяева о романе символиста Андрея Белого «Петербург», которая была опубликована в 2020 г. в журнале «eSamizdat». В 2023 г. защитил магистерскую работу по прикладной лингвистике на тему «Познание и язык в трудах Льва Семеновича Выготского. Перспективы когнитивных исследований», в которой рассматривается природа языка и его когнитивное развитие, сравниваются противоположные взгляды старой школы «стимула–реакции» и новой культурной школы Выготского, лингвиста и психолога, который, несмотря на небольшое количество работ, внес значительный вклад в мировую психологию.

Veronica Dolcini

Traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Вероника Дольчини

Перевод на русский язык Светланы Смалевой

CONOSCI TE STESSO MENTRE TUTTO PASSA

Dalla sua cameretta.

Tutto era partito dalla sua cameretta. Sogni, speranze, illusioni, incubi.

Era una tiepida giornata d'autunno, e la leggera brezza settembrina accarezzava le chiome degli alberi, che da verdi sgargianti iniziavano a tingersi di rosso e di giallo.

Dalla finestra della sua cameretta, Sofia contemplava quello che a tutti gli effetti sembrava essere il dipinto di un artista orgogliosamente audace nella scelta dei colori.

Il suo sguardo era assorto, la mano destra sorreggeva la testa appesantita da qualche pensiero di troppo. In sottofondo la voce di Harry Styles, che con la sua solita allegria venata da una nota di amarezza, cantava *I've never been a fan of change*.

A quella frase fece seguito un'improvvisa folata di vento, che pose fine alla quiete apparente di quell'istante, finché le foglie non iniziarono a muoversi vorticosamente come le idee racchiuse dalla sua chioma ribelle. In quanti le avevano criticato quella chioma... "È una massa informe!", "Ma perché non fai un taglio che sia degno di questo nome?", "Secondo me dovresti asciugarli diversamente... Così non sono né lisci né ricci".

Ma era proprio così che Sofia si sentiva: né riccia, né liscia. Odiava essere imprigionata in schemi che la definivano, così come odiava che i suoi capelli prendessero una forma decretata da qualcun altro. E così aveva deciso di lasciarli liberi, senza redini, ribelli. Un po' come lei.

Sin da quando era bambina, amava rifugiarsi nei racconti di fantasia, perché lì aveva l'impressione di poter essere esattamente chi voleva, prendendosi una pausa dai limiti che la realtà le imponeva.

Sì, perché nella sua immaginazione poteva essere contemporaneamente un'illustre professoressa di magia e una famosa rockstar americana, una scrittrice affermata e una veterinaria in grado di parlare con gli animali, una dottoressa e un'eroina con poteri soprannaturali chiamata a salvare il mondo.

Del resto, chi poteva impedirle di essere tutte queste cose?

ПОКА ЖИЗНЬ ТЕЧЕТ, ПОЗНАВАЙ СЕБЯ

Из комнатки.

Все пошло из ее комнатки.

Мечты, надежды, заблуждения, кошмары.

Стоял прохладный осенний день. Легкий сентябрьский ветерок ласкал кроны деревьев, которые меняли броскую зелень на желтизну и рыжину.

Из окна своей комнатки София глядела на буйство красок, словно вышедшее из-под кисти гордого и смелого в выборе цветов художника.

Она сосредоточенно рассматривала пейзаж, правой рукой подпирая тяжелую от мыслей голову. На заднем плане звучал голос Гарри Стайлза, который весело, но с едва уловимой горечью пел «I've never been a fan of change»¹.

После этой фразы вдруг налетел ветер, разрушил мнимое равновесие и закружил листья. Они вертелись, подобно мыслям в ее голове с непослушной гривой волос. Частенько находились советчики, как их укротить (хотя их совета никто не просил): «Это же просто копна!»; «Почему бы тебе не сделать прическу, которую хотя бы можно назвать прической?»; «Может, тебе их лучше сушить по-другому, а то они...ни прямые, ни кудрявые».

«Ни прямые, ни кудрявые» – София легко примеряла на себя это определение. Ей настолько же претило подчиняться чужим мнениям, насколько претило укладывать волосы в соответствии с чужими желаниями. Поэтому София оставила их свободными и непокорными: как и она сама.

С самого детства ей нравилось прятаться в фантастических мирах. Ей казалось, будто она может превратиться в кого угодно, а ограничения реального мира перестанут работать на это время.

Ведь в воображении София могла стать одновременно знаменитым профессором

1 «Мне никогда не нравились перемены» (англ.). (Здесь и далее – прим. перев.)

Sofia era cresciuta con i cartoni della Disney, con *Il Cerchio della vita* e *Tutti quanti vogliono fare jazz*, con i racconti di principesse che non avevano aspettato il principe azzurro per sfuggire dalla propria condizione, ma che al contrario il principe lo avevano salvato.

Era cresciuta leggendo i miti greci e appassionandosi alle storie, di qualsiasi genere e forma. Che fossero narrate attraverso film, libri, giochi inventati con i suoi amici o racconti della buonanotte, ciò che importava a Sofia era avere la sua dose giornaliera di fantasia, con cui poter costruire i suoi sogni e dare senso alle sue giornate.

Era piccola e piena di sogni. Ed era felice per davvero.

Ma le cose cambiano. E Sofia, in accordo con le parole di Harry Styles, non era mai stata una fan del cambiamento.

La sua era sempre stata una famiglia molto unita: i suoi genitori, a volte un po' iperprotettivi, erano però molto presenti e comprensivi, e la sorellina Lara, con cui aveva ben dieci anni di differenza, sapeva farla ridere anche quando era in una di quelle sue giornate nere.

Sofia era cresciuta con la consapevolezza di dover lavorare duramente per raggiungere i propri obiettivi, senza dar nulla per scontato e senza vantarsi dei successi ottenuti, perché, come i suoi genitori le ripetevano sempre, "bisogna essere grati ma non supponenti".

Non aveva mai messo in dubbio questi insegnamenti, e nel tempo si era sempre distinta per il suo impegno in qualsiasi disciplina, anche in quelle per le quali non provava grande simpatia, come matematica ed educazione fisica.

Insomma, Sofia era la figlia modello e la studentessa modello. Non se ne vantava mai, ma era semplicemente fiera di esserlo. Si sentiva apprezzata e importante, e soprattutto amava impegnarsi in ogni campo per apprendere sempre cose nuove che soddisfacessero la sua sete di curiosità.

Ma era ignara che la felicità che aveva costellato la sua infanzia le sarebbe stata portata via solo qualche anno dopo, più precisamente all'età di quindici anni.

Bizzarro, vero? Quasi tutte le protagoniste dei suoi cartoni preferiti si aggiravano intorno ai quindici e i sedici anni, e in quasi tutte le storie che aveva letto quell'età coincideva con

магических искусств и популярной американской рок-звездой, признанной писательницей и умеющим разговаривать с животными ветеринаром, врачом и героиней со сверхъестественными силами, которая непременно спасет мир.

В конце концов, кто бы ей помешал?

София выросла на диснеевских мультфильмах, на песнях из них: «Круговорот жизни» и «Каждый очень хочет быть котом»², – и на рассказах, где принцессы не дожидались принца на белом коне, чтобы спастись из башни, а наоборот, вызволяли своих принцев сами.

Она выросла на древнегреческих мифах, ее привлекали истории всех жанров.

Фильмы, книги, сказки на ночь или придуманные с друзьями игры – Софии было важно непрерывно фантазировать, чтобы создавать свои миры и наполнять каждый новый день смыслом.

Юная мечтательница жила по-настоящему счастливо.

Но все меняется. София, прямо как у Гарри Стайлза в песне, тоже не любила перемен.

Ее семья всегда была дружной: понимающие родители, иногда даже чересчур опекающие, оставались рядом, а сестренка Лара, несмотря на разницу в десять лет, умела рассмешить, даже если день явно не задался.

Сызмальства София осознавала: чтобы чего-то достичь, ей придется тяжело работать, ничего не принимать как должное и не хвалиться своими успехами. Родители без устали повторяли ей: «Не забывай о благодарности и не зазнавайся».

София никогда не сомневалась в этих правилах. Со временем она научилась достигать высот в любом деле, даже если было не слишком интересно, например, в математике и физкультуре.

София росла образцовой дочерью и ученицей, иначе и не скажешь. Она ужасно гордилась собой, потому что никогда не зазнавалась и чувствовала, насколько ценна и важна для других. Больше всего ей нравилось учиться, София постоянно искала что-то новенькое для

2 Первая песня из мультфильма «Король лев» (1994), вторая – из мультфильма «Коты-аристократы» (1970).

qualche grande cambiamento. Ma quello che Sofia aveva dovuto affrontare era ben più di un semplice cambiamento.

Per lei era stata una vera e propria catastrofe. Sì, perché ora che di anni ne aveva ventidue, il ricordo dei suoi quindici anni si accompagnava sempre a quello della separazione dei suoi genitori.

Nessuno, tantomeno lei, si sarebbe mai aspettato che una famiglia come la sua, sicuramente non perfetta, ma nonostante tutto affiatata, potesse subire una frattura di quel tipo.

Da quel momento, ogni cosa nella vita di Sofia era cambiata. Ogni equilibrio aveva cominciato a vacillare. Inaspettatamente. Ma inesorabilmente.

Anche i suoi desideri, per qualche strano motivo, erano mutati: se per anni aveva convissuto con la certezza di voler fare medicina, al momento della faticosa scelta la sua mente era andata verso una strada totalmente nuova e inattesa: Lettere. E che c'entra Lettere con lo studio di un organismo complesso come il corpo umano? Difficile rispondere. Quel che però è facile intuire è che qualcosa, in lei, era cambiato per sempre. E questo la spaventava a morte. Così, finito il liceo, aveva iniziato l'università, non con qualche incertezza sulla sua scelta. Ma in quel momento, le sue preoccupazioni erano state come attutite e rese più leggere dalla presenza di una nuova figura nella sua vita: Stefano.

Stefano era la versione maschile di Sofia: gli piaceva andare a scuola, aveva un forte senso del dovere e mille idee per la testa. A differenza sua, però, era molto più sicuro di sé e non perdeva occasione per far sfoggio delle sue capacità, ricevendo rimproveri da parte di Sofia ogniqualvolta gli succedeva di sfociare in una sgradevole presunzione. Con la sua voglia di fare e la sua allegria contagiosa, Stefano l'aveva a poco a poco portata per mano in quella che a tutti gli effetti sembrava essere una fiaba. Con lui Sofia aveva ricominciato a sorridere, e nonostante la preoccupazione per il futuro l'accompagnasse come un'ombra oscura anche nei giorni più soleggiati, il suo cuore aveva ripreso a sperare che sensazioni come quelle sarebbero durate per sempre.

Ma, come diceva il grande filosofo Eraclito, “tutto scorre”. O almeno, questo era ciò che le sue esperienze le stavano insegnando.

своих фантазий.

Ей и в голову не приходило, что детское счастье отнимут через несколько лет, когда ей исполнится пятнадцать.

Невероятно, правда? Почти всем героиням ее любимых мультфильмов как раз было лет пятнадцать – шестнадцать, почти во всех прочитанных Софией историях именно в этом возрасте что-то значительно меняется. Однако Софии пришлось столкнуться с действительно невероятными переменами.

Катастрофа. Никак иначе описать случившееся она не могла. Именно катастрофа. Теперь, когда ей уже двадцать два, воспоминание о пятнадцати годах оказалось накрепко связано с разводом родителей.

Никто такого не ждал, особенно София. Конечно, у каждой семьи свои недостатки, но все же их была очень дружной.

С тех пор в жизни девушки изменилось все. Равновесие пошатнулось. Неожиданно и неумолимо.

По какой-то странной причине ее желания тоже стали другими. Годами в ней крепла уверенность, что ее призвание – медицина, однако в час судьбоносного выбора разум предпочел новый и неожиданный путь – словесность. Что общего оно имело с изучением такого сложного организма, как человеческое тело? Трудно сказать. А вот увидеть огромные изменения в самой Софии оказалось легко. И они до смерти напугали ее.

Окончив школу, девушка поступила в университет, пусть и сомневаясь в собственном выборе.

Тогда ее тревоги немного отступили. В жизни Софии появилась новая фигура: Стефано. Стефано казался ее мужской версией: ему тоже нравилось учиться, он обладал развитым чувством долга, а в его голове вертелись тысячи идей. Однако в отличие от Софии он был намного больше уверен в себе и никогда не упускал случая для бахвальства, за что София постоянно упрекала его, но безрезультатно: самомнение Стефано только росло. Со всей своей энергией и заразительным весельем Стефано постепенно погружал Софию в сказку, с какой стороны ни посмотри. С ним София снова начала улыбаться, и, несмотря на опасе-

Dopo tre anni, Sofia si preparava ad affrontare il terzo grande cambiamento della sua vita, ma questa volta quell'onda inarrestabile aveva travolto per primo Stefano. Mentre si stavano preparando per uscire in una tranquilla sera di luglio, i suoi occhi, da vispi quali erano sempre, si erano fatti improvvisamente spenti e tristi: "Mio cugino ha una malattia", si era limitato a dire.

Da quel momento, Stefano non era stato più lo stesso. La maschera da bravo ragazzo, sempre attento e premuroso, si era a poco a poco dissolta per lasciar spazio a un giovane freddo e spaventato.

La stessa persona che prima aveva condiviso ogni frammento della sua anima con Sofia, ora la stava escludendo dal suo dolore. E lei, che per quel dolore voleva essere la cura, era diventata ogni giorno sempre più triste e scoraggiata. Come mai Stefano la stava allontanando? Forse non si fidava?

Perché, mentre lei gli aveva permesso di aiutarla a rinascere dopo la separazione dei suoi, lui non le stava dando la possibilità di fare altrettanto?

Queste erano solo alcune delle domande che la tormentavano, finché un giorno, avvilita dall'indifferenza di Stefano, Sofia lo aveva chiamato in lacrime dicendogli che in quel modo non poteva continuare. Ma lui, anziché mostrarsi timoroso di perderla di fronte a quell'ultimo gesto disperato, le aveva risposto con un distaccato e lapidario: "Va bene".

Quelle due parole, apparentemente così insignificanti, l'avevano devastata nel profondo.

Sì, perché non solo si trovava ad affrontare un nuovo cambiamento, ma perché questa volta l'artefice era proprio la persona che le aveva assicurato che nulla sarebbe mutato.

Ci vollero alcuni mesi prima che Sofia riuscisse a riprendersi. Durante quel periodo buio, molti degli amici che credeva le sarebbero rimasti vicini se ne erano andati.

Le sue costanti erano diventate la musica e le passeggiate al calar della sera: mentre si aggirava per le strade di campagna, lasciava i suoi pensieri liberi di vagare senza meta.

Più passava del tempo da sola, più Sofia si rifugiava nella sua immaginazione, facendo di se stessa l'unico faro in quella tempesta di cambiamenti che l'avevano travolta senza preavviso.

ния по поводу будущего, которые темной тенью сопровождали ее даже в самые солнечные дни, ее сердце наполнилось надеждой, что так будет длиться вечно.

Но, как говорил великий философ Гераклит: «Все течет, все меняется». Опыт подсказывал Софии то же самое.

Спустя три года она приготовилась столкнуться с третьим большим изменением. Однако на этот раз неудержимая волна первым захлестнула Стефано. Пока они собирались провести вместе тихий июльский вечер, его всегда оживленный взгляд потух и погрузнел. Он сказал только: «Мой кузен заболел».

С того момента Стефано стал сам не свой. Маска веселого парня, всегда внимательного и заботливого, постепенно исчезала, и перед Софией возникал растерянный и равнодушный молодой человек.

Раньше Стефано и София ничего не скрывали друг от друга, теперь же он замкнулся в своем горе. София хотела исцелить его, но с каждым днем все больше расстраивалась и впадала в уныние. Почему Стефано отдалялся? Может, он ей не доверял?

После развода родителей Стефано помог ей собрать себя заново, а она позволила ему помочь себе. Так почему он не позволяет ей ответить тем же?

Помимо этих ее мучили и другие вопросы. Когда терпению пришел конец, София, униженная равнодушием Стефано, позвонила ему вся в слезах и заявила, что так дальше продолжаться не может. Но даже после подобного проявления отчаяния Стефано не попытался показать, насколько боится ее потерять. Он ответил коротко и холодно: «Ну ладно».

Два слова. Такие затертые и такие разрушительные. София снова сломалась.

Дело было не только в очередной перемене. На этот раз ее вызвал тот самый человек, который уверял, будто между ними никогда ничего не изменится.

Софии потребовалось несколько месяцев, чтобы прийти в себя. Черная полоса отняла еще и нескольких друзей, хотя София надеялась, что они всегда будут рядом.

Новыми друзьями стали музыка и вечерние прогулки: бродя по проселочным дорогам, София позволяла мыслям течь бесцельно и свободно.

Чем больше времени она проводила в одиночестве, тем больше замыкалась в себе и своих

In una delle sue lunghe camminate, Sofia aveva riflettuto sul fatto che la sua vita spesso non avesse seguito il corso che si era prefissata, lasciandola più volte svuotata di ogni speranza. Nonostante questo, si rifiutava di credere a quelle teorie deterministiche per cui le scelte di un individuo sono definite dai suoi traumi passati.

Quel che però era certo era che, da un po' di tempo, il suo sguardo era spento. Rassegnato. O forse semplicemente perso.

E non perché fosse una di quelle persone che si lasciava semplicemente vivere, trascinandosi con inerzia da un istante all'altro, senza mai chiedersi cose del tipo: "Sono felice?", "Qual è il mio posto nel mondo?", "Sto sfruttando al massimo il tempo che ho a disposizione?".

Al contrario, col passare degli anni, queste domande, dall'essere frutto di una personalità vivace e curiosa, si erano trasformate lentamente, ma inesorabilmente, in frustrante ossessione.

La sua paura più grande, alla vigilia della sua laurea triennale, era quella di non aver ancora trovato la sua vocazione. E senza quella si sentiva perduta, inutile.

Col tempo aveva maturato nei confronti di se stessa delle aspettative altissime e irraggiungibili, che l'avevano portata a sminuire ogni traguardo raggiunto e a sviluppare una forma di maniacale perfezionismo.

Sofia non sapeva cosa desiderava, eppure era certa di non volere una vita ordinaria e priva di magia. Era come se accontentandosi di un'esistenza normale e senza particolare entusiasmo, avrebbe tradito quella bambina che sognava di fronte a film e libri impolverati.

Ma quando usciva di casa e doveva confrontarsi col mondo reale, la gente intorno a lei la confondeva. Le sembrava che tutti la spronassero a vivere una vita "normale e senza troppe aspettative".

E col tempo anche lei si era convinta che questa fosse la cosa più sensata da fare.

Forse la sua vocazione era solo più nascosta di altre, o forse il suo sogno era davvero la fantasticheria di una bambina cresciuta e poco realista. O forse queste erano semplicemente scuse che raccontava a se stessa perché aveva paura di ascoltarsi e di essere felice.

фантазиях, создавая из себя единственный маяк среди бури перемен, захлестнувшей ее без всякого предупреждения.

Во время очередной прогулки София размышляла над тем, как часто ее жизнь отклоняется от намеченного курса, камня на камне не оставляя от любых надежд.

Однако София отказывалась признавать заумные теории, будто всякий выбор человека предопределен его травмами.

Впрочем, взгляд девушки давно потух, в нем читалось смирение или просто потерянности. Некоторые наблюдают, как течет время, живут по инерции и не задаются вопросами вроде: «Счастлива ли я?», «Каково мое место в мире?», «Использую ли полностью отпущенное мне время?» София была совсем не такая.

Напротив, с течением лет эти вопросы, плоды размышлений яркой и любопытной личности, медленно и неотвратно превращались в навязчивые идеи, которые только заводили Софию в тупик.

К концу последнего курса она больше всего боялась, что все еще не поняла свое призвание, и без этого чувствовала себя потерянной, бесполезной.

Со временем у нее появились высокие и непомерные требования к себе, она обесценивала любые достижения, а перфекционизм достиг маниакальности.

София не знала своих настоящих желаний. Единственное, в чем она была уверена, – обычная, лишенная чудес жизнь ей не подходит. София не могла предать девушку, которая смотрела мультики, читала запыленные книжки и мечтала. София не могла жить серой жизнью без проблеска фантазии.

Однако стоило девушке выйти из дома, как она сталкивалась с реальным миром и людьми и понимала, что запуталась. Казалось, будто ее поторапливали жить, «как все, без особых ожиданий».

Со временем София убедилась, что это лучший выбор.

Возможно, ее призвание было не так очевидно, как у других людей, а может, ее мечты оказались не более чем выдумкой взрослого и мало связанного с реальностью ребенка.

А может, это просто отговорки, потому что София боялась прислушиваться к себе и быть

Ma in quella giornata d'autunno qualcosa stava finalmente cambiando, questa volta in modo positivo. Mentre era tormentata dai soliti pensieri senza via d'uscita, Sofia indossò le cuffie e uscì di casa il più in fretta che poté, come se qualcosa dentro di lei reclamasse di poter tornare a respirare.

Era giunto il momento di mettere in pausa il rumore assordante e confuso del mondo per dar ascolto alla sua voce interiore. Da quel momento in poi, Sofia avrebbe ascoltato solo una musica: la sua.

счастливой.

Тем осенним днем произошло последнее изменение – на сей раз к лучшему. Ее терзали привычные безнадежные мысли, но она вдруг надела наушники и выбежала из дома, словно нечто внутри нее пыталось ожить и заново научиться дышать.

Пора поставить на паузу громкий и хаотичный шум окружающего мира и прислушаться к внутреннему голосу. С тех пор София слушала только одну мелодию – свою собственную.

Nota critica

Il racconto *Conosci te stesso mentre tutto passa* di Veronica Dolcini ha come protagonista una ragazza che vede il suo carattere specularmente riflesso nella sua chioma ribelle: «Ma era proprio così che Sofia si sentiva: né riccia, né liscia. Odiava essere imprigionata in schemi che la definivano, così come odiava che i suoi capelli prendessero una forma decretata da qualcun altro. E così aveva deciso di lasciarli liberi, senza redini, ribelli. Un po' come lei». Allo stesso modo ella coltiva la fantasia, capace di donarle la libertà dell'immaginazione e la visione di un mondo lontano dagli stereotipi: «Sofia era cresciuta con i cartoni della Disney, con *Il Cerchio della vita* e *Tutti quanti vogliono fare jazz*, con i racconti di principesse che non avevano aspettato il principe azzurro per sfuggire dalla propria condizione, ma che al contrario il principe lo avevano salvato». L'inaspettata separazione dei genitori genera un terremoto nella sua crescita: il fidanzato Stefano riesce a darle una nuova stabilità affettiva, ma quando la loro relazione si interrompe a causa della malattia di un familiare di lui, Sofia si rende conto che la vita umana molto spesso procede in una direzione non prefissata e spiazzante. L'unico modo per superare le crisi esistenziali e trovare la propria vocazione – sottolinea Veronica Dolcini – è trovare il coraggio di guardarsi dentro: «Era giunto il momento di mettere in pausa il rumore assordante e confuso del mondo per dar ascolto alla sua voce interiore. Da quel momento in poi, Sofia avrebbe ascoltato solo una musica: la sua».

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Главной героиней рассказа «Пока жизнь течет, познавай себя» Вероника Дольчини делает девушку, которая сравнивает собственный характер с непослушной копной волос: «Ни прямые, ни кудрявые» – София легко примеряла на себя это определение. Ей настолько же претило подчиняться чужим мнениям, насколько претило укладывать волосы в соответствии с чужими желаниями. Поэтому София оставила их свободными и непокорными: как и она сама». Точно так же она не пытается обуздать свою фантазию, чтобы воображать свободнее и видеть мир без привычных стереотипов: «София выросла на диснеевских мультфильмах, на песнях из них: «Круговорот жизни» и «Каждый очень хочет быть котом», – и на рассказах, где принцессы не дожидались принца на белом коне, чтобы спастись из башни, а наоборот, вызволяли своих принцев сами». Ее родители неожиданно разводятся, для взрослеющей девочки это становится катастрофой. У Софии появляется парень, Стефано, помогающий ей собрать себя по крупицам, однако когда их отношения разрушаются из-за болезни родственника Стефано, София осознает всю непредсказуемость и хаотичность жизни. Единственный способ преодолеть экзистенциальный кризис и найти собственное призвание, как подчеркивает Вероника Дольчини, – набраться смелости и прислушаться к себе: «Пора поставить на паузу громкий и хаотичный шум окружающего мира и прислушаться к внутреннему голосу. С тех пор София слушала только одну мелодию – свою собственную».

Мария Пиа Пагани

Biografia

Veronica Dolcini è studentessa magistrale di Filosofia presso l'Università di Pavia e alunna del Collegio Ghislieri, ove è membro dell'associazione studentesca "Philosophicum Ghislieri". Prima di intraprendere il percorso universitario, ha svolto studi di natura classica che le hanno consentito di dar voce alla sua instancabile passione per la letteratura e per la scrittura. Oltre all'interesse accademico che coltiva per tematiche di etica applicata, nutre anche una forte predilezione per l'arte, nelle sue forme e declinazioni più disparate: dalla pittura, alla musica, al cinema, alla fotografia.

Биография

Вероника Дольчини учится в магистратуре Павийского университета (Колледж Гизлиери) по специальности «философия». Член студенческого общества «Philosophicum Ghislieri». Прежде чем поступить в университет, получила образование в классическом лицее, что помогло ей выразить бесконечную страсть к литературе и писательству. Помимо научных интересов (прикладная этика), увлекается искусством во всех его проявлениях: живописью, музыкой, кино, фотографией.

Luigi Remo Parente

Traduzione in russo di Anna Perova

Луиджи Ремо Паренте

Перевод на русский язык Анны Перовой

IL CONCORSO

Poco distante da una casa di campagna sorgeva un capanno in lamiera. Molto triste nel suo grigiore, arrugginito nelle sue parti di metallo, sfibrato in quelle di eternit. L'isolamento silenzioso del luogo permetteva di udire, anche da una certa distanza, il pigolio incessante che proveniva dal suo interno. Il terreno intorno era una distesa di fango, mescolato e rimestato più volte dal trattore che passava di lì per lavorare nei campi che circondavano la fattoria. Una bella distesa marrone, di certo non solo terra, che contrastava con il verde e il pagliericcio del campo di granturco, alto alle spalle del capanno. Per raggiungerlo era consigliabile indossare degli stivali belli alti e aderenti ai piedi, per non rischiare di lasciarli al pantano e ritrovarsi scalzi trasportando un sacco di mangime da dieci chili. Una volta attraversata questa prova si poteva aprire la porticina sbilenca e cigolante, per poi dover subito controllare un istintivo moto di arretramento, gli occhi che si stringono, il naso che cerca di buttare fuori tutta l'aria appena respirata e di non lasciarne entrare altra. Sforzandosi di correggere la direzione del naso e dello sguardo, ci si poteva addentrare per terminare quel compito il più in fretta possibile. All'interno tutto era rosso, le lamiere del capanno, le mangiatoie a cono da raggiungere, il pavimento, un misto di terra secca, guano e calce, e naturalmente i pulcini, di pochi giorni di vita, che si guardano in giro e l'un l'altro spaesati e accecati notte e giorno dalle cose più rosse di tutte: le tre lampadine a infrarossi da duecentocinquanta Watt, equidistanti, che pendevano a mezz'altezza. Chi vi entrava iniziava a sudare all'istante a causa dello sbalzo termico rispetto all'esterno, dovendo lottare con l'odore sgradevole, l'aria irrespirabile, una quasi cecità e i vestiti che si appiccicano alla pelle per il sudore. Per fortuna che per svuotare il sacco nei coni non ci vuole molto, se ne rimane un po' lo si butta per terra e si può correre fuori, chiudersi la porta alle spalle e tirare diversi sospiri di sollievo, piegati, tenendosi alle ginocchia per riprendersi dalla tossicità appena provata. I pulcini, invece, rimangono lì, al caldo, sì, ma chissà se avrebbero preferito prendere una boccata di aria fresca insieme all'essere umano che porta da mangiare. Magari è per questo che continuano a pigolare.

Uno di quei giorni la porta del capanno venne aperta da qualcuno che non aveva con sé nessun sacco di mangime. Fuori era buio. I pulcini forse lo guardarono straniti: quell'umano era diverso da quello

ЦЕНА УСПЕХА

Неподалеку от деревенского дома стоял металлический блок-контейнер. Унылый в своей серости, проржавевший, с обшарпанными цементными панелями. В царящей тишине этого уединенного места даже на большом расстоянии был слышен непрекращающийся писк, который доносился изнутри. Вокруг сплошное месиво грязи, земля, которую не раз и не два вскапывал и поднимал трактор, проезжавший здесь по дороге в поля, которые окружали ферму. Бесконечное коричневое месиво, конечно, не только земля, резко выделялось на фоне зеленовато-золотистого кукурузного поля, видневшегося за постройкой. Чтобы добраться до нее, нужно надеть высоченные сапоги точно по ноге: так они не слетят в хляби и не останешься босым, неся десятикилограммовый мешок с кормом. Преодолев это препятствие и открыв покосившуюся, скрипучую дверцу, сразу же пытаешься преодолеть стойкое желание выскочить, глаза режет, хочется зажать нос и не дышать. Затаив дыхание и зажмурившись, пытаешься проскочить внутрь, чтобы побыстрее покончить с этим делом. Внутри все было красным: листы контейнера, конусные кормушки, пол: смесь сухой земли, помета и извести, и, конечно же, цыплята, вылупившиеся несколько дней назад, которые озираются и смотрят друг на друга, их днем и ночью ослепляет самый яркий красный свет – три инфракрасные лампы мощностью двести пятьдесят ватт, висящие на одинаковом расстоянии друг от друга, ровно между полом и потолком. Зайдя внутрь, ты моментально покрываешься потом из-за резкого перепада температур, при этом борешься с вонью, духотой, мраком, одежда так и липнет к телу. К счастью, чтобы высыпать содержимое мешка в кормушку, много времени не требуется, оставшееся высыпашь на пол, и всё, можно бежать, захлопнув за собой дверь, согнуться в три погибели и выдохнуть, чтобы прийти в себя после смрада. А цыплята останутся там, в жаре, но как знать, возможно они бы предпочли вдохнуть свежего воздуха вместе с человеком, который приносит им корм. Может именно поэтому они все время пищат.

Однажды дверь контейнера открыл человек, у которого не было с собой мешка с кормом. На улице было темно. Цыплята, должно быть, посмотрели на него растерянно: незнакомец

che portava sempre da mangiare, più esile, slanciato e incerto. Non aveva i grossi stivali a cui stare attenti per non essere schiacciati e soprattutto non aveva in testa il solito berretto la cui visiera poteva assomigliare a un becco. Al loro posto un paio di scarpe di tela completamente infangate e un nido di capelli ricci. Peccato che i pulcini, nati in un'incubatrice, non siano uccelli da nido. Iniziarono a pigolare più forte, agitati, un bel baccano nel cuore della notte. L'estraneo entrò nel capanno con molta esitazione, lasciandosi alle spalle la porta aperta. Raggiunse il centro, camminando piano e in punta di piedi, terrorizzato e un po' schifato. Si allungò verso la lampadina rossa e toccandola si ritrasse subito scoprendo quanto scottasse. Ci riprovò, questa volta con diversi fazzoletti di carta trovati nel giubbotto a protezione della mano, e ripercorsi i suoi passi, se ne andò.

Il giorno dopo, Pietro ebbe un rientro da scuola un po' movimentato. Trovò suo padre, in tenuta da lavoro e con le scarpe ancora sporche di fango, seduto al tavolo non ancora apparecchiato per il pranzo, diversamente dal solito. Gli sembrò che stesse aspettando proprio lui, con i pugni chiusi e la mascella contratta.

“Dimmi subito che cos'hai fatto ieri nel capanno dei pulcini”.

“Ci ho portato il mangime, quello che dovevo fare”.

“E poi?”

“E poi cosa?” Pietro non capiva cosa fosse accaduto.

“E poi non ti sei divertito a lanciare qualche sasso, per poi togliere la lampada che hai rotto pensando che non sarebbe successo niente?”

“Ma di cosa stai parlando?”

“Tieni, guarda cos'hai combinato”.

Porse a Pietro un sacco nero della spazzatura. Lui lo prese da sopra, slacciò il nodo che lo teneva chiuso e indietreggiò con la testa, pensando di vomitare da lì a poco. Era pieno di pulcini morti, un centinaio.

“Non capisco...”, rispose Pietro a suo padre.

“Metti gli stivali, ti faccio vedere”.

Entrarono nel capanno. Al portalampada centrale era stata avvitata una nuova lampadina rossa, al suolo i pulcini zampettavano e pigolavano normalmente.

был не похож на того, кто всегда приносил еду, он был более худощавым, жилистым и выглядел неуверенным. На нем не было огромных сапог, за которыми глаз да глаз, иначе тебя раздавят, и, самое главное, на голове у него не было привычной кепки, козырек которой чем-то напоминал клюв. Вместо сапог – мокасины, все в грязи, а вместо кепки – копна кудрявых волос. Жаль, что инкубаторные птенцы – не вольные птицы из гнезда. Взволнованные, они запищали еще громче: оглушительный гам посреди ночи. Незнакомец несмело вошел в контейнер, не закрыв за собой дверь. С некоторым отвращением, насмерть перепуганный, он добрался до середины, тихо ступая на цыпочках. Протянул руку к красной лампе и, дотронувшись до нее, тут же отпрянул – настолько она была горячая. Снова дотронулся, на этот раз через несколько найденных в куртке бумажных носовых платков, чтобы не обжечь руку... И вышел по своим следам.

На следующий день, по возвращении из школы Пьетро ожидало множество событий. Отец в рабочей одежде и грязных ботинках сидел за столом, еще — что было странно — не накрытым к обеду. Ему показалось, что отец ждал именно его, сжав кулаки и стиснув челюсти.

– Ну-ка, скажи, что ты делал вчера в курятнике!

– Я принес корм, как обычно.

– А потом?

– А что потом? – Пьетро не понимал, что случилось.

– А потом ты решил запустить камнями в лампу и убрал ее осколки, не думая, что за этим последует?

– О чем ты говоришь?

– На вот, посмотри, что ты натворил.

Он протянул Пьетро черный мусорный мешок. Тот взял его в руки, развязал узел, и отпрянул, чувствуя, что его вот-вот стошнит. В мешке было полно мертвых цыплят – сотня, не меньше.

– Я ничего не понимаю... – сказал Пьетро отцу.

– Обувайся, я покажу.

Они вошли в контейнер. В центральном патроне была новая красная лампочка, на земле

“Immagina cosa è successo. Senza il calore nella parte centrale i pulcini si sono spostati ai lati, dove faceva più caldo, sotto alle due lampade rimaste. Si sono ammassati in poco spazio, ma quelli all'esterno della mischia avevano comunque freddo, la temperatura si è abbassata tanto ieri notte. Sai chi è morto? Quelli che si trovavano vicino alle pareti e sono stati schiacciati dagli altri che spingevano per stare al caldo”.

“Io non c'entro niente, papà”.

Tra i corridoi della scuola Marco notò dei volantini che attirarono la sua attenzione. Una spiaggia e una macchina fotografica a incorniciare la scritta “Concorso”. La scuola avrebbe premiato la miglior fotografia analogica. In palio una settimana in Spagna in estate per seguire un corso di fotografia.

Da bambino gli era sempre piaciuto armeggiare con la vecchia macchina fotografica del nonno. Con lui aveva imparato ad usarla e poi a fare quello che gli dava più soddisfazione: lo sviluppo delle foto in camera oscura. Erano passati molti anni da quando l'avevano fatto insieme l'ultima volta. Poi il nonno se n'era andato e Marco non aveva mai pensato di provare a fare quel procedimento da solo. Era arrivata l'occasione giusta per riprendere quello che suo nonno gli aveva insegnato.

Aveva ritrovato quella macchina analogica nella sua custodia di pelle, dentro uno scatolone che non apriva da tempo. All'interno fissò un rullino nuovo. Dopo aver mosso le manopole più o meno in modo consapevole, aprì la finestra e guardò fuori attraverso l'obbiettivo. Davanti a sé aveva una casa. Puntò sul tetto, dove un piccione si era posato ai piedi dell'antenna. Ingrandì il giusto e cliccò per imprimere l'immagine sulla pellicola. Quel suono, quel click rapido ma che restava a lungo nell'aria, la pressione del bottone che scende e spinge subito contro il polpastrello per tornare su. Non si emozionava così tanto da molto tempo. Chiuse l'obbiettivo, non voleva sprecare il rullino.

Trascorse la settimana successiva in giro per la città a cercare il soggetto perfetto per la sua foto. Gli parve di averlo trovato solo il giorno prima della scadenza per la consegna della foto. Quella sera riaprì lo scatolone del nonno e si mise all'opera per sviluppare la pellicola. Controllò quello che si trovava all'interno. Le tre bacinelle, le pinze, i chimici, i fogli, l'ingranditore e tutto il resto, suo

цыплята, как обычно, клевали корм и пищали.

– Вот, смотри, что произошло. В центре было холодно, цыплята сбились по краям, где было теплее, под две оставшиеся лампы. Они теснились в небольшом пространстве, но те, что были с краю, все равно мерзли, вчера ночью сильно похолодало. Знаешь, кто из них погиб? Те, что были у стен: их раздавили остальные, когда толкались, стараясь пробраться в тепло.

– Я тут ни при чем, папа.

Объявления, развешанные в коридорах школы, привлекли внимание Марко. На них были изображены пляж и фотоаппарат, а заголовок гласил: «Конкурс». Школа наградит автора лучшего снимка на пленку. В качестве приза поездка на неделю летом в Испанию для прохождения курса фотоискусства.

Ему с детства нравилось возиться со старым дедушкиным фотоаппаратом. Тот научил Марко обращаться с ним. А главное – тому, что доставляло мальчику наибольшее удовольствие: проявлять фотографии в темной комнате. Прошло много лет с тех пор, как они занимались этим вместе последний раз. Потом дедушки не стало, и Марко никогда не приходило в голову попробовать проявлять самому. А тут — прекрасная возможность вновь заняться тем, чему научил его дедушка.

Он отыскал в коробке, куда давно никто не заглядывал, тот пленочный фотоаппарат в кожаном футляре. Вставил новую пленку. Прокрутив по памяти колесики, он открыл окно и посмотрел наружу, глядя в объектив. Напротив стоял дом. Марко навел фотоаппарат на крышу – туда, где на антенне сидел голубь. Он увеличил изображение, щелкнул кнопкой, чтобы сделать кадр. Этот звук, этот короткий щелчок, словно повисающий в воздухе, нажатие кнопки, которая опускается и тут же давит обратно на палец. Он давно не был так взволнован. Марко закрыл объектив, не желая тратить пленку.

Всю следующую неделю он рыскал по городу в поисках идеального объекта для съемки. Марко показалось, что он нашел его только накануне последнего дня конкурса. В тот вечер

nonno aveva conservato ogni cosa in modo maniacale. Portò tutto in camera sua e iniziò l'allestimento per lo sviluppo. Per accendere la lampadina rossa andava bene sostituire quella normale della sua lampada da tavolo. La avvità, accese l'interruttore, ma niente. Riprovò più volte, spazientito, finché non arrivò alla conclusione che si era fulminata. Senza la luce rossa non poteva procedere, non poteva sviluppare le foto. Passati i primi attimi di sconforto e disperazione, cercò di fare mente locale per capire come poteva rimediare. Magari il nonno aveva delle lampadine di scorta da qualche parte, forse poteva trovare un oggetto di vetro o di plastica rossa con cui schermare la luce di una lampadina normale. Cercò per tutto il giorno, in ogni scatola, armadio, cassetto e mensola in giro per casa. Non trovò nulla che potesse fare al caso suo. Era troppo tardi per andare a comprarne una, e Marco non poteva permettersi di aspettare la mattina dopo, altrimenti non avrebbe fatto in tempo con la consegna.

A un tratto gli venne un colpo di genio. Si ricordò del piccolo allevamento di galline di proprietà della famiglia di Pietro. Una volta lo aveva sentito parlare della nascita e crescita dei pulcini per una ricerca di scienze che aveva dovuto esporre alla classe come interrogazione. Era stata molto confusa, Marco non ci aveva capito molto, ma a lui bastò per ricordarsi di un solo elemento, quello che gli serviva: la luce rossa che viene usata per produrre il calore di cui hanno bisogno in mancanza di una chiocciola. Era lì che doveva andare a prenderla. Si vestì, si assicurò che nessuno fosse ancora sveglio e uscì di casa senza fare rumore.

Tornato a casa durante la notte, con ancora l'adrenalina in circolazione, grazie alla luce rossa che si era conquistato, sviluppò il rullino della macchina fotografica. La prima foto, quella che ritraeva il piccione sul tetto, venne quasi perfetta. Non aveva più nulla di cui preoccuparsi.

Dopo che tutte le fotografie furono pronte scelse, quale sarebbe stata quella da imbustare e consegnare per partecipare al concorso. Lo convinse una foto che a prima vista poteva sembrare mal sviluppata, con tutti i colori inquinati da una nota di rosso. Ritraeva una miriade di pulcini chiusi in un capanno in lamiera, illuminati da tre lampade rosse. Un ambiente malsano e poco attraente con un soggetto tenero che fa venire in mente altri luoghi, più bucolici e felici, risultando in un contrasto in grado di suscitare emozioni opposte nello spettatore.

он снова открыл дедушкину коробку и принялся проявлять пленку. Он перебрал все, что было внутри: три ванночки, щипцы, химикаты, листы бумаги, увеличитель и прочий инвентарь. Дедушка был большим педантом в этом вопросе. Марко отнес все в свою комнату и начал готовиться к проявке. Для этого в настольной лампе надо было заменить обычную лампочку на красную. Вкрутив ее, он щелкнул выключателем – ничего... Он пробовал раз за разом, теряя терпение, пока не понял, что она перегорела. Без лампочки Марко не мог приступить к делу, не мог проявить фотографии. Поборов чувство безнадежности и отчаяния, он попытался сосредоточиться, чтобы понять, как исправить ситуацию. Возможно, у дедушки где-то были запасные лампочки, возможно, Марко мог найти кусок красного стекла или пластмассы, чтобы заслонить им свет обычной лампочки. Он искал целый день по всему дому, в коробках, шкафах, ящиках, на полках... Но не нашел ничего подходящего. Было слишком поздно идти в магазин за новой лампочкой, а Марко не мог ждать до утра, иначе он бы не успел сдать фотографию в срок.

Вдруг его осенило. Он вспомнил о небольшой куриной ферме семьи Пьетро. Однажды из научного доклада Пьетро, с которым тот выступил перед классом, он узнал о рождении и выращивании цыплят. Рассказ был очень мудреным, Марко из него мало что понял, но он точно помнил одну важную деталь, именно то, что ему было нужно: красная лампочка, источник тепла для цыплят, в котором они так нуждаются, если нет наседки. Надо пойти туда и взять ее. Он оделся, убедился, что все спят и бесшумно вышел из дома.

Вернувшись за полночь, во все еще возбужденном состоянии, Марко с помощью добытой красной лампочки проявил пленку. Первая фотография, с голубем на крыше, получилась почти идеально. Ему больше не о чем было беспокоиться.

Проявив все фотографии, он стал думать, какую выбрать для участия в конкурсе. Выбор пал на ту, которая на первый взгляд вышла плохо, все цвета получились с красноватым оттенком. На ней были изображены сотни цыплят в металлическом контейнере под тремя красными лампами. Эти милые создания в нездоровой и убогой обстановке навевали мысли о совсем других, теплых деревенских местах, поэтических и счастливых, тем самым вызывая у зрителя двойственные эмоции.

Marco si sentì molto fiero del risultato, sicuro che quello scatto avrebbe conquistato la curiosità e l'apprezzamento della giuria. Mirava alla vincita del premio finale e al riconoscimento del proprio talento, pur essendo consapevole di essersi dimostrato disposto a intrufolarsi in una proprietà non sua e a rubare per farlo. Ma in fondo è stata solo una piccola azione sbagliata per cui non si è fatto male nessuno, pensò.

Марко очень гордился полученным результатом и был уверен, что этот снимок вызовет любопытство жюри и будет им высоко оценен. Он жаждал победы в конкурсе и признания собственного таланта, хотя и осознавал, что для этого ему пришлось проникнуть в чужое владение и совершить кражу. Но, в конце концов, это был всего лишь мелкий проступок, из-за которого никто не пострадал... Так думал он.

Nota critica

Il concorso di Luigi Remo Parente è un racconto ambientato in campagna, in un allevamento di pulcini che ricevono regolarmente il mangime e le cure necessarie da parte di Pietro e suo padre. È un lavoro umile e faticoso: «Per fortuna che per svuotare il sacco nei con i non ci vuole molto, se ne rimane un po' lo si butta per terra e si può correre fuori, chiudersi la porta alle spalle e tirare diversi sospiri di sollievo, piegati, tenendosi alle ginocchia per riprendersi dalla tossicità appena provata». La routine viene movimentata dall'inatteso ingresso di Marco, un compagno di scuola di Pietro appassionato di fotografia, che nottetempo si intrufola nel pollaio per sottrarre la lampadina rossa che riscalda i pulcini. Gli era indispensabile per sviluppare le foto da mandare a un concorso: «Mirava alla vincita del premio finale e al riconoscimento del proprio talento, pur essendo consapevole di essersi dimostrato disposto a intrufolarsi in una proprietà non sua e a rubare per farlo». Il mattino seguente, il padre di Pietro si accorge del danno e accusa ingiustamente il figlio di aver provocato la morte di un centinaio di pulcini. Abilmente costruito su due piani narrativi che arrivano a intrecciarsi senza mai interagire tra loro, il racconto di Luigi Remo Parente offre un'amara riflessione sull'ambizione umana e sulle pesanti conseguenze di quella che a uno dei protagonisti sembra soltanto «una piccola azione sbagliata».

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Действие рассказа Луиджи Ремо Паренте «Цена успеха» разворачивается в сельской местности: перед нами ферма, на которой Пьетро и его отец выращивают цыплят, регулярно приносят им корм и заботятся о них. Это тяжелая и грязная работа: «К счастью, чтобы высыпать содержимое мешка в кормушку, много времени не требуется, оставшееся высыпашь на пол, и всё, можно бежать, захлопнув за собой дверь, согнуться в три погибели и выдохнуть, чтобы прийти в себя после смрада». Привычный ход событий нарушает неожиданное появление одноклассника Пьетро, Марко, который увлекается фотографией. Ночью он пробирается в курятник за красной лампочкой, под которой греются цыплята. Она нужна ему, чтобы проявить фотографии для конкурса: «Он жаждал победы в конкурсе и признания собственного таланта, хотя и осознавал, что для этого ему пришлось проникнуть в чужое владение и совершить кражу». На следующее утро отец Пьетро узнает о случившемся и несправедливо обвиняет сына в гибели сотни цыплят. В рассказе умело выстроены две параллельные сюжетные линии – связанные, но не пересекающиеся. Автор, Луиджи Ремо Паренте, предлагает читателю задуматься о поступках, продиктованных человеческим тщеславием и об их тяжелых последствиях, которые одному из главных героев кажутся не более чем «мелким проступком»

Мария Пиа Пагани

Biografia

Luigi Remo Parente è nato in provincia di Varese nel 1999. Diplomatosi presso il liceo scientifico “Leonardo Da Vinci” di Gallarate, attualmente frequenta la facoltà di Scienze Politiche e Relazioni Internazionali all’Università degli Studi di Milano. Si è avvicinato alla scrittura partecipando a concorsi letterari e giornalistici fin dagli ultimi anni del liceo, le sue opere sono state pubblicate in diverse antologie.

Биография

Луиджи Ремо Паренте родился в провинции Варезе в 1999 г. Окончил Лицей имени Леонардо да Винчи с углубленным изучением точных наук в Галларате, в настоящее время учится в Миланском государственном университете на факультете политологии и международных отношений. Начал свой творческий путь в лицейские годы с участия в литературных и журналистских конкурсах, благодаря которым его работы были опубликованы в нескольких сборниках.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
GIOVANI TRADUTTORI RUSSI

Екатерина Лобкова	Ekaterina Lobkova
Екатерина Михеева	Ekaterina Mischeeva
Анна Перова	Anna Perova
Дария Проходская	Darija Prochodskaja
Светлана Смалева	Svetlana Smaleva

Екатерина Лобкова окончила исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова и магистратуру «Историческое знание» в НИУ ВШЭ. С 2010 г. работает письменным переводчиком с английского, итальянского, французского и латинского языков, в том числе переводит историческую и художественную литературу. Свободное время посвящает чтению, кино, путешествиям, занимается городским ориентированием и играет в интеллектуальные игры.

Ekaterina Lobkova si è laureata presso la Facoltà di Storia dell'Università Statale M. V. Lomonosov di Mosca e ha conseguito un master in “Conoscenza storica” presso la Scuola Superiore di Economia dell'Università di Ricerca Nazionale. Dal 2010 lavora come traduttrice dall'inglese, dall'italiano, dal francese e dal latino, anche in ambito storico e nella narrativa. Nel tempo libero si dedica alla lettura, al cinema, ai viaggi, all'orienteeing urbano e ai giochi intellettuali.

Екатерина Михеева родилась в г. Талдоме. В 2018 г. окончила Московский издательско-полиграфический колледж имени Ивана Фёдорова (издательское дело), в том же году поступила в Литературный институт имени А. М. Горького (художественный перевод с итальянского языка), где обучается по настоящее время. Приняла участие в переводе книги Анны Черазоли «Числовые сюрпризы. Приключения в мире математики».

Ekaterina Mischeeva è nata a Taldom. Nel 2018 si è laureata presso l'Università Statale di Arti Grafiche Ivan Fëdorov di Mosca (editoria) e nello stesso anno si è iscritta all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (traduzione letteraria dall'italiano), dove attualmente studia. Ha partecipato alla traduzione del libro *La sorpresa dei numeri: Un viaggio alla scoperta della matematica simpatica* di Anna Cerasoli.

Анна Перова родилась в Москве. В 2019 г. поступила в Московский государственный лингвистический университет на переводческий факультет (итальянский и английский языки), где учится и сейчас. Ее любимый предмет – письменный перевод с итальянского на русский. Принимала участие в конкурсе WRICOS, перевела стихотворение «Contrasti» в рамках сотрудничества университета с Сетью Стран Шелкового Пути (SUN).

Anna Perova è nata a Mosca. Nel 2019 si è iscritta all'Università Linguistica Statale di Mosca presso la Facoltà di Traduzione (italiano e inglese), dove attualmente studia. La sua materia preferita è la traduzione dall'italiano al russo. Ha partecipato al concorso WRICOS, traducendo la poesia *Contrasti* nell'ambito della collaborazione dell'ateneo con il Silk-Road Universities Network (SUN).

Дария Проходская с отличием окончила филологический факультет СПбГУ, там начала изучать итальянский язык и продолжает изучать его самостоятельно. Сейчас учится в магистратуре, где дополнительно изучает французский, древнегреческий и латынь. Переводит с английского, итальянского, русского и других языков – в основном лирику, но работает и с прозой (как художественные, так и научные тексты). В рамках самиздата выпустила три сборника собственных стихов, занимается рисованием и музыкой. Мечтает о работе в издательстве в качестве переводчика гуманитарной литературы.

Darija Prohodskaja si è laureata con lode presso la Facoltà di Filologia dell'Università Statale di San Pietroburgo, dove ha iniziato a studiare l'italiano e continua a studiarlo per conto proprio. Attualmente sta frequentando un master, e in aggiunta studia anche francese, greco antico e latino. Traduce dall'inglese, dall'italiano, dal russo e da altre lingue – principalmente testi poetici, ma lavora anche con la prosa (sia testi letterari che scientifici). Come indipendente ha pubblicato tre raccolte delle sue poesie, si occupa di disegno e di musica. Sogna di lavorare in una casa editrice come traduttrice di letteratura umanistica.

Светлана Смалева родилась в Липецке. В 2023 г. оканчивает Литературный институт имени А. М. Горького. Участвовала в переводе детской научно-популярной книги по математике Анны Черазоли «Великолепная десятка. Приключения в мире математики». Публиковалась в журнале «Иностранная литература», как переводчик сотрудничает с рядом издательств. Финалистка премии «Радуга» 2021 и 2022 гг. Переводила статьи и интервью в электронном журнале по игровой тематике. Интересуется рисованием, комиксами, иллюстрацией и анимацией.

Svetlana Smaleva è nata a Lipeck. Nel 2023 si è laureata presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha partecipato alla traduzione di un libro scientifico-divulgativo per bambini sulla matematica di Anna Cerasoli (*I magnifici dieci. L'avventura di un bambino nella matematica*). Ha pubblicato sulla rivista "Inostrannaja Literatura" e come traduttrice collabora con diverse case editrici. È stata finalista al Premio Raduga nel 2021 e nel 2022. Ha tradotto articoli e interviste in una rivista online dedicata al tema del gioco. Si interessa di disegno, fumetto, illustrazione e animazione.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Евгений Бодряев	Evgenij Bodrjaev
Руслан Воробьев	Ruslan Vorob'ëv
Алексей Колесников	Aleksej Kolesnikov
Ульяна Фролова	Ul'jana Frolova
Александра Шалашова	Aleksandra Šalašova

Евгений Бодряев

Перевод на итальянский язык Лауры Джельфи

Evgenij Bodrjaev

Traduzione in italiano di Laura Gelfi

НА НОВЫЙ ГОД И НА ЛЕТО

Света пришла первой и села у памятника, на теплые гранитные ступени. Она достала из рюкзака плеер и гребешок с повидлом. Надев наушники, Света жевала и изредка подкидывала птицам хлебные крошки. Дневная духота спала. По площади шли с работы люди. От обветшалого, но все еще благородного здания с грязно-белыми колоннами отъезжал, весь в воздушных шарах и разноцветных лентах, свадебный кортеж. Над городом разливалась протяжная, скорбная песнь: из динамиков городских мечетей звучал Магриб.

Он сильно опоздал. Подбежал, распугал голубей, суетившихся у ее ног, и, задыхаясь, сказал с виноватой улыбкой:

— Свет, прости! Мамка привязалась со своими чемоданами. Еле отделался. Не снимая наушников, Света отряхнула ладони, взяла рюкзак, встала и пошла, но он взял ее за руку и развернул к себе.

— Ладно тебе, Свет, не дуйся. Обнимемся?

Он развел руки в стороны и стал ждать. Виноватое выражение исчезло. Он смотрел на Свету расчетливо, по-бандитски щурясь, уверенный в том, что его предложение будет принято. И они обнялись.

— Как же ты меня бесишь, Сергей!

— Так же, как бесит меня мое полное имя. Мы квиты.

— Привыкай, Сергей. Ты думаешь, что препода в универе будут называть тебя Серегой или Серым? Староста группы — Колпаков Серж!

Света рассмеялась.

— Слушай, мне батя велел к одиннадцати быть дома, — нетерпеливо сказал Серега, — Может, пойдём уже куда-нибудь?

Светин смех оборвался так, будто ее схватили за горло.

— К одиннадцати? А что так? Поезд же только в пять утра.

— Да, но чемоданы эти, знаешь, и все такое...

PER CAPODANNO E PER L'ESTATE

Sveta arrivò per prima e si sedette vicino al monumento, sui caldi gradini di granito. Tolse dallo zaino il player e un fagottino alla marmellata. Messe le cuffie, Sveta si mise a masticare la gomma e di tanto in tanto lanciava agli uccelli la mollica di pane. L'afa del giorno era sparita. Per la piazza camminavano le persone di ritorno dal lavoro. Da un vetusto ma ancora aristocratico edificio dalle colonne bianco-sporco si allontanava un corteo nuziale, con palloncini e nastri colorati. Sulla città si diffondeva un mesto canto prolungato: dagli altoparlanti delle moschee cittadine risuonava il Maghreb.

Lui era in grande ritardo. Si avvicinò di corsa, spaventò i piccioni che si agitavano ai piedi di lei e, con il fiatone, disse con un sorriso colpevole:

– Sveta, perdonami! Mia mamma mi ha seccato con le sue valigie. Me la sono levata di dosso a fatica. Senza togliersi le cuffie, Sveta si pulì le mani, prese lo zaino, si alzò in piedi e si incamminò, ma lui la prese per mano e l'attirò a sé.

– Dai smettila, Sveta, non tenermi il broncio. Mi dai un abbraccio?

Allargò le braccia e si mise ad aspettare. L'espressione colpevole scomparve. Guardava Sveta con accortezza, strizzando gli occhi come un bandito, sicuro del fatto che la sua proposta sarebbe stata accolta. E i due si abbracciarono.

– Quanto mi fai incavolare, Sergej!

– Tanto quanto fa incavolare me il mio nome per intero. Siamo pari.

– Facci l'abitudine, Sergej. Cosa pensi, che i prof all'università ti chiameranno Serëga o Seryj? Il capoclasse, Kolpakov Serž!

Sveta scoppiò in una risata fragorosa.

– Ascolta, mio papà mi ha messo il coprifuoco alle undici – disse impaziente Serëga. – Allora, andiamo da qualche parte?

La risata di Sveta si interruppe come se l'avessero presa per il collo.

– Alle undici? Come mai? Il treno è solo alle cinque di mattina.

– Sì, ma quelle valigie, sai, e robe del genere...

— Тогда пошли. Через магазин и на гору?

— Через магазин и на гору.

Взявшись за руки, они обошли памятник Ленину и нырнули в расположенный за ним сквер. В тени деревьев было свежо. Густая зелень, хоть и тронутая кое-где сухой желтизной, все еще надежно укрывала отдыхающих. На лавках сидели женщины, покачивали коляски, нашептывали и напевали что-то вполголоса. Свету и Сережу провожали таинственной улыбкой: то ли вспоминая свою молодость, то ли предрекая паре счастливое будущее.

Из сквера вышли на улицу Герцена и забежали в магазин. Услыхав, что они хотят купить, старушка-продащица погрозила пальцем, перекрестилась и сноровисто спрятала в черный пакет все необходимое. С Герцена повернули на грунтовку, забиравшую круто вверх. Слева и справа от них стояли покосившиеся от времени домики. Краска на деревянных стенах выгорела и облупилась, земля вокруг заросла крапивой, лебедой и осотом, а заборы напоминали беззубые, с чернеющими пробелами, старушечьи рты. Но в этих местах все еще была жизнь: в квадратных оконцах горел свет, дымили трубы, пахло растопленной баней, рычали и гремели цепями крупные сторожевые псы. От их лая Света вздрагивала и крепче сжимала Сережину руку.

Оставив домики позади, поднялись еще выше. Тропа потянулась вдоль стальной, обвитой плющом, кладбищенской ограды, за которой виднелись надгробные плиты.

— Свет, помнишь ту фотку с духом? — спросил Серега.

— Каким еще духом?

— С кладбища фотка. Там женщина стоит, а за ней дух такой бледный. Ну, вспомнила?

— Да иди ты со своими фотками! Ты лучше...

— Так вот, говорят, что фотку вот на этом кладбище и сделали.

— Серега! — крикнула Света и прижалась к нему всем телом.

Сережа громко, заливисто рассмеялся. И казалось Свете, что смех его, разлетевшийся эхом среди могил, сильнее самой смерти. Они миновали кладбище и свернули с дороги на по-

- Allora andiamo. Passiamo per il negozio e poi su per la collina?
- Per il negozio e poi su per la collina.

Si presero per mano, aggirarono il monumento a Lenin e sparirono nel giardinetto pubblico che stava dietro. All'ombra degli alberi faceva fresco. Il fitto verde, anche se guastato in qualche punto da foglie ingiallite e secche, riparava ancora bene i villeggianti. Sulle panchine sedevano alcune donne, dondolavano carrozzelle, sussurravano e canticchiavano qualcosa a mezza voce. Salutavano Sveta e Serëža con un sorriso sibillino: forse ricordando la propria giovinezza, forse prevedendo per la coppia un futuro felice.

Dal giardinetto sbucarono su via Herzen ed entrarono di corsa nel negozio. Sentito quello che i due volevano comprare, la vecchia commessa minacciò con un dito, si fece il segno della croce e lesta nascose in un sacchetto nero tutto il necessario. Da via Herzen svoltarono su una strada sterrata con una salita ripida. Sia a destra che a sinistra c'erano delle casette rese sbilenche dal tempo. La vernice sulle pareti di legno era sbiadita e si stava scrostando, il terreno intorno si era coperto di ortiche, bietolone e cicerbita, mentre le recinzioni ricordavano le bocche delle vecchie, sdentate e con dei buchi anneriti. Tuttavia, in quei posti c'era comunque la vita: nelle finestrelle quadrate c'era la luce accesa, i camini fumavano, c'era puzza di *banja* riscaldata, grossi cani da guardia ringhiavano e scuotevano le catene. Sveta trasaliva per i loro latrati e stringeva più forte la mano di Serëža.

Lasciate le casette alle spalle, continuarono a salire. Il sentiero si estendeva lungo la recinzione d'acciaio del cimitero, ricoperta d'edera, dietro la quale si potevano vedere delle lapidi.

- Sveta, ti ricordi quella foto con il fantasma? – chiese Serëga.
- Quale fantasma?
- La foto dal cimitero. C'era una donna e dietro di lei un fantasma pallidissimo. Allora, te la sei ricordata?
- Va' al diavolo te e le tue foto. È meglio per te...
- Si dice che sia questo il cimitero dove è stata fatta la foto.
- Serëga! – Sveta cacciò un urlo e si strinse a lui con tutto il corpo.

Serëža scoppiò a ridere fragorosamente. E a Sveta sembrò che la sua risata, la cui eco si diffondeva tra

росшие травой холмы, держа курс на черневший в отдалении громоотвод. На взгорье стало светлее, и Света увидела, что на западе все еще дышит пыльным багрянцем закат.

— Бежим! Еще успеем! — крикнула Света.

Они бежали, обгоняя друг друга и смеясь. Выдохшиеся, уставшие и радостные, они упали на траву под громоотводом и смотрели, как исчезает за горизонтом солнечный диск, оставляя город под присмотром электрических фонарей.

— Вот это класс! — сказал Серега.

Сидя на траве, он потянулся за пакетом, пошуршал и вытащил оттуда бутылку.

— Как же я буду скучать! По Сокольской горе, по этой ржавой железке, по ночной Бугульме...

Света с надеждой смотрела на него сбоку.

— По безотказной бабке-продащице, по водоему, по речке Бугульминке...

Серега говорил и пытался открыть бутылку.

— По компьютерному клубу, по батиней тачке, по...

Бутылка зашипела, и поток густой пены вырвался на Серегины джинсы. Света злорадно рассмеялась. «Лузер», — сказала она, выхватила из его рук бутылку и сделала пару глотков. Серега смолчал. Он вытащил из кармана пачку ментоловых сигарет, закурил одновременно две штуки и передал одну Свете.

— Как думаешь, в Москве такие продаются? — спросил Серега.

— Там все что хочешь продается, — ответила Света.

— Было бы неплохо.

— Что, уже думаешь о том, как будешь прикуривать сигаретку для какой-нибудь девки?

— Свет, ну что ты начинаешь? Не нужны мне никакие девки!

— Посмотрим на тебя, когда ты в общагу въедешь!

— Ну, въеду, и что? Хочешь, я тебе каждый вечер звонить буду?

— Разоришься, — сказала Света.

Серега вплотную придвинулся к Свете и обнял ее. Он почувствовал, что она дрожит, достал из рюкзака фланелевую рубашку и накинул ей на плечи.

le tombe, fosse più forte della morte stessa. Si lasciarono alle spalle il cimitero e dalla strada passarono alle colline coperte d'erba alta, tenendo la direzione verso un parafulmine annerito in lontananza. Sull'altura si era fatto più chiaro, e Sveta vide che a ovest irraggiava ancora un polveroso tramonto color porpora.

– Corri! Siamo ancora in tempo – gridò Sveta.

Correvano, sorpassandosi l'un l'altro e ridendo. Rimasti senza fiato, stanchi ma allegri, caddero sull'erba sotto il parafulmine e guardavano il disco del sole scomparire all'orizzonte, lasciando la città sotto sorveglianza dei lampioni elettrici.

– Strabello! – disse Serëga.

Sedendo sull'erba, si allungò per prendere il sacchetto, lo fece frusciare un po' e tirò fuori una bottiglia.

– Quanto mi mancherà! Il parco di Sokol'skaja gora, la ferrovia arrugginita, Bugul'ma di notte...

Sveta guardava speranzosa il profilo di lui.

– La vecchia commessa che non dice mai di no, il laghetto, il fiume Bugul'minka...

Serëža parlava mentre cercava di aprire la bottiglia.

– Il club dei videogame, la macchina di mio papà...

La bottiglia fece un rumore sordo e un getto di schiuma densa si riversò sui jeans di Serëga. Sveta si mise a sghignazzare. «*Loser*», disse lei, gli tolse dalle mani la bottiglia e fece due sorsi. Serëga rimase in silenzio. Tirò fuori dalla tasca un pacchetto di sigarette al mentolo, ne accese due e ne passò una a Sveta.

– Pensi che a Mosca ne venderanno di simili? – chiese Serëga.

– Là vendono tutto quello che vuoi – rispose Sveta.

– Sarebbe bello.

– Che c'è, stai già pensando di accendere una sigaretta per qualche ragazza?

– Sveta, cosa vorresti dire? Non mi serve nessuna ragazza!

– Staremo a vedere quando ti trasferirai nello studentato!

– Mi trasferirò, e allora? Vuoi che ti chiami ogni sera?

– Resteresti al verde – disse Sveta.

Serëga si fece stretto stretto a Sveta e la abbracciò. Senti che stava tremando, tolse dallo zaino una

Сидели. Молчали. Бутылка переходила из рук в руки. Внизу, в маленьком, спящем городе было так тихо, что с железнодорожного вокзала до Сережи и Светы отчетливо доносились объявления об отправлении и прибытии поездов.

— Мы ведь так еще не пробовали, — сказал вдруг Сережа.

— Как?

— Ну, на расстоянии.

Света не ответила. Она смотрела на город и искала взглядом свой дом.

— Свет, не молчи. Я ж приезжать буду. На Новый год и на лето...

— Господи, какая же я дура! — сказала Света и закрыла лицо руками.

Он молчал, обнимал ее и прихлебывал из бутылки.

— Дура! Тупица! Как можно было не поступить? Как?

— Просто не повезло. Поступишь на следующий год. Ты у меня умная, я знаю. А этот год мы как-нибудь переживем!

Он сжал ее плечо и слегка потряс.

— Я не хочу «как-нибудь». Дай сигарету.

Он достал сигарету и чиркнул зажигалкой. Яркое пламя осветило ее лицо: зрачки сузились, по щекам бежали мутные, смешанные с тушью и тональным кремом, слезы.

— Ну, так что? — спросил он.

— Не знаю, — сказала она.

Выкурив сигарету, Света успокоилась и положила голову на Сережино плечо. Он звучно чмокнул ее в макушку, а когда Света обратила к нему лицо, поцеловал в губы. Он аккуратно опустил ее на траву, продолжая целовать в губы и шею. Чем дольше они целовались, тем больше он смелел. Он принялся ласкать ее, запуская руки в такие места, куда еще никогда не позволял себе. Света слабо извивалась и сжимала его плечи. В Сережином кармане зазвонил телефон. Тишину вспороли тяжелые гитарные рифы, и ночная магия рассеялась. Сережа тяжело вздохнул, откинулся на спину и достал телефон.

— Да, пап. Да, точно. Извини, уже иду.

Света поднялась на ноги и поправляла задранную футболку.

camicia di flanella e gliela pose sulle spalle. Sedevano accanto, in silenzio. La bottiglia passava di mano in mano. Di sotto, nella piccola e addormentata città c'era un tale silenzio che dalla stazione ferroviaria giungevano a Serëža e a Sveta gli annunci degli arrivi e delle partenze dei treni.

– Dopotutto non ci abbiamo ancora provato – disse all'improvviso Serëža.

– Cosa?

– Beh, a stare separati.

Sveta non rispose. Guardava la città e cercava con lo sguardo casa sua.

– Sveta, non stare zitta. Io tornerò. Per Capodanno e per l'estate...

– Dio, quanto sono stupida! – disse Sveta e si coprì il volto con le mani.

Lui stava in silenzio, abbracciandola e facendo dei piccoli sorsi dalla bottiglia.

– Stupida! Tonta! Come ho potuto non essere ammessa? Come?

– Semplicemente non hai avuto fortuna. Entrerai l'anno prossimo. Sei tu quella intelligente, lo so. E per quest'anno in qualche modo ce la faremo!

Le strinse la spalla e la scosse leggermente.

– Io non voglio farcela «in qualche modo». Da' qua una sigaretta.

Lui prese una sigaretta e l'accese con l'accendino. Una fiamma brillante illuminò il viso di lei: le pupille si restrinsero, sulle sguance scorrevano lacrime torbide, mescolate con mascara e fondotinta.

– Allora, che c'è? – chiese lui.

– Non lo so – disse lei.

Finita la sigaretta, Sveta si tranquillizzò e appoggiò la testa sulla spalla di Serëža. Lui le schioccò un bacio sulla testa, e, quando Sveta rivolse a lui il viso, la baciò sulle labbra. Con delicatezza la fece sdraiare sull'erba, continuando a baciarle le labbra e il collo. Quanto più si baciavano, tanto più lui si faceva coraggio. Si mise ad accarezzarla, affondando le mani in posti dove non si era mai permesso. Sveta si dimenò debolmente e strinse le spalle di lui. Nella tasca di Serëža squillò il telefono. Il silenzio fu interrotto da gravi riff di chitarra e la magia della notte si dissolse. Serëža sospirò pesantemente, si girò sulla schiena e prese il telefono.

– Sì, papà. Sì, giusto. Scusami, arrivo.

Sveta si mise in piedi e si aggiustò la maglietta tirata su.

- Света!
- Пошли, Сергей. Тебе пора домой.
- Да ничего, подождут! Последняя ночь, Свет! Наша ночь!
- Ты ведь будешь приезжать, — сказала она, — на Новый год и на лето. Света повернулась и пошла в сторону кладбища.

Они спустились в город. На полпути к Светиному дому Сереже снова позвонил отец. У центрального универмага парень распрощался со Светой, а заодно и с мечтой о том, чтобы уехать в Москву мужчиной. Света вернулась домой. Серегина рубашка так и осталась на ней. Не раздеваясь, Света легла на кровать и до утра смотрела в потолок. На рассвете из динамиков городских мечетей зазвучал Фаджр, а после молитвы Света услышала голос диспетчера с железнодорожного вокзала: «Поезд 391У, следующий по маршруту Челябинск — Москва, отправляется с первого пути. Будьте внимательны и осторожны».

На Новый год Сережа не приехал, и весной на Воробьевых горах он прикуривал сигаретку какой-то развязной второкурснице. С ней же он стал мужчиной, а через девять месяцев — отцом ее ребенка. Он отчислился из университета и вернулся с женой и сыном в Бугульму. К тому моменту Светы в городе уже не было. Ветхую двухэтажку на улице Шашина, в которой жили Света и ее мать, давно снесли, и Сережа так и не смог выяснить, куда они переехали.

- Sveta!
 - Andiamo, Sergej. È ora che tu vada a casa.
 - Non fa niente, aspetteranno! È l'ultima notte, Sveta! La nostra notte!
 - Dopotutto tornerai – disse lei – per Capodanno e per l'estate.
- Sveta si voltò e si incamminò verso il cimitero.

Tornarono giù in città. A metà strada verso la casa di Sveta chiamò di nuovo il padre di Serěža. Al grande magazzino centrale il ragazzo disse addio a Sveta e anche al suo sogno di partire per Mosca da uomo. Sveta tornò a casa. Le restò addosso la camicia di Serěga. Senza spogliarsi, Sveta si sdraiò sul letto e fino al mattino rimase a guardare il soffitto. All'alba risuonò dagli altoparlanti delle moschee cittadine il Fajr e, dopo la preghiera, Sveta sentì la voce del dispatcher dalla stazione ferroviaria: «Il treno 391U, sul tragitto Čeljabinsk – Mosca, è in partenza dal primo binario. Si raccomandano attenzione e prudenza».

Serěža non tornò per Capodanno, e in primavera, sulla Collina dei passeri, accendeva una sigaretta per una qualche ragazza del secondo anno. Con lei divenne uomo e dopo nove mesi il padre di suo figlio. Abbandonò l'università e tornò con la moglie e il figlio a Bugul'ma. In quel momento Sveta non era più in città. L'edificio fatiscente di due piani in via Šašin, nel quale vivevano Sveta e sua madre, era stato demolito da tempo e Serěža non riuscì ad accertarsi dove si fossero trasferite.

Отзыв о рассказе

Умение писать просто, но оригинально о том, что давно является предметом большой и малой прозы, продемонстрировал автор рассказа «На Новый год и на лето».

Этот рассказ говорит нам о стандартной драме расставания юных влюбленных. Он едет поступать в университет, она остается дома, в провинциальном городе. Но эта слишком типичная интродукция несколько не снижает уровня драматизма. Напротив, текст рассказа построен таким образом, что будто бы мы впервые узнаем о раннем неудачном опыте чувства, которое заканчивается разлукой, как следует из рассказа, навсегда. С одной стороны, с самых первых строк, как только речь заходит о чемоданах («Свет, прости! Мамка привязалась со своими чемоданами»), становится очевидным, что эти двое сейчас расстанутся, ничего у них не выйдет, и, возможно, это разочарование положит отметину на всю их жизнь, с другой же – чем очевиднее становится эта простая линия повествования, тем увлеченнее читаешь дальше. О том, что происходит с героями, говорят не столько их диалоги — кстати сказать, прекрасно отражающие современный разговорный стиль, но и детали повествования. Их Евгений Бодряев делает абсолютно легко, свежо и увлеченно. Иногда автор так же самобытно и интересно ироничен, но при этом не склоняется к абсурдизму или трагикомическому направлению: характер, композиция и фабула рассказа построены крепко и надежно. «Услыхав, что они хотят купить, старушка продавщица погрозила пальцем, перекрестилась и сноровисто спрятала в черный пакет все необходимое».

Бывает и такая любовь–не любовь, которая долго еще заставляет двоих людей, неправильно расставшихся, искать друг друга. И в этой истории, наверное, должно быть отчасти смешно, грустно, страшно и горько. Все это показано в рассказе Е. Бодряева с явными признаками мастерства и удачными новыми формами, которые свидетельствуют о его литературном таланте. Остается пожелать автору еще многих успешных воплощений его способностей.

Елена Пастернак

Nota critica

L'autore del racconto «Per Capodanno e per l'estate» ha dimostrato di saper scrivere in maniera semplice ma originale di ciò che da tempo costituisce l'argomento di romanzi e racconti.

Questo racconto parla del normale dramma della separazione di due giovani innamorati. Lui parte per l'università e lei resta a casa, in una città di provincia. Ma quest'introduzione fin troppo comune non diminuisce affatto il livello di drammaticità. Al contrario, il testo del racconto è costruito come se per la prima volta noi venissimo a conoscenza di una prima e sfortunata esperienza amorosa, che si conclude con una separazione, come risulta dal racconto, definitiva. Da un lato, fin dalle primissime righe, non appena si parla di valigie («Sveta, perdonami! Mia mamma mi ha seccato con le sue valigie»), diventa chiaro che i due si separeranno subito, non combineranno nulla e, probabilmente, questa delusione segnerà tutta la loro vita. Ma dall'altro, più diventa evidente questa linea narrativa, più appassionante diventa continuare a leggere.

Ciò che accade tra i protagonisti è raccontato non tanto dai loro dialoghi – che, a proposito, riflettono a meraviglia lo stile colloquiale contemporaneo – ma dai dettagli della narrazione. Evgenij Bodrjaev li rende con assoluta leggerezza, freschezza ed entusiasmo. Talvolta l'autore è ironico in modo tanto originale quanto avvincente, ma allo stesso tempo non tende all'assurdo o al tragicomico: il carattere, la composizione e la fabula del racconto sono costruiti in modo solido ed efficace. «Sentito quello che i due volevano comprare, la vecchia commessa minacciò con un dito, si fece il segno della croce e lesta nascose in un sacchetto nero tutto il necessario».

C'è anche quel certo amore-non-amore che costringe due persone, ingiustamente separate, a cercarsi l'un l'altro ancora a lungo. E in questa storia dovrebbe essere per certi versi divertente, triste, terribile e spiacevole. Tutto questo è mostrato nel racconto di E. Bodrjaev con evidenti segni di bravura e nuove forme ben riuscite, che provano il suo talento letterario. Non resta che augurare all'autore di continuare a realizzare con successo le sue capacità.

Elena Pasternak

Биография

Евгений Бодряев родился в 1991 г. в Бугульме – том самом городе, где в 1918 г. комендантом был Ярослав Гашек. Окончил Московский государственный университет леса в г. Мытищи (ныне филиал МГТУ имени Н. Э. Баумана), освоив специальность переводчика с английского и французского языков. В годы учебы увлекся английской и американской прозой, особенно американским рассказом. По окончании университета остался в Москве, работал преимущественно в сфере логистики, аналитики и автоматизации процессов в крупных торговых компаниях. В настоящее время пытается совмещать работу и обучение на литературоведа, пробует себя в жанре короткой прозы. В 2022 г. дебютировал как прозаик, опубликовав рассказ «Эксикат» в литературном журнале «Этажи».

Biografia

Evgenij Bodrjaev è nato nel 1991 a Bugul'ma, la stessa città in cui nel 1918 fu comandante Jaroslav Hašek. Si è laureato all'Università Statale di Mosca di Scienze Forestali a Mytišč'i (oggi succursale dell'MGTU N. È. Bauman), dopo essersi specializzato nella traduzione dall'inglese e dal francese. Durante gli studi si è appassionato alla prosa inglese e americana, specialmente alla novellistica americana. Terminata l'università è rimasto a Mosca, lavorando principalmente nell'ambito della logistica, dell'analitica e dell'automatizzazione dei processi in grandi compagnie commerciali. Attualmente tenta di conciliare il lavoro con la formazione come critico letterario, mettendosi alla prova con il genere del racconto breve. Nel 2022 ha debuttato come prosatore, pubblicando il racconto *Ėksikat* (*Exsiccatum*) nella rivista letteraria «Ėtaži».

Руслан Воробьев

Перевод на итальянский язык Элеоноры Манчинелли

Ruslan Vorob'ëv

Traduzione in italiano di Eleonora Mancinelli

КОЗА

В ее глазах была серая аметистовая хмурица, отображающая осознание непристойной ясности происходящего. Чувствуя запах куриной крови, она сопротивлялась, но пока не смело, будто кокетничала с ведшими ее в гараж отцом и дедом Семы.

За все эти шестнадцать лет козу как только не звали: Улька, Ульяна, Ульяша, Юлька, Улитка, Ляля, Лёля, Люлю, Улюлю... Сема, будучи совсем маленьким, звал ее Люлей, а приезжающий к ним иногда дядя — Эсмеральдой.

— Ну, вылитая Эсмеральда, поглядите же! Принцесса прям...

И на все-то клички она прибежала. Хоть Сковородкой ее назови.

Когда у мамы Семы закончилось молоко, бабушка кормила младенца молоком Ули. Чуть теплое, пахнущее подгоревшим сеном и сарайной затхлостью, оно взрастило родившегося хилым и болезненным ребенка, вдоволь напитало его слабенький желудок в сладко-жгучие минуты послешкольного забвения и навсегда осталось в его памяти рядом со словами «домашний» и «уют».

Сема давно заметил: чем старше он становится, тем быстрее течет мимо него река времени, причем не ясно, в каком направлении. Он вспоминал дни, когда мать вела его в детский сад, — тогда со всех дворов доносились кукареканье, мычание, хрюканье, судорожное блеяние и клохтанье, тогда прямо на дороге можно было встретить ничуть не опасного бычка с бело-выпученными глазами. Тогда машины ездил медленнее, чтобы не сбить выскочившую на дорогу животину, а верхушки деревьев, казалось, упирались в небосклон. Теперь же все было иначе: деревья и кустарники скрючились, сгорбились, чем-то уязвленные, под рассерженным краснощеким солнцем, животных по всей улице почти не осталось, а машины гоняли так, что и выходить из дома-то было страшно. Вдалеке над верхушками редких деревьев по ночам мерцали софиты кинотеатра и супермаркетов — разноцветные колкие звезды обновленного человечества.

Воздух был проникнут робким запахом сырой земли. Несколько часов назад дождь кончился, и теперь солнце вновь яростно обжигало затылок и шею Семы, но издали — над

LA CAPRA

Nei suoi occhi c'era una cupezza di color grigio ametista che rifletteva la presa di coscienza dell'oscena chiarezza di ciò che stava accadendo. Percependo l'odore del sangue di pollo lei, senza coraggio, opponeva resistenza, sembrava provocare il padre e il nonno di Sëma che la stavano conducendo nel garage.

Per tutti questi sedici anni la capra era stata chiamata in qualsiasi modo: Ula, Uliana, Ulina, Ulietta, Luma, Lala, Lola, Lulu, Lilla¹... Essendo molto piccolo, Sëma la chiamava Lulia, e lo zio, che ogni tanto li andava a trovare, la chiamava Esmeralda.

– Beh, guardatela, è tale e quale a Esmeralda! È proprio una principessa...

E a ogni singolo nomignolo lei accorreva. Perfino se la chiamavano Padella.

Quando la mamma di Sëma finì il latte, la nonna nutrì il piccolo con quello di Ulia. Era caldo, odorava di fieno bruciacchiato e di capanno stantio; quel latte aveva alimentato il bambino che era nato gracile e malaticcio, aveva nutrito il suo stomaco deboluccio durante i momenti dolceamari dell'oblio dopo scuola, e gli rimase per sempre nella memoria accanto alle parole “casa” e “conforto”.

Da tempo Sëma aveva notato che più diventava grande, più il fiume del tempo scorreva veloce di fianco a lui, ma non gli era chiaro verso quale direzione. Rammentava i giorni in cui la madre lo portava all'asilo, a quel tempo da ogni casa di campagna giungevano i chicchirichì, i muggiti, i grugniti, i belati convulsi e il chiocciare. A quel tempo, direttamente per strada, si poteva incontrare un toro, per niente pericoloso, che aveva degli sporgenti occhi bianchi. A quel tempo, per non urtare gli animali domestici che sbucavano sulla strada, le auto guidavano più lentamente e le cime degli alberi sembravano appoggiarsi al cielo. Ora era tutto diverso: gli alberi e gli arbusti si erano ingobbiti, curvati, sotto al sole stizzito e infuocato qualcosa li aveva feriti. In strada non era rimasto quasi più nessun animale, e le macchine andavano così veloci che persino uscire di casa era spaventoso. Di notte, in

¹ Per la resa dei soprannomi dati all'animale che ricorrono nel racconto, si è scelto di adottare una strategia di tipo addomesticante. Allo scopo di ricreare lo stesso effetto che la serie di appellativi affettuosi ha nel lettore del prototesto, sono state mantenute alcune delle sequenze alternate di vocali e consonanti, e alcuni dei suoni: [u], [l], e [a]. Gli appellativi sono stati adattati per il lettore italiano sia attraverso l'utilizzo di diminutivi tipici della lingua italiana (-ina, -etta), sia dal punto di vista della traslitterazione. Particolare, invece, la resa del nome *Ulitka* (Lumaca) tradotto come “Luma” per richiamare lo stesso referente extratestuale (ndt).

лесом — из разжеванных непогодю облаков на их дом уже глядело сине-серое око. Готовились к переезду в тесную квартирку. Когда-то дед, будучи военным служащим, получил этот участок от государства, «на время», без оформления прав. А теперь их мягко попросили покинуть землю: будут строить здесь очередной супермаркет. И на этот июльский жарко-дождливый денек отец с дедом условились зарезать двух кур, петуха и козу Ульяшу: не брать ведь животных с собой. Мама и бабушка отказались в этом участвовать. Сема еще утром слышал, как бабушка плачет в своей комнате, бормоча что-то его маме. А дед сидел в кухне, причмокивал и, словно успокаивая самого себя, говорил:

— Ну, оттарабанили свое. Хватит. Чего уж.

И отец соглашался с ним.

А Сема нет — хотя и про себя. Особенно насчет Ули. С напряженным детским вниманием он разглядывал запечатленные в памяти мгновения прошлого и думал, как же похожи бабушка и коза. Обе старые, умудренные жизнью, заставшие те времена, когда деревья были большими. Обеих связывало нечто куда более значительное, чем шестнадцатилетняя совместная жизнь на одном участке. Наверное, чувствовал Сема, то была много раз перенесенная ими боль утраты, заменяемая иногда ощущением близости таковой. Весеннее половодье. Голод. И частая гостья — смерть. Одни тени страдания Сема со смущением наблюдал когда-то в заплаканных глазах бабушки, другие — в мутно-серых глазах Ульяши.

Медно-пресный запах становился сильнее. Коза, с покрытой грязью шерстью, цеплялась копытцами за пышноголовые одуванчики, пришамкивала и бляла. Пока дед держал козу, отец привязывал ее к стволу худосочной яблони.

— Так, сейчас воду подключу: отмыть ее надо, — сказал отец — немногословный, скрытный человек, — и ушел.

— Ну, чего ты, родимая? — обратился к козе дед. — Ведь смирененько шла. Не надо страдать. Скоро все закончится.

— Ме, — лишь ответила коза и наклонила голову.

— Ты уж свое отжила. И неплохо так отжила, скажу я тебе.

lontananza, sopra le cime degli alberi diradati, tremolavano le luci del cinema e dei supermercati: stelle pungenti e variopinte di un'umanità ammodernata.

L'aria era pervasa da un timido odore di terra umida. La pioggia si era fermata da qualche ora e adesso il sole, nuovamente e di prepotenza, scottava la nuca e il collo di Sëma; ma da lontano, sopra al bosco, dalle nuvole masticate dalle intemperie, un occhio grigio e blu stava già guardando la loro casa.

Si stavano preparando a trasferirsi in un piccolo appartamento angusto. Tempo fa, il nonno, essendo un militare, ricevette quell'appezzamento "in prestito" dallo Stato, senza diritto di proprietà. Ora, però, gli era stato gentilmente chiesto di lasciare il terreno: ci costruiranno un ennesimo supermercato. E in quel giorno caldo e piovoso di luglio, per non portare gli animali con loro, il papà e il nonno avevano deciso di sgozzare due polli, un gallo e la capra Ulina. La madre e la nonna si erano rifiutate di partecipare.

Sëma già dal mattino aveva sentito la nonna che, borbottando qualcosa a sua madre, piangeva nella sua stanza. Il nonno invece era seduto in cucina, schioccava le labbra e come per tranquillizzarsi da solo, diceva:

– Beh, hai scontato la tua pena. Basta. Non puoi fare altro.

E il padre era d'accordo con lui.

Ma Sëma no, anche se pensava tra sé e sé. Pensava soprattutto a Ulia. Con l'intensa attenzione di bambino esaminava i momenti passati che erano impressi nella sua memoria e pensava a quanto si somigliassero la nonna e la capra. Entrambe vecchie, navigate dalla vita, erano riuscite a vedere quei tempi in cui gli alberi erano grandi. Le legava qualcosa di gran lunga più significativo dei sedici anni di vita trascorsi sullo stesso terreno. Forse, sentiva Sëma, era il dolore per la perdita, che avevano patito molte volte, a sostituire di tanto in tanto la sensazione di una tale vicinanza. Una piena primaverile. La fame. E un'ospite frequente, la morte. Alcune ombre di sofferenza Sëma le aveva osservate con imbarazzo tempo fa, negli occhi pieni di lacrime della nonna; altre invece, negli occhi grigi e torbidi di Ulina.

L'odore insipido del rame si faceva più forte. La capra, con la pelliccia coperta di sudiciume, si aggrappava con i piccoli zoccoli ai denti di leone, biassicava e belava. Mentre il nonno la teneva, il padre la legava al tronco di un esile melo.

– Allora, adesso faccio scorrere l'acqua: bisogna lavarla, – disse il padre, un uomo riservato e di poche parole, e se ne andò.

– Cosa c'è cara? – disse il nonno rivolgendosi alla capra. – Ti sei comportata bene fino ad ora. Non ti devi preoc-

— Ме-е. — Уля резко топнула ножкой.

— Ну, как знаешь.

Сема с задумчивой скорбью смотрел на козу.

— А что с водой?! — услышался голос отца с другой стороны участка, из-за сарая.

— А что с водой? — с удивлением выкрикнул дед.

— Да не знаю... что-то... не идет.

И — молчание.

Возбужденный такой неожиданностью, Сема почувствовал, что пора спасти Улю. Спасая Улю, он спасет и бабушку. Мама говорила, что бабушке нельзя нервничать: старенькая совсем, может и помереть. А Сема не хотел, чтобы бабушка умирала — вон она все утро проплакала, — равно как и не хотел, чтобы козу резали.

— Дед, дедушка, — произнес мальчик с трогательной застенчивостью, высматривая, не идет ли к ним из дома бабушка или мама.

— Да? — Дед повернулся к Семе.

— Ты иди помоги папе, а я за Улей послежу.

— Последишь?

— Конечно, послежу. Иди.

Дед пожевал губами и сказал:

— Ладно. Только есть ничего ей не давай.

Крякнув, он слепо глянул на Ульку и пошел к сараю. Не успел дед еще и за деревьями скрыться, как Сема начал отвязывать козу. Ее растеряннo-суетливое состояние раздражало его.

Взяв козу за ошейник, он повел ее к калитке, называемой отцом «черным ходом». Через калитку можно было выйти на улицу, проходящую вдоль заросшего оврага. Этот вариант всегда был лучшим, когда Сема хотел покинуть участок незаметно.

Не ощущающая более запаха крови, пребывающая в блаженной истоме Улька медлила. А Сема, спотыкаясь о камешки гравия и ругая неторопливость животинки, все думал: а вдруг они догадаются, куда я ее уведу? а вдруг?.. а вдруг?.. Он вводил козу в свое люби-

cupare. Presto sarà tutto finito.

– Bee, – rispose la capra chinando la testa.

– Hai fatto il tuo tempo, e non è stato male; te lo dico io.

– Be-e – Ulia batté bruscamente con la zampa.

– Mah, fa come ti pare.

Sëma guardava la capra con un'angoscia pensierosa.

– Che è successo all'acqua?! – si sentì la voce del padre provenire dall'altro lato del terreno, da dietro al capanno.

– Che è successo all'acqua? – esclamò sorpreso il nonno.

– Non lo so... qualcosa... non va.

E poi — silenzio.

Emozionato da questa sorpresa, Sëma sentì che era arrivata l'ora di salvare Ulia. Salvandola avrebbe salvato anche la nonna. La madre diceva che non la si doveva far agitare: era molto vecchia, poteva anche morire. Ma Sëma non voleva che la nonna morisse, aveva pianto talmente tanto per tutta la mattina, così come non voleva che la capra venisse macellata.

– Nonno, nonno, – disse il ragazzino con una timidezza commovente, cercando di vedere se la nonna o la mamma dalla casa stessero andando verso di loro.

– Sì? – Il nonno si voltò verso Sëma.

– Tu vai ad aiutare papà, io bado a Ulia.

– Badi tu a lei?

– Certo, ci penso io. Vai.

Il nonno serrò le labbra e disse:

– D'accordo. Solo, non darle nulla da mangiare.

Dopo aver sbuffato, lanciò uno sguardo veloce verso Ula e si diresse al capanno. Prima ancora che il nonno fosse sparito dietro gli alberi, Sëma iniziò a slegare la capra. La sua aria smarrita e irrequieta lo innervosiva.

Preso la capra per il collare, la portò verso quel cancello che il padre chiamava “entrata di servizio²”. Attraverso

2 Nel testo originale *čěrnjy chod*. Il termine *čěrnjy* deriva dall'espressione *čěrnaja lestnica* (scala nera), ovvero, l'ingresso secondario tipico degli immobili a reddito che nelle realtà urbane era adibito al passaggio della servitù. L'espressione usata nel testo si lega anche

мое место — туда, где нет ни гравия, ни асфальта, где только дышащая земля, беспокойная река и утомленные жаром и дождями тополи. Все его родные знали об этом месте. Вот-вот кто-нибудь из них мог обнаружить пропажу козы и догнать Сему. Так что вся надежда была на проблемы с водой. Свернув несколько раз на поворотах и выйдя наконец на грунтовую дорогу, он отдышался, повернулся к Уле.

— Все, иди.

Издали послышался голос отца:

— Сема-а-а!

Уля шевельнула ушами. Ее ли зовут? Ее еще никогда не звали с такого расстояния.

Мальчик, на мгновение замерев, тоже прислушался, отер со лба пот.

— Беги! Ну же, беги! — сказал Сема, пытаясь сдержать дрожь. — Сейчас он здесь будет.

Но Уля стояла, тупо вперившись в пространство. Облизнула шероховатым языком черные губы, фыркнула.

— Беги же!

Сема пихнул козу, замер. Она пару раз переступила, цокнув копытцами по случайным камешкам, но с места не сдвинулась.

В небе прогрохотало. Взглянув вверх, Сема увидел пораженное катарактой око, готовое пролиться холодным дождем.

— Иди давай отсюда!

— Сема!!

Коза повернулась на голос.

— Они тебя зарежут. Уходи.

Уля глянула на Сему, лизнула ему руку и уставилась на противоположный берег реки. Там резвились соседские ребяташки. Они кричали и толкали друг друга то в воду, то в кусты, бегая по прело-желтой глине. Уля всегда любила детей.

— Вот, иди туда! — сказал Сема, оскалив зубы. — К ним! Вали давай! Пошла! Отсюда!

И Сема заплакал. Ему не хотелось, чтобы Уля уходила. Но и отвести ее обратно во двор он не мог: козу пустят на мясо. Папа сказал, что Уля уже старая, что если перевести возраст

il cancello si poteva sbucare su una strada che costeggiava un burrone incolto. Questa era sempre stata l'opzione migliore per quando Sëma voleva lasciare il terreno senza farsi notare.

Non sentendo più l'odore del sangue e ritrovandosi in uno sfinimento beato, Ula camminava lentamente. Sëma, invece, inciampando sui sassi e ingiuriando la lentezza dell'animale pensava: e se capissero dove la sto portando? e se?.. e se?.. Stava portando la capra nel suo posto preferito, là dove non c'è né ghiaia, né asfalto, dove c'è solo la terra che respira, un fiume inquieto e i pioppi affaticati dal caldo e dalle piogge. Tutta la sua famiglia sapeva di quel posto. All'improvviso qualcuno di loro avrebbe potuto notare che la capra era sparita e raggiungere Sëma. Quindi tutte le sue speranze erano riposte nei problemi con l'acqua. Dopo aver svoltato diverse volte su delle curve e aver finalmente raggiunto la strada in terra battuta, riprese fiato e si voltò verso Ulia.

– Vai, vattene.

Da lontano si sentì la voce del padre:

– Sëma-a-a!

Ulia mosse le orecchie. Stanno chiamando lei? Non era mai stata chiamata da così lontano.

Il ragazzino si bloccò per un istante, si mise in ascolto anche lui e si asciugò il sudore dalla fronte.

– Scappa! Dai, su, scappa! – disse Sëma cercando di reprimere il tremore. – Adesso arriva.

Ma Ulia rimaneva lì a fissare stupidamente il vuoto. Si leccò le labbra nere con la lingua rugosa e sbuffò.

– Dai, scappa!

Sëma diede uno spintone alla capra e rimase immobile. Lei fece un paio di passi battendo con gli zoccoli su qualche sassolino, ma non si mosse dal suo posto.

Il cielo rimbombò. Dopo aver guardato all'insù, Sëma vide un occhio affetto da cataratta pronto a riversare una fredda pioggia.

– Dai, vattene via di qua!

– Sëma!!

La capra si girò verso la voce.

– Ti sgozzeranno. Vattene!

al fraseologismo *s čěrnogo choda*, cioè aggirare le vie ufficiali (ndt).

козы на человеческий, то окажется, будто бы Уля старше бабушки, что Уля и так скоро умрет. И пусть лучше умрет, чем ее зарежут.

— Ну, иди же, иди! — Закрыв слезившиеся глаза, он начал мягко колотить козу по туловищу. Уля в ответ щелкала языком — словно что-то говорила.

— Сем! — голос был совсем близко. Коза чуть сдвинулась с места.

Мальчик решил отвести ее подальше, но Уля упрямо стояла и прислушивалась к шелесту ветра. Может, он снова донесет до нее знакомый голос?

Утомленный, разочарованный, Сема вытянул руки и обхватил тонкую шею Ули, прижался к козе. Он ощутил обжигающую теплоту животного тела и стук бьющегося в этом теле сердца.

— Ульяна! Сема! — слышалось из-за поворота.

Коза вырвалась, побежала на голос.

— Стой, стой, — произнес слабо, тоскливо мальчик, утирая вновь накипевшие слезы, но Уля была уже у поворота.

— Ах, вот ты где, — сказал подошедший отец и небрежно потрепал ее по голове. — Та-а-ак, значит, увел тебя Сема, да?

Коза кивнула.

Отец посмотрел на Сему. Тот потупился.

Теперь Улю было не спасти.

На двор они возвращались под прохладными струями дождя. Сема не смотрел ни на козу, ни на отца — бездумно уставившись в расплывчато-зеленый овраг, он утирал сопли.

— Понимаешь, — сказал отец, — она уже старенькая.

— И чего? Обязательно ее убивать?

На это отец ничего не ответил.

Когда они вернулись, Сема убежал в свою комнату, заперся в ней.

— Дура! Дура! — всхлипывал он. — Старая дура!

Она бы убежала, думал Сема, играла с детьми, мылась под дождем, рожала козлят, но она не захотела, не захотела...

Ulia guardò verso Sëma, gli leccò la mano e fissò la riva opposta del fiume. Là stavano scorrazzando i ragazzini dei vicini. Urlavano e, correndo sull'argilla gialla e fracida, si spingevano a vicenda, ora nell'acqua, ora nei cespugli. Ulia aveva sempre adorato i bambini.

– Ecco, vai là! – disse Sëma digrignando i denti. – Da loro! Fila, dai! Vattene! Via di qua!

E Sëma iniziò a piangere. Non voleva che Ulia se ne andasse. Ma non poteva nemmeno riportarla a casa: sarebbe stata messa al macello. Il padre aveva detto che Ulia era già vecchia, aveva detto che se si converte l'età di una capra in anni umani, lei risulterebbe più vecchia della nonna e che così com'era sarebbe morta presto. E che muoia piuttosto di essere macellata.

– Beh, vai, su, vai! – Dopo aver chiuso gli occhi lacrimanti, iniziò delicatamente a picchiare la capra sul busto. In risposta Ulia schioccava la lingua, come se stesse dicendo qualcosa.

– Sëm! – la voce era davvero vicina. La capra si mosse leggermente.

Il ragazzino decise di portarla un po' più avanti, ma Ulia rimaneva caparbiamente in piedi e ascoltava il fruscio del vento. Forse le faceva ritornare in mente una voce familiare?

Esausto e deluso, Sëma allungò le braccia e strinse il collo sottile di Ulia avvolgendosi a lei. Percepì il calore bruciante del corpo dell'animale e il battito sussultante del cuore al suo interno.

– Uliana! Sëma! – si sentì da dietro la curva.

La capra si divincolò e corse verso la voce.

– Ferma, ferma – pronunciò il ragazzino debolmente e con angoscia asciugandosi di nuovo le lacrime che si erano accumulate, ma Ulia era già alla curva.

– Ah, eccoti, – disse il padre avvicinandosi e le accarezzò distrattamente la testa.

– Allo-o-ora è stato Sëma a portarti via?

La capra annuì.

Il padre guardò Sëma. Lui abbassò gli occhi.

Ora non c'era più modo di salvare Ulia.

Ritornarono alla casa sotto i freschi getti di pioggia. Sëma non guardava né la capra, né suo padre, fissando senza pensare il verde annesso del burrone, si asciugava il moccio.

– Capisci, – disse il padre, – ormai è vecchiotta.

– E quindi? Bisogna ammazzarla per forza?

Как его ни упрашивали бабушка, мама, дед, а после — отец, он так и не вышел из комнаты до самого ужина.

За столом все угрюмо молчали. Бабушка собирала платком слезы.

Было мясо — точно не курятина.

— Это из Ули? — спросил Сема.

— Это из магазина, — ответил дед.

— Улю мы не резали, — добавил отец.

Просияв, мальчишка тут же выскочил из-за стола и побежал на улицу.

— Сема, стой! — выкрикнула мама.

— Пусть, — остановила ее бабушка.

Сема не слышал их. Выбежав под дождь, мальчик помчался к сараю. Света в окне не было, но он всегда горел в такое время. Это чуть смутило Сему. Он распахнул дверь, включил лампочку. Пролился жирно-желтый свет.

Уля лежала...

— Уля?

Она не двигалась. Даже ушком не дернула.

Сема присел, положил на ее туловище руку.

— Эй, ты чего? Уля?

Уля лежала — бездыханная, с черной козлиной улыбкой на морде.

A questo il padre non rispose nulla.

Quando arrivarono, Sëma corse nella sua camera e si chiuse dentro.

– Stupida! Stupida! – singhiozzava. – Vecchia stupida!

Sarebbe potuta scappare, pensava Sëma, giocare con i bambini, lavarsi sotto la pioggia, far nascere dei capretti, ma lei non ha voluto, non ha voluto...

Per quanto la nonna, la mamma, il nonno e poi il padre cercassero di convincerlo, non uscì dalla camera fino all'ora di cena.

A tavola avevano tutti un'aria cupa e nessuno diceva una parola. La nonna raccoglieva le lacrime con un fazzoletto.

C'era della carne, di sicuro non era pollo.

– È Ulia? – chiese Sëma.

– È del negozio, – rispose il nonno.

– Ulia non l'abbiamo macellata, – aggiunse il padre.

Raggiante, il ragazzino schizzò via dal tavolo e corse fuori.

– Sëma, fermo! – gridò la madre.

– Lascialo andare, – la fermò la nonna.

Sëma non le sentì. Dopo essere uscito di corsa sotto la pioggia il ragazzino si precipitò verso il capanno. Dalla finestra non si vedeva la luce, eppure a quell'ora era sempre accesa. Questo lo turbava un po'. Spalancò la porta e accese la lampadina. Si sparse una densa luce gialla.

Ulia era distesa...

– Ulia?

Non si muoveva. Persino le piccole orecchie erano ferme.

Sëma si accosciò e le mise la mano sul busto.

– Ehi, che hai? Ulia?

Ulia era distesa esanime, con un nero sorriso caprino sul muso.

Отзыв о рассказе

В рассказе Руслана Воробьева «Коза» веришь каждой детали: новое вытесняет, сметает старое, уютные домики с садами и огородами уступают место кинотеатрам и супермаркетам, огни которых сияют ночами как «разноцветные колкие звезды обновленного человечества». Вот и семейство главного героя, мальчика Сёмы, готовится к вынужденному переезду в тесную городскую квартирку, а значит – прощайте трава и деревья, прощайте поля и речка, где плещутся ребятишки, прощай тихий рай детства. В уходящем крестьянском мире человека окружали животные и птицы, в новой городской жизни им не место. Но разве можно избавиться от козы, молоком которой тебя выкормили, родного существа с человеческим именем Ульяна...

О том, кем стала для Сёмы и его семьи коза, красноречиво говорит перечень ласковых имен – Улька, Ульяна, Ульяша, Юлька, Улитка, Ляля, Лёля, Люлю, Улюлю... Не удивительно, что мальчик пытается ее спасти, и вполне ожидаемо, что у него ничего не выходит. А еще, спасая Ульяну, Сёма каким-то ему самому до конца неведомым образом спасает бабушку: они с козой похожи, их связывает нечто большее, чем прожитые бок о бок шестнадцать лет. Мысль о близкой смерти дорогого существа невозможно принять, особенно если ты сам только начинаешь жить, но именно бабушка, неожиданно проявляя твердость, заставит внука сделать шаг на пути к взрослению.

Анна Ямпольская

Nota critica

Nel racconto di Ruslan Vorob'ëv *La capra* si può credere ad ogni dettaglio: il nuovo sostituisce e spazza via il vecchio, le accoglienti casette con giardini e orti lasciano il posto ai cinema e ai supermercati, le cui luci brillano nelle notti come «stelle pungenti e variopinte di un'umanità ammodernata». Ecco che la famiglia del protagonista, il piccolo Sëma, si prepara ad un trasloco forzato in un angusto appartamento di città, cioè si prepara a dire addio all'erba e agli alberi, a dire addio ai campi e al fiumiciattolo dove sguazzano i bambini, a dire addio al tranquillo paradiso dell'infanzia. Animali e uccelli circondavano l'uomo nel mondo contadino di un tempo, nella nuova vita urbana non c'è posto per loro. Ma come è possibile sbarazzarsi della capra con il cui latte si è stati allevati, liberarsi di quell'essere familiare dal nome umano Ul'jana...

Ciò che la capra è diventata per Sëma e per la sua famiglia è dimostrato in modo eloquente dall'elenco dei teneri nomi: Ul'ka, Ul'jana, Ul'jaša, Jul'ka, Ulitka, Ljalja, Lëlja, Ljulju, Uljulju... Non sorprende che il ragazzino cerchi di salvarla e, del tutto prevedibile, è il fatto che non gli riesca. Inoltre, salvando Ul'jana, in qualche modo che nemmeno lui comprende fino in fondo, Sëma salva sua nonna: entrambe si somigliano, sono legate da qualcosa di più grande che i sedici anni vissuti fianco a fianco. Il pensiero dell'imminente morte di una creatura cara è impossibile da accettare, specialmente se tu stesso stai iniziando a vivere, ma è proprio la nonna che, dimostrando inaspettatamente la sua durezza, costringe il nipote a fare un passo verso la strada dell'età adulta.

Anna Jampol'skaja

Биография

Руслан Воробьев родился в 1999 г. в г. Клину Московской области. Учился в МПГУ по направлению «география», ныне студент Тверского университета, специальность «литературное творчество». Участвовал в научных и литературных конкурсах, опубликовал ряд статей о русской литературе.

Biografia

Ruslan Vorob'ëv è nato nel 1999 a Klin, nell'*oblast'* di Mosca. Ha studiato geografia presso l'Università Pedagogica Statale della capitale. Attualmente si sta specializzando in letteratura all'Università di Tver'. Ha partecipato a concorsi scientifici e letterari e ha pubblicato diversi articoli sulla letteratura russa.

Алексей Колесников

Перевод на итальянский язык Кьяры Боарины

Aleksej Kolesnikov

Traduzione in italiano di Chiara Boarina

СЕРЬГИ С БРИЛЛАМИ

В пятнадцать я хотел убить человека.

Никакой бы тогда литературы!

Я знал поэта с какими-нибудь тридцатью читателями, которого судили за распространение наркоты. Бедняга умолял о снисхождении. Обещал быть полезным на свободе, под-разумевая свои стишки под Бродского.

– Я – поэт! – кричал он из клетки. – Это опыт! Из него будут стихи. Они помогут людям.

Поэты не торгуют синтетикой. Его посадили на семь лет.

У нее было бодрое имя. Здесь будет Мирой.

В Платоновск Мира переехала с мамой и отчимом. Я заметил ее первого сентября на линейке, когда неистовствовал гимн.

Странно – с такими ногами – она на физре не могла перепрыгнуть через «козла». Подбежала, шлепала его по задку, невысоко отрывалась от пола и замирала, как примагниченная. Я стеснялся ухаживать открыто. Казалось, что любовь – это позорная слабость.

Мы лишь иногда вместе возвращались домой. Переходили железную дорогу, потом брели вдоль кирпичных стен разрушенного завода, спускались к зеленеющему пруду и там курили под ивой, слушая лягушечьи вопли. Ветви дерева и чернозем под ногами там никогда не просыхали. Самое влажное место в Платоновске.

Мира восхищалась отчимом. Говорила, что он делает «солнышко» на турнике и по воскресеньям покупает матери хризантемы. Я ревновал.

Они снимали квартиру в двухэтажном бараке. Мечтали выкупить и отремонтировать. Под окнами грядки с луком и покаты́й тротуар с «классиками».

В «Венецию» – единственное питейное заведение – меня не пускали родители. Там тусовались одиночки всех возрастов: от школьников до пенсионеров. Во мраке бильярдного зала, с жирным блеском на губах, жались по углам мои одноклассницы, пахнущие пивом и табаком. Оправляя свитера на животах, их разглядывали мужики.

GLI ORECCHINI DI BRILLANTI

A quindici anni volevo ammazzare un uomo.

Allora non mi sarei mai potuto occupare di letteratura!

Conoscevo un poeta con una trentina di lettori che era sotto processo per spaccio di droga. Il poveretto implorava indulgenza. Prometteva di essere utile in libertà, sottintendendo che le sue poesie fossero scritte secondo lo stile di Brodskij.

– Sono un poeta! – gridava da dietro le sbarre. – È un'esperienza! Ne verranno fuori delle poesie. Aiuteranno la gente.

I poeti non vendono sostanze sintetiche. È stato condannato a sette anni.

Aveva un nome allegro. Qui la chiameremo Mira.

Mira si era trasferita a Platonovsk con la mamma e il patrigno. L'avevo notata il primo settembre alla cerimonia di inizio anno scolastico, mentre eravamo tutti in piedi, uno di fianco all'altro, e l'inno rimbombava.

Strano che, con quelle gambe, non riuscisse a saltare la cavallina a educazione fisica. Correva, dava un colpo con le mani, si staccava leggermente dal pavimento e si bloccava, come se fosse incollata.

Mi imbarazzava corteggiarla apertamente. A quanto pare, l'amore era una debolezza di cui vergognarsi.

Solo occasionalmente tornavamo a casa insieme. Attraversavamo la ferrovia, poi ci trascinavamo lentamente lungo i muri di mattoni della fabbrica in rovina, raggiungevamo uno stagno verdeggiante e lì fumavamo sotto un salice, ascoltando il gracidio delle rane. I rami degli alberi e il terriccio fertile sotto ai nostri piedi non si asciugavano mai. Era il luogo più umido di Platonovsk.

Mira ammirava il suo patrigno. Diceva che riusciva a fare la granvolta alla sbarra e la domenica comprava i crisantemi a sua madre. Ero geloso.

Avevano preso in affitto un appartamento in una baracca a due piani. Sognavano di comprarlo e ristrutturarlo. Sotto le finestre c'erano le aiuole con le cipolle e un marciapiede pendente con le caselle del gioco della campana.

I miei genitori non mi lasciavano andare al Venezia, l'unico posto dove si poteva bere. Lì si riunivano single di tutte le età: dagli studenti ai pensionati. Nell'oscurità della sala da biliardo, con le labbra lucide di grasso,

Зимой тепло, а в межсезонье сухо. Болтали у гардероба, трахались на заднем дворе, дрались прямо у входа.

Литературу в 2009 году вел молодой учитель, приехавший из города. Назову его Конев за энергичность. Он снимал домик на моей улице, поэтому мы познакомились еще в июле. Летом он городил летний душ. Я помогал: придерживал доски, пока он лупил по гвоздям. Вечерами Конев одиноко гулял по поселку, на выходных пил, в праздники уезжал куда-то. Держался просто, репрессий не применял. Впрочем, пару раз орал на нас. Запугивал на будущее. О себе не распространялся, а нас допрашивал как следователь. Это утомляло.

Вторая пятница сентября. Душно, как под периной. Пот выкипает стаканами, заливая тетради. Конев рассказывает о Горьком. Мы увлечены. Домашнее задание не спрашивает.

– Всё равно вы не читали.

– Не все, – возражаю я.

Мы что-то обсуждаем. Волнуюсь, пересказывая сюжет «Караморы». Учитель меня прерывает:

– Остальным скучно. Нам придется подстроиться и перестать. Странно, да? Садись. И почитай еще... – Диктует список.

Меня поразила история о том, как Горький вступился за женщину, побиваемую камнями. Ведь знал, что и сам получит, – отчаянное мужество.

– Как тебе про Горького? – спросил я Миру.

Она ступала на желтеющую травку стадиона изящными кедами, а я плелся следом, неся в руках пахнущий потом пиджак.

– Про женщину страшно! – остановившись, сказала она. – Всем селом бьют, а никто не заступает! – И сразу: – Как тебе мои кеды? На выходных купила.

– Сама купила?

– Ну, отчим. У меня под них джинсы. Жалко в школу нельзя!

Под нашей ивой оказался забалдевший в пламени солнца рыбак с бесконечной сигаретой.

– Куда вечером? – поинтересовался я.

le mie compagne di classe si rintanavano negli angoli, avvolte dalla puzza di birra e tabacco. Gli uomini le fissavano, aggiustandosi i maglioni sulla pancia.

D'inverno c'era un bel tepore, durante la bassa stagione era asciutto. Chiacchieravano vicino al guardaroba, scopavano nel cortile, si azzuffavano proprio davanti all'ingresso.

Nel 2009 la cattedra di letteratura fu assegnata a un giovane insegnante che veniva dalla città. Lo chiamerò Konev per la sua energia. Aveva preso in affitto una casetta nella mia via, per questo ci eravamo conosciuti ancora a luglio. In estate aveva costruito una doccia da esterno. Io l'avevo aiutato: reggevo le assi mentre lui piantava i chiodi.

Di sera Konev passeggiava solitario per il villaggio; nei fine settimana beveva, durante le feste se ne andava da qualche parte. Aveva un atteggiamento semplice, non era mai aggressivo. Tuttavia, un paio di volte ci ha strillato contro. Ci intimidiva per il futuro. Non si dilungava a parlare di sé, ma ci faceva domande insistenti come un giudice. Era estenuante.

Secondo venerdì di settembre. Si boccheggia come sotto a un materasso di piume. I rivoli di sudore bagnano i quaderni. Konev racconta di Gor'kij. Siamo assorti. Non chiede i compiti per casa.

– Tanto non l'avete letto.

– Io sì, – obietto.

Discutiamo di qualcosa. Mi agito, mentre racconto la trama di *Karamora*.

L'insegnante mi interrompe:

– Gli altri si annoiano. Dobbiamo adeguarci e fermarci. Strano, eh? Siediti. E leggi ancora un po'... – Detta una lista.

Mi aveva colpito la storia di come Gor'kij aveva preso le difese di una donna che veniva lapidata. Eppure, era consapevole che sarebbe andato incontro alla stessa sorte, che coraggio straordinario.

– Che mi dici di Gor'kij? – ho chiesto a Mira.

Lei calpestava l'erba ingiallita dello stadio con le sue graziose scarpe da ginnastica e io mi trascinavo dietro di lei, tenendo in mano la giacca che puzzava di sudore.

– La storia della donna è spaventosa! – ha detto, fermandosi. – Tutto il villaggio gliela suona e nessuno la difende! – E subito dopo: – Ti piacciono le mie scarpe? Le ho comprate questo fine settimana.

– Le hai comprate tu?

– Джинсы с девочками выгуливать. Может, в «Венецию» зайдем.

Видимо, я скривился, раз она затараторила:

– Дождь будет. Музыки хочется. Куда еще–то?

– В «Венеции» собираются те самые, кто человека камнями готовы забить, – сказал я на прощание. Мне до сих пор нравится эта формула.

Ее желание посетить тот проклятый гадюшник я воспринял снисходительно. Когда приехала, была зеркалом – теперь становится стеклом. Обычное дело.

Вечер набухал, воздух, казалось, можно разливать по кружкам, но дождя так и не случилось. Только тьма неба, зашторенного взбитыми облаками.

Я бесцельно побродил в наушниках по знакомым до камня улочкам Платоновска и к десяти был уже около дома. Выли собаки, доносился рев машин. В приоткрытую форточку пахло поджаренной картошкой – мама ждала.

– Тусуешься? – услышал я из тьмы безфонарной улицы. – Конев догонял меня, бодро неся позвякивающий пакет. – Духота какая! Ты без Миры?

Я изобразил недоумение.

– Она копошится с вещами после уроков, а ты поджидаешь. Я наблюдал через окно! Не стесняйся, – добавил он. – Из тебя всё – твоё.

После полуночи (я навсегда в той минуте) позвонил друг и сказал, что Мира попала в аварию и, кажется, умерла.

Она села в машину ко взрослому мужику. У посадки за баней они въехали в столб. Мира вылетела через лобовое, как опорожненная бутылка.

Недолго думая, тайком я выбрался из дома и пошел к этому месту. Проявились луна и звезды, духоты не стало.

Покореженный «ниссан» напоминал заколотого быка. Хрустели стекла, пахло бедой. Покурив, я почти сразу двинул обратно, внезапно ощутив смертельную сонливость.

Вдруг у посадки, буквально в дюжине шагов от машины, на муравейнике у клена, я увидел пистолет. Не игрушка! Увесистый и мокрый. Покинутый кем–то.

– Beh, il mio patrigno. Ho dei jeans da abbinarci. Peccato che a scuola non si possano usare!
Sotto il nostro salice c’era un pescatore con una sigaretta apparentemente interminabile, ammaliato dalle fiamme del sole.

– Dove vai stasera? – le ho chiesto.

– Metto i jeans ed esco con le ragazze. Forse faremo un salto al Venezia.

Devo aver fatto una smorfia, perché subito ha aggiunto:

– Pioverà. Mi va un po’ di musica. Che altri posti ci sono?

– Il Venezia è un covo di lapidatori, – le ho detto andandomene. Quella formula mi piace ancora adesso.

Ho accettato il suo desiderio di andare in quel maledetto viperaio con indulgenza. Non è tutto oro quello che luccica. Sempre la solita storia.

La sera era carica di umidità e prometteva una pioggia a catinelle, ma di una goccia neanche l’ombra. C’era solo l’oscurità del cielo, sferzato da nuvole minacciose.

Ho girovagato senza meta con le cuffie per le stradine di Platonovsk che conoscevo come le mie tasche e verso le dieci ero già vicino a casa. I cani ululavano e si sentiva il rombo delle macchine. Dalla soprafinestra socchiusa si sentiva il profumo delle patate arrostate, la mamma mi stava aspettando.

– Vai a farti un giro? – ho sentito dall’oscurità della strada senza lampioni. – Konev mi aveva raggiunto, portando energicamente una borsetta tintinnante. – Che afa! Non sei con Mira?

Ho fatto finta di essere in imbarazzo.

– Lei è sempre affaccendata dopo le lezioni, mentre tu aspetti. Ti ho spiato dalla finestra! Non vergognarti, – ha aggiunto. – Tutto quello che è fuori di te, è tuo.

Dopo la mezzanotte (sono fermo a quel momento) mi ha chiamato un amico dicendo che Mira era rimasta vittima di un incidente e, a quanto pareva, era morta.

Era salita in macchina con un tizio più vecchio di lei. Si erano schiantati contro un palo nell’orticello dietro alla sauna. Mira era schizzata fuori dal parabrezza come una bottiglia vuota.

Senza pensarci a lungo, sono sgattaiolato fuori di casa e mi sono recato sul posto. La luna e le stelle avevano fatto la loro comparsa e non c’era più afa.

La Nissan accartocciata sembrava un toro scannato. I vetri scricchiolavano e c’era odore di disgrazia. Dopo aver fumato, sono tornato quasi subito indietro, colpito da una sensazione di sonnolenza improvvisa.

Его звали, как святого.

Сорокалетний, тучный, смешливый, умеренно пьющий, без убеждений, надежд и страхов, только с иллюзиями, совместно с тестем владеющий автокомплексом за храмом. Здесь (ирония) он будет Пьер.

В тот вечер пятницы он выпил пива в «Венеции» и вышел на перекур. Не представляю их диалог, а Мира не рассказывала. Предложил – согласилась. Такси в Платоновске и теперь нет, а пешком далековато. Они действительно жили на соседних улицах – что такого-то? Зачем она – брезгливая – с ним поехала? Почему он решил покатать малолетку? У каждого своя корысть.

И пистолет был его – мне потом рассказали – подвыпив на шашлыках, Пьер палил из «беретты» по банкам. Думаю, очнувшись, он сперва швырнул оружие в кусты, и только потом к Мире – её-то куда перекошенную?

За те три месяца, что Миру держали в больнице, я стрелял из «беретты» лишь однажды. Интернет научил его разбирать – появилась уверенность. Перед Новым годом, в сухой солнечный денек, в лесу я выстрелил по кем-то слепленному снеговика. Во вместительном магазине осталось четырнадцать патронов.

На обратном пути, вялый от стресса, я встретил Конева.

– Как будто выстрелы, да?

– Где-то там, – указал я.

Поговорили о предстоящих экзаменах, а потом он спросил:

– Миру навестишь? Привезут к Рождеству.

Я пожал плечами.

– После больницы нужно внимание.

– Видели, Пьер ездит на новой тачке? – спросил я.

– Видел. Он, будто, бизнес продал и финансирует лечение. А она, говорят, ничего не чувствует ниже талии.

В ответ я лишь усмехнулся:

Di punto in bianco, nell'orticello, letteralmente a una dozzina di passi dalla macchina, su un formicaio vicino a un acero, ho visto una pistola. Non una giocattolo! Pesante e bagnata. Abbandonata da qualcuno.

L'hanno definito un santo.

Un quarantenne obeso, ridanciano, bevitore moderato, senza convinzioni, speranze e paure, capace solo di illusioni, proprietario insieme al suocero di un'officina dietro la chiesa. Qui (ironia) lo chiameremo Pierre.

Quel venerdì sera aveva bevuto birra al Venezia ed era uscito a fumarsi una sigaretta. Non mi immagino il loro dialogo, Mira non me l'ha raccontato. Lui le ha fatto una proposta e lei ha accettato. A Platonovsk non ci sono i taxi neanche adesso e a piedi è lunga. Vivevano davvero in strade vicine, quindi qual era il problema? Perché lei, così schizzinosa, è andata con lui? Perché lui ha deciso di dare un passaggio a una minorenne? Ognuno ha i propri scopi.

E la pistola era sua. Ho saputo in seguito che, dopo aver alzato un po' il gomito alla grigliata, Pierre aveva sparato con la Beretta alle lattine. Credo che, dopo essere tornato in sé, prima abbia buttato l'arma tra i cespugli e solo dopo si sia rivolto verso Mira: dove poteva buttarla, così tutta contorta?

Durante quei tre mesi che Mira ha passato in ospedale, ho sparato con la Beretta solo una volta. Grazie a Internet avevo imparato a smontarla e avevo acquisito fiducia. Prima di Capodanno, in una giornata asciutta e soleggiata, nel bosco avevo sparato a un pupazzo di neve fatto da chissà chi. Nel capiente caricatore erano rimasti quattordici colpi.

Sulla via del ritorno, fiacco per lo stress, ho incontrato Konev.

– Sembra che qualcuno stia sparando, vero?

– Da qualche parte laggiù, – ho indicato.

Abbiamo parlato degli esami imminenti e poi mi ha chiesto:

– Andrai a trovare Mira? Tornerà a casa per Natale.

Ho alzato le spalle.

– Dopo l'ospedale bisogna fare attenzione.

– Ha visto che Pierre ha un nuovo catorcio? – ho chiesto io.

– Sì. Pare che abbia venduto l'attività e stia pagando le cure. Gira voce che Mira non senta più niente dalla

– Отчим Миры квартиру купил, знаете?

Как-то я спросил у Миры, когда же суд.

– Может и не будет его, – ответила она, не оборачиваясь. Я катал ее вокруг дома.

Уже тогда я не верил в исцеление.

– Нужно разрабатывать, – жаловалась мама Миры. – А она кричит. Потяну-потяну и бросаю. Жалко.

Весной весь поселок узнал, что суда не будет, а к крыльцу дома Миры приварили пандус.

– Он откупился! – поучал я Миру. – У него даже права не отобрали!

– Без денег нет шансов, – твердила она.

Где-то за неделю до экзаменов я решил застрелить Пьера.

Рассчитал, что подкараулю у гаража, подойду вплотную и выстрелю, как в кино. Не забуюсь. Никто не узнает.

Помешал один случайный разговор с Коневым. После уроков, раз уже в третий, он объяснял мне спряжения глаголов. Аридность кабинета и занудство темы мгновенно доконали нас. Хотелось на волю – к радостным пляскам весны.

– Открой окно. Только не выпади, а то тюрьма мне.

– Откупитесь.

– Нечем! И деньги берут не от всех.

Далее мы, естественно, заговорили о Пьере. Я заметил, что Конева совсем не будоражит вся эта история. Отсутствие бунта – мне, подростку, – казалось неестественным.

– Хорошо бы, завалил его кто-нибудь! – вдруг сказал я с облегчением исповедующегося.

– Ничего хорошего. Допустим – ты! Арест, суд, вонючая тюрьма. Жизнь с определившимся контуром. Пьер в могиле. До вас обоих никому нет дела. Все это вместе называется: справедливость. Не похоже, правда?

– А если не поймают?

vita in giù.

Mi sono limitato a sorridere:

– Il patrigno di Mira ha comprato l'appartamento, sa?

Un giorno ho chiesto a Mira quando sarebbe stato il processo.

– Può essere che non ci sarà, – mi ha risposto, senza voltarsi. Le stavo facendo fare un giro attorno alla casa.

Già allora non credevo che si sarebbe ripresa.

– Bisogna darsi da fare, – si lagnava la mamma di Mira. – Ma lei urla. Deve impegnarsi di più. È un peccato.

In primavera tutto il villaggio sapeva che non ci sarebbe stato nessun processo e fu fissata una rampa al portico della casa di Mira.

– L'ha fatta franca! – ho spiegato a Mira. – Non gli hanno neanche ritirato la patente!

– Senza soldi non ci sono possibilità, – ha insistito lei.

Circa una settimana prima degli esami avevo deciso di sparare a Pierre.

Avevo pensato di appostarmi vicino al garage, avvicinarmi e sparargli, come nei film. Non avrei avuto paura. Non l'avrebbe saputo nessuno.

I miei piani sono stati rovinati da una conversazione casuale con Konev. Dopo le lezioni, già per la terza volta, mi stava spiegando le coniugazioni dei verbi. L'aridità della stanza e la pesantezza dell'argomento ci avevano subito stufati. Volevo essere libero, andare a godermi la primavera.

– Apri la finestra. Non cadere però, o finirò in prigione.

– Li corrompa con una bustarella.

– Non esiste! E poi non accettano soldi da tutti.

Dopo, naturalmente, abbiamo cominciato a parlare di Pierre. Ho notato che tutta questa storia non metteva affatto in agitazione Konev. L'assenza di ribellione, ai miei occhi di adolescente, sembrava innaturale.

– Sarebbe bene che qualcuno lo ammazzasse! – ho detto all'improvviso col sollievo di uno che si confessa.

– Pessima idea. Supponiamo che sia tu! L'arresto, il processo, una fetida prigione. Una vita dai contorni definiti.

Pierre nella tomba. A nessuno importa di voi due. Tutto questo si chiama giustizia. Non sembra proprio, vero?

- Поймают. И, кстати, убивать нельзя, помнишь?
 - Почему? Совесть замучает, как Раскольниковова?
 - Во-первых, может, – помедлив, ответил он. – Во-вторых... – так и не придумав, Конев лишь улыбнулся и махнул рукой, как платочком.
 - Вы же в Бога не верите?
 - Нет.
 - Тогда почему нельзя?
 - Опыт подсказывает, – нашелся он наконец. – Я с Мирой на дому занимаюсь. Ее родители меня раньше стеснялись, а теперь в соседней комнате жрут, пьют – устали притворяться. Всем плевать. И Мире самой тоже. Свыклась. Впереди только мелочные желания и наивные мечты о чуде. Жажды мщенья нет. Ты ее серьги с бриллами видел?
 - Какие серьги? – не понял я.
 - Пьер подарил перед закрытием дела. И взяла, представляешь! Сидит: тощая, ступни серые врозь, пахнет старухой, кресло поскрипывает, зато в ушах бриллы. Мочки до плеч оттянуты. Ты слишком высокого мнения о людях. Им не нужна справедливость, когда есть бриллы.
- Я видел эти серьги вечером того же дня. Мира их беспрестанно теребила.
- Это вместо позвоночника?
 - Мама сказала, что и радоваться чему-то нужно.
 - Ну, радуйся тогда, – предложил я.

Окончив школу через два года, я покинул поселок. Конев уехал в Москву. Мира выкладывает фотки, на которых скрыто кресло. Располнела, особенно ноги. У Пьера новый дом в Платоновске. Жена родила ему вторую дочь. Подозреваю, что он вообще никогда не умрет.

Пистолет был тайно всегда со мной. Иногда вместе бегали в универ, ночных гостей встречали, оборачивались на окрики из темных дворов. Я берег его, как тайную мощь,

- E se non mi prendono?
 - Ti prenderanno. E poi, non si può uccidere, ricordi?
 - Perché? Si viene torturati dalla coscienza come Raskol'nikov?
 - Innanzitutto, può essere, – ha risposto dopo aver indugiato un po'. – E poi... – senza finire la frase, Konev si è limitato a sorridere e con la mano ha fatto il gesto di lasciar perdere.
 - Lei non crede in Dio, vero?
 - No.
 - E allora perché non si può?
 - Lo insegna l'esperienza, – ha detto alla fine. – Do lezioni a Mira a casa. Le prime volte i suoi genitori avevano soggezione di me, adesso invece stanno nella stanza accanto a bere e sbafarsi, stufi di fingere. Non importa a nessuno. Nemmeno a Mira. Ci ha fatto l'abitudine. Sono rimasti solo desideri insignificanti e sogni ingenui di un miracolo. Nessuna brama di vendetta. Hai visto i suoi orecchini di brillanti?
 - Che orecchini? – non capivo.
 - Pierre glieli ha regalati per chiudere la faccenda. E lei li ha accettati, pensa un po'! È sempre seduta: smagrita, coi piedi grigi, puzza di vecchia, con la sedia a rotelle che scricchiola, ma ha i brillanti alle orecchie. I lobi le sono scesi fino alle spalle. Hai un'opinione troppo buona delle persone. Non hanno bisogno di giustizia, se hanno i brillanti.
- Ho visto quegli orecchini la sera stessa. Mira li toccava incessantemente.
- Sostituiscono la colonna vertebrale?
 - La mamma ha detto che bisogna pur rallegrarsi di qualcosa.
 - E allora rallegrati pure, – le ho suggerito.

Una volta diplomato, due anni dopo, ho lasciato il villaggio. Konev se n'era andato a Mosca. Mira aveva postato delle foto dove non si vedeva la sedia a rotelle. Era ingrassata, soprattutto sulle gambe. Pierre aveva una nuova casa a Platonovsk. Sua moglie aveva dato alla luce la loro seconda figlia. Temo che non morirò mai. La pistola era segretamente sempre con me. A volte andavamo insieme all'università, incontravamo gente di sera, ci giravamo alle grida provenienti dai cortili bui. La custodivo come una reliquia in attesa di tempi oscuri. Dopo gli studi, in un inverno mostruosamente miserabile, ho consegnato la mia Beretta agli sbirri e ho rice-

для самого страшного часа.

Уже после учебы, в чудовищно-нищую зиму я сдал мою «беретту» ментам и получил скромную компенсацию. Оказывается, существует такая льгота. Страшновато было, но получилось. Мент радостно тряс мою руку. Продаст по-тихому, думаю.

Расставшись с пистолетом, я будто освободился от бремени. Стал легче.

Отдать бы и остальное, что накопил, да никому не нужно.

vuto un modesto compenso. C'è questa agevolazione, a quanto pare. Ho avuto paura, ma è andata bene. Lo sbirro mi ha stretto la mano con gioia. La rivenderà sottobanco, penso.

Dopo essermi liberato della pistola, mi sono sentito come se mi fossi tolto un peso. Ero più leggero.

Vorrei potermi liberare anche del resto del mio fardello, ma quello non serve a nessuno.

Отзыв о рассказе

Алексей Колесников написал очень острый, стремительный и отчаянно безнадежный не то рассказ, не то синопсис романа, где на пяти с половиной страницах есть все – любовь, кровь, страсть, пошлость, подлость, благородство, преступление без наказания, наказание без преступления и удивительно ненавязчивая, но при этом абсолютно откровенная связь с русской классикой. С упомянутыми в тексте Горьким и Достоевским, с неназванными Чеховым и Довлатовым. Экзистенциальная драма в провинциальном городке, когда виновный в аварии с тяжелым исходом богатый человек легко откупается и от милиции, и от жертвы. Собственно нежелание менять что-либо в своей жизни, какая-то врожденная анемия, преждевременная дряхлость, свойственная жителям города Платоновска с ранней юности, и, наконец, горький взгляд на происходящее главного героя, от лица которого ведется повествование, и составляют суть этой «обыкновенной истории». Она могла произойти в лихие девяностые, могла случиться в нулевые, может произойти и сейчас (автор датирует ее 2009 г.), и в туго закрученный Колесниковым, написанный со сдержанным, сквозь стиснутые зубы криком сюжет невозможно не поверить, точно так же, как и непонятно, что с этим делать и как жить. Автор не предлагает рецептов. Ведь, по слову Герцена, «мы не врачи, мы – боль». Но боль – это спутник жизни. Мертвое не болит. На это одна надежда.

Алексей Варламов

Nota critica

Aleksej Kolesnikov ha scritto un testo molto pungente, incalzante e straordinariamente disperato che non è né un racconto, né la sinossi di un romanzo, ma che in cinque pagine e mezzo raccoglie tutto: amore, sangue, passione, volgarità, vigliaccheria, nobiltà, delitto senza castigo, castigo senza delitto; un collegamento per nulla invadente, ma allo stesso tempo chiarissimo ai classici russi. Nel testo vengono citati apertamente Gor'kij e Dostoevskij, mentre i rimandi a Cechov e Dovlatov sono più velati. Si tratta di un dramma esistenziale in una cittadina di provincia, dove il responsabile di un grave incidente, un uomo ricco, riesce facilmente a farla franca dando bustarelle sia alla polizia che alla vittima. La riluttanza a cambiare qualcosa nella propria vita, una sorta di anemia congenita, la decrepitezza precoce che caratterizza gli abitanti di Platonovsk fin dalla prima giovinezza e, infine, l'amaro modo di vedere le cose del protagonista, narratore degli eventi, rappresentano l'essenza di questa "storia ordinaria". La vicenda potrebbe essere accaduta nei selvaggi anni '90, negli anni 2000 o potrebbe succedere anche oggi (l'autore la data al 2009) ed è impossibile non credere alla trama avvincente di Kolesnikov, scritta con un grido trattenuto a denti stretti, così come non è semplice capire cosa fare al riguardo e come conviverci. L'autore non fornisce nessun rimedio. Dopotutto, secondo le parole di Herzen, "non siamo medici, siamo dolore". Ma il dolore è un compagno di vita. I morti non provano dolore. Questa è l'unica speranza.

Aleksej Varlamov

Биография

Алексей Колесников родился в 1993 г. в поселке Ракитное Белгородской области. Живет в Белгороде. Имеет высшее юридическое образование, работает юристом. Рассказы и статьи опубликованы в журналах «Дружба народов», «Нева», «Вопросы литературы», «Волга», «Урал», «Дон», «Этажи», «Новая литература» и др. Автор сборника рассказов «Ирокез», выпущенного издательством «Чтиво». Лауреат премии «Лицей» (2022).

Biografia

Aleksej Kolesnikov è nato nel 1993 a Rakitnoe nell'*oblast'* di Belgorod e vive a Belgorod. È laureato in giurisprudenza e lavora come avvocato. I suoi racconti e articoli sono stati pubblicati su “Družba narodov”, “Neva”, “Voprosy literatury”, “Volga”, “Ural”, “Don”, “Etaži”, “Novaja literatura” e altre riviste. È autore della raccolta di racconti *Irokez* pubblicata dalla casa editrice Čtivo e vincitore del Premio Licej (2022).

Ульяна Фролова

Перевод на итальянский язык Элизабетты Базиле

Ul'jana Frolova

Traduzione in italiano di Elisabetta Basile

КОВЕНСКИЙ

В середине октября Сониная мама легла спать и спала до сих пор, хотя уже опали листья и прошел первый невесомый снег. Незадолго до этого она стала часто веселиться, но Соня не была за нее рада: ведь настроение мамы вскоре менялось, она ругалась и била Соню по рукам и спине длинным кожаным ремнем, оставшимся от дедушки.

Теперь мама спала в другой квартире, а Соня жила с одной только бабушкой. По утрам бабушка уходила, а внучку запирала дома, чтобы не сбежала и «не понарасказывала там всякого». Что такого она могла рассказать, Соня не знала, но больше всего на свете боялась «тетку из опеки», которая придет и заберет ее в детский дом, а бабушку лишит всех денег и сведет в могилу.

Но сидеть в душной и грязной комнате Соне не хотелось. Переступая через горы одежды, она пробиралась в прихожую, где, подтащив к двери стул, взбиралась на него и смотрела на лестничную площадку в глазок. Если бабушкиной тележки там не было, значит, она ушла надолго. Соня давно научилась отпирать заржавелый хлипкий замок, ковыряя его заколкой.

Стоял декабрь. Соня недавно выучила названия месяцев и очень этим гордилась, поэтому она знала точно – декабрь. Девочки со двора ей объяснили, что в декабре бывает Новый год и всем детям дарят подарки. Соне никогда ничего не дарили, поэтому вначале она девочкам не поверила, но, когда ее подняли на смех, согласилась. Может быть, в этом году бабушка купит ей куклу, которую она увидела в витрине детского магазина несколько дней назад?

Соня выскользнула из подъезда и стремглав побежала прочь со двора. Резко остановилась уже в переулке, где ее ждал единственный настоящий друг – старенький остроглавый храм. Соне нравилось сидеть под его сводами и слушать, как храм разговаривает: гулким

KOVENSKIJ

Era metà ottobre, la mamma di Sonja si era coricata e aveva continuato a dormire finché non avevano cominciato a cadere le foglie ed era arrivata la prima neve leggera. Non molto prima aveva preso l'abitudine di fare festa spesso, ma Sonja non ne era felice: dopotutto, l'umore di sua madre cambiava rapidamente. Iniziava a imprecare, a colpire le mani di Sonja e a ferirle la schiena con la lunga cintura di cuoio che aveva ereditato dal nonno.

Adesso sua madre dormiva in un altro appartamento, mentre Sonja ne condivideva uno soltanto con la nonna. Di mattina la nonna usciva e chiudeva in casa la nipote in modo che non scappasse e non "spifferasse nulla agli altri". Cosa ci fosse da raccontare Sonja non lo sapeva, ma più di qualsiasi altra cosa temeva che dei tutori arrivassero per portarla all'orfanotrofio: in quel modo la nonna sarebbe rimasta senza denaro e di lì a poco sarebbe morta di stenti.

Ma Sonja non aveva nessuna voglia di starsene in una stanza sporca e soffocante. Scavalcando una montagna di vestiti, si faceva strada nel corridoio dove, trascinando la sedia accanto alla porta, vi si arrampicava per osservare il pianerottolo dallo spioncino. Se lì fuori non vedeva il carretto della nonna, significava che era uscita per un po'. Sonja aveva imparato da tempo ad aprire la fragile serratura arrugginita, facendola scattare con l'aiuto di una forcina.

Era arrivato dicembre. Sonja aveva imparato da poco i nomi dei mesi, e ne era molto orgogliosa: sapeva quindi con precisione che era dicembre. Le ragazze del cortile le avevano spiegato che ci sarebbe stato il Capodanno, e tutti i bambini avrebbero ricevuto dei regali. A Sonja non avevano mai regalato niente, e infatti all'inizio non aveva creduto alle altre ragazze, ma quando avevano cominciato a deriderla gliel'aveva data vinta. E se quest'anno la nonna le avesse regalato la bambola che aveva visto pochi giorni prima nella vetrina del negozio di giocattoli?

Sonja sgattaiolò dalla tromba delle scale e corse velocemente fuori dal cortile. Si fermò bruscamente solo quando si trovava già nel vicolo, dove la aspettava il suo unico vero amico, un'antica chiesa a

эхом отвечает на каждый шаг или – пусть даже коротенькое – слово.

Здесь Соня могла ничего не бояться. Брала книжечку с молитвами и пыталась разобрать буквы, но в слова они складывались нехотя, и Соня вздыхала. Она мечтала научиться писать, чтобы послать письмо дедушке на небо. Хоть немножечко бы выучиться! Хватило бы и одной строчки: «Дедушка, приходи завтра в наш храм, а назад я хочу, чтобы мы вместе полетели».

Сегодня в храме было непривычно много людей, и все они казались Соне удивительно похожими. Женщины в длинных белых платьях с синими полосками по краю. У них добрые глаза, от которых лучиками расходятся мелкие морщинки, и теплые улыбки. Раньше они сюда не приходили.

Когда закончилась вечерняя служба и странные женщины–птицы устремились прочь, Соня пошла за ними. Ей очень хотелось узнать, кто они и где живут. На улице девочка огляделась, обернулась вокруг себя три раза, но стайки белых женщин не смогла различить в наступивших сумерках. Но вот впереди замаячила белая фигура. Она проплыла вдалеке и свернула направо, во двор. Соня прожила в Ковенском всю жизнь, а туда никогда не заглядывала.

Двор окутан мгlistым утром, сероват и угрюм. Тут и там лежат жухлые листья, припорошенные ватными хлопьями снега. Женщины в белом платье и след простыл. Соня глубоко вздохнула. Уже было собралась пойти, как обычно, к Площади Восстания и послушать уличных музыкантов, но рядом зашуршали листья и тихий голос, тоже похожий на шелест или журчание ручейка, раздался за ее спиной:

– У тебя тоже умер кто–то?

Девочка, наверное, Сонины ровесница, внимательно ее разглядывала синими, как море, которое Соня видела в книжке, глазами. Укутанная несколькими шарфами, она напоминала матрешку. Замешкавшись, Соня не сразу нашлась, что ответить:

cupole. Sonja adorava accoccolarsi sotto i suoi archi e ascoltarne le chiacchiere: rispondeva a ogni passo e alla più breve parola con eco tonante.

In quel momento Sonja non aveva più paura di niente. Prendeva un libretto di preghiere e si sforzava di riordinare le lettere, ma le parole si formavano con riluttanza, e sospirava. Sognava di imparare a scrivere, perché voleva spedire una lettera al nonno, che era in cielo. Se almeno fosse riuscita a impraticarsi! Bastava una sola riga: “Nonno, vieni domani alla nostra chiesa, e poi al ritorno voglio che voliamo via insieme”.

Quel giorno in chiesa c’era un’insolita folla, e a Sonja sembrava che tutti si assomigliassero. C’erano tante donne con lunghi abiti bianchi bordati di strisce blu. Dai loro occhi traspariva bontà, scaturivano delle dolci rughe e dei caldi sorrisi. Non erano mai venute prima.

Quando la messa serale finì e le strane donne-uccello si stavano defilando, Sonja si avvicinò. Voleva sapere chi erano e da dove venivano. Uscita allo scoperto, la ragazzina si guardò intorno, controllando intorno a sé tre volte, ma il crepuscolo imminente non le permise di scorgere il gruppo di donne vestite di bianco. Ma ecco che davanti a sé vide una figura candida. Era apparsa in lontananza e aveva svoltato a destra, verso il cortile. Sonja aveva sempre vissuto a Kovenskij, ma non l’aveva mai vista prima.

Il cortile era immerso in un mattino nebbioso, grigiastro e cupo. Qua e là giacevano delle foglie carnose, coperte da fiocchi di neve simile a cotone. Ma le tracce delle donne vestite di bianco erano sparite. Sonja fece un respiro profondo. Aveva deciso di andare, come faceva spesso, alla Piazza dell’Insurrezione per ascoltare i musicisti di strada, quand’ecco che poco lontano sentì le foglie fruscicare e una voce leggera, simile ad uno scrosciare di ruscello:

«Anche tu hai perso qualcuno?»

La ragazzina era una sua coetanea, e Sonja aveva notato che aveva gli occhi blu come il mare, come aveva visto in un libro. Avvolta dalle sciarpe, le ricordava una *matrěška*. Presa alla sprovvista, Sonja non trovò subito una risposta:

– Нет, никто не умирал, – Соня покраснела и отвела взгляд. Она редко разговаривала с чужими, а этой девочки никогда раньше в переулке не видела.

– Ты так же плечами пожала, как моя мама, когда Катечка умерла, потому что я ее карточку потеряла.

– Это я у бабушки подсмотрела. Она так делает, когда говорит о маме. А какие карточки ты потеряла? Может, у меня есть? У меня разные, я из журналов вырезаю: и с Золушкой, и со Спящей Красавицей. Тебе какие?

– Ты что? – удивленные глаза неестественно выделялись на худеньком личике. – Совсем не знаешь про карточки? А где же ты берешь хлеб?

– Дома беру, у нас там разный, – какая странная попалась девочка! – Когда у бабушки есть деньги, даже булка бывает. А обычно черный, простой.

– А-а-а, поняла! Твоя бабушка на хлебной фабрике работает! – она улыбнулась, но уголки губ отказались подчиниться хозяйке и вместо того, чтобы потянуться вверх, только чуть дернулись.

– Нет, она вообще не работает. Раньше, пока мама не заснула, они вместе куда-то ходили за деньгами, но они их все на взрослую воду меняли. Я попробовала как-то, так у меня потом внутри долго огонь горел!

Девочка недоверчиво поглядела на Соню и, подойдя поближе, дотронулась пальцем до ее синего пуховика. Тут же одернула руку и задумчиво сказала:

– Какая одежда у тебя красивая... Ни у кого такой нет... Знаешь, раньше, когда еще не так хотелось кушать, я мечтала, что блокада закончится, и я куплю себе красивое платье, как у принцессы. А теперь думаю – платье! Его можно было бы продать за баланду.

– Что закончится?

«No, non è morto nessuno» disse arrossendo, e distolse lo sguardo. Non le capitava spesso di parlare con gli altri, e oltretutto nel vicolo non aveva mai visto prima quella ragazzina.

«Hai alzato le spalle proprio come la mia mamma dopo che era morta Katečka e io avevo perso la sua tessera».

«L'ho imparato dalla nonna. Fa sempre così, quando parla della mamma. Che tessere hai perso? Forse io ne ho. Ne ho tante, le ritaglio dai giornali: dalla Zoluška, dalla *Spjašaja Krasavica*... Quali ti servono?»

«Come?», gli occhi stupiti che si spalancarono innaturalmente sul volto sottile. «Non sai niente delle tessere? E come vi procurate il pane?»

«Ne abbiamo molto a casa» – come era strana quella ragazzina! «Quando la nonna ha i soldi prende del pane. Spesso nero».

«Aaah, ora ho capito! Tua nonna lavora alla fabbrica del pane!» La ragazzina sorrise, ma gli angoli della sua bocca sembravano obbedire alla padrona e, anziché sollevarsi, sussultarono leggermente.

«No, non lavora. Prima, quando la mia mamma non si era ancora addormentata, qualche volta andavano insieme a procurarsi dei soldi, ma poi li utilizzavano per l'acqua degli adulti. Qualche volta mi è capitato di provarla, ed era come se nel mio corpo esplodesse un fuoco!»

La ragazzina guardò Sonja con circospezione e, fattasi più vicina, le posò un dito sulla sua giacchetta blu. Immediatamente ritrasse la mano e disse pensierosa:

«Come sono belli i tuoi vestiti... Nessuno li ha così. Sai una cosa? Prima, quando non avevo sempre così fame, sognavo di comprarmi un vestito bellissimo, come quello delle principesse, dopo la fine dell'assedio. E ora penso *pfff*, un vestito! Potrei venderlo in cambio di cibo!»

«La fine di cosa?»

- Странная ты... Когда наши прорвут блокаду и прогонят злых немцев, – девочка оборвала себя и тут же спросила: – А зовут тебя как? А в школу ты ходишь?
- Соня. Не хожу еще... Мне уже восемь будет в апреле, а бабушка говорит, что не может меня в школу записать, потому что тогда меня у нее отнимут и в приют к детям всякой швали отдадут.
- А я Лена. Я здесь рядом учусь. У нас теперь в подвале школа. Я бы пошла в приют, но маму жалко. Мы с ней теперь вдвоем. Говорят, с детским домом можно эвакуироваться, представляешь? Вот было бы хорошо! Туда, где небо чистое и хлеб всегда есть.
- А у нас чистое. А вчера совсем синее было, ясное, – Соня показала пальчиком на небо. Вчера оно отливало лазурью. Как глаза необычной девочки.
- Ты и бомб не боишься, да?
- А что это? Я бабушку боюсь. Она меня колотит за все подряд. За порванную юбку, за тарелку, которая разбилась, а это даже не я была, она сама упала. Недавно она пришла веселая, а потом почему-то стала плакать, кричала на меня. Я ей говорю: «Бабочка, миленькая, я тебя люблю!». А она кричит и кричит. Потом молоток взяла, стала за мной бегать. Я в ванной закрылась, сидела на полу и плакала. Потом глаза красные-красные были. Всю ночь там просидела, а утром бабушка и забыла.
- Ты бедная, – Лена взяла Соню за руку, – скажи бабушке, что так нельзя, мы должны друг друга беречь, чтобы выжить.
- А я мечтаю, чтобы дедушка забрал меня на небо. Он был хороший и никогда меня не бил. У тебя есть дедушка?
- Умер осенью еще. Тогда мы непривычные еще были, а он старенький.

«Sei proprio strana, tu... Quando i nostri avranno sfondato l'assedio e avranno cacciato i tedeschi cattivi...» La ragazzina si interruppe di colpo e chiese: «A proposito, come ti chiami? A che scuola vai?»

«Mi chiamo Sonja. A scuola non ci vado ancora... compio otto anni ad aprile, ma la nonna dice che non può iscrivermi a scuola, perché mi toglierebbero da lei e mi metterebbero in un orfanotrofio con bambini di ogni provenienza».

«Io sono Lena, vado a scuola qui vicino. Noi per ora viviamo nel seminterrato della scuola. Io andrei all'orfanotrofio, ma darei dispiacere alla mamma. Stiamo sempre insieme. Dicono che gli orfanotrofi potrebbero essere evacuati, ti immagini? Sarebbe proprio bello andare in un posto dove il cielo è limpido e c'è pane a volontà».

«Da noi il cielo è limpido. Ieri è stato azzurro tutto il tempo, e luminoso» Sonja indicò il cielo con il dito, «ieri brillava di azzurro. Come gli occhi di una ragazza non comune».

«Mi sa che non hai paura delle bombe, vero?»

«Ma no, quali bombe? Quello di cui ho paura è la nonna, mi picchia per qualsiasi cosa. Se ho strappato la gonna, se ho fatto cadere e rotto un piatto, anche se è stata lei. Qualche giorno fa è tornata a casa di buonumore, e poi a un certo punto ha iniziato a piangere e gridarmi contro. Io le dicevo: "Nonnina, ti voglio tanto bene!", ma lei continuava a urlare, ha preso un martello e ha cominciato a picchiarmi. Mi sono nascosta in bagno, mi sono seduta sul pavimento e ho pianto tanto. Avevo gli occhi tutti rossi. Sono stata lì tutta notte, e la mattina la nonna non si ricordava niente».

«Poverina», e Lena prese la mano di Sonja. «Di' alla tua nonna che non deve fare così, che per sopravvivere dobbiamo prenderci cura l'uno dell'altro».

«Vorrei tanto che il nonno mi portasse nel cielo con sé. Lui era buono, non mi picchiava mai. Tu hai un nonno?»

«È morto in autunno. All'epoca non eravamo preparati all'idea, ma era anziano».

Снег прилетел внезапно. Еще сильнее посерело небо, и его тяжелая, тревожная тьма бросила тень на Ленино лицо. Соне показалось, что теперь на Лене маска страшной куклы с глубокими впадинами вместо глаз. Она отпрянула и, не удержавшись, рухнула в снег. Сердце бешено колотилось, Соня пятилась, стараясь не смотреть на эту ужасную девочку, которая вдруг напомнила о маме. Она всегда снилась Соне черной тенью или сломанной куклой.

– Не трогай меня! – закричала она, но Лена неподвижно стояла посередине двора и даже не пыталась протянуть Соне свою тоненькую руку.

– Прости, Соня... Я не хотела тебя обидеть! Просто я... Подумала... Мне захотелось, чтобы ты принесла мне немного хлеба. Но... Но я пойду.

Лена снова стала обычной девочкой. Только одежда у нее была слишком темной и поношенной, а глаза – печальными. Сквозь снег и холод она шла прочь, и время расступалось перед нею, и Петербург склонял голову, а небо, тусклое северное небо, пронизанное артериями косых проводов, становилось ниже. Соня уже чувствовала его вес на своих плечах. Она хотела убежать и не могла пошевелиться. Она хотела кричать, но только прошептала:

– Лена! Лена, ты меня прости!

И Лена обернулась и пристально посмотрела Соне прямо в глаза. Сердце Петербурга сжалось, и вода в венах–каналах замерла.

– Я принесу тебе хлеба! Завтра сюда приходи, Лена!

– Спасибо!.. Я приду! Соня! Береги себя, Соня! Ты помни, что этот год закончится и начнется сорок второй, и мы снова будем счастливы!

На следующий день растаял, словно и не было его никогда, выпавший вчера снег. Соня пришла в уже знакомый двор рядом с храмом за полчаса до полудня. Под пуховиком она

La neve arrivò improvvisamente. Il cielo si ingrì, e la sua pesante e angosciante oscurità proiettò un'ombra sul volto di Lena. A Sonja pareva che adesso fosse simile a quello di un'inquietante bambola con delle profonde cavità al posto degli occhi. Indietreggiò e, incapace di trattenersi, si gettò nella neve. Il suo cuore batteva all'impazzata, e Sonja si sforzava di non guardare il volto di quella ragazzina spaventosa che, tutto d'un colpo, le ricordava la sua mamma. Nei sogni le venivano sempre in mente un'ombra scura o una bambola rotta.

«Non toccarmi!», gridò lei, ma Lena stava immobile in piedi in mezzo al cortile, senza porgere a Sonja la sua mano sottile.

«Scusa, Sonja, non volevo ferirti. Volevo solo... pensavo... mi piacerebbe chiederti se mi portassi un pochino di pane. Ma non fa niente... me ne vado».

Adesso Lena era tornata la ragazzina di sempre. Soltanto i suoi vestiti erano scuri e trasandati, e i suoi occhi erano tristi. Se ne stava andando via in mezzo alla neve e al gelo, e il tempo stava scadendo dietro di lei; Pietroburgo chinò la testa mentre il cielo, quel cielo settentrionale offuscato, con le arterie trafitte da fili obliqui, si reclinò. Sonja ne sentiva tutto il peso sulle spalle. Voleva scappare, ma non riusciva a muoversi. Voleva gridare, ma riuscì soltanto a balbettare:

«No, Lena, sei tu che devi scusarmi!»

Lena si voltò e guardò intensamente Sonja negli occhi. Il cuore di Pietroburgo sprofondò ancora, e l'acqua nei suoi canali venosi ghiacciò.

«Ti porterò del pane! Vieni qui domani, Lena!»

«Grazie! Ci sarò! Resisti, Sonja! Ricordati che presto finirà quest'anno, inizierà il Quarantuno e saremo di nuovo felici!»

Il giorno dopo si era sciolto tutto, e non c'era da nessuna parte traccia della neve che era caduta il giorno prima. Sonja andò nel cortile accanto alla chiesa mezz'ora prima di mezzogiorno. Sotto il piu-

прятала буханку свежего хлеба. Вечером бабушка побьет ее за украденный хлеб и назовет лгуньей и мерзавкой, но Соне все равно.

Проходит час, и второй, и третий, а Лены все нет. Соня переминается с ноги на ногу, пытаясь согреться. Неужели она забыла и уже не придет?

А у самой стены дома, справа от шлагбаума, лежит одиноко серый потертый шарфик, который обронила, уходя, Лена. Соня замечает его и забирает с собой, чтобы отдать Лене при встрече – ведь с этого дня она будет приходить в этот двор каждый день, пока не вырастет или не окажется в детском доме.

В квартире на третьем этаже, несмотря на мороз, настежь открыто окно. Шестилетний курносый Ваня, который обязательно должен поступить в школу при консерватории, играет на скрипке. А за его спиной грозно отбивает такт метрономом, и стук его отражается от стен и летит вдаль. Лена больше не придет.

mino nascondeva una pagnotta di pane fresco. Quella sera la nonna l'avrebbe sicuramente picchiata per averla rubata, l'avrebbe insultata chiamandola bugiarda e mascalzona, ma a Sonja non importava.

Passò l'una, arrivarono le due e poi le tre, ma Lena non si vedeva. Sonja alternava prima una gamba e poi l'altra, cercando di scaldarsi. Magari Lena si era dimenticata e non sarebbe mai venuta?

Vicino al muro della casa, accanto al cancello, c'era una piccola sciarpa grigia sfilacciata, la stessa che era caduta a Lena mentre se ne stava andando via. Sonja la vide e la prese: così avrebbe potuto restituirla quando si fossero viste. Da quel momento in poi sarebbe venuta nel cortile tutti i giorni, finché non fosse cresciuta o portata all'orfanotrofio.

Nell'appartamento del secondo piano, nonostante il freddo, c'era la finestra spalancata. Vanja, che voleva entrare in conservatorio, sei anni e il naso camuso, stava suonando il violino. Dietro di lui il metronomo rintoccava minacciosamente, i suoi battiti rimbombavano tra le pareti e si disperdevano in lontananza. Lena non sarebbe più venuta.

Отзыв о рассказе

Автору удалось создать емкий художественный текст (с глубоким подтекстом), в котором раскрываются реалии жизни нашей страны в первый год Великой Отечественной войны, увиденные глазами двух маленьких обитателей Петербурга (в то время Ленинграда).

Два разных мира – ясное, солнечное и хмурое серое небо; картинки из журналов, сытость – хлеб, даже булочки, «взрослая вода» и блокада, голод, карточки; новый красивый пуховик и поношенные вещи, старые платки, шарфы; отсутствие общения с внешним миром (взрослым и детским, школьным и военным) и полное погружение во взрослые проблемы, школьные дела и даже военные действия.

После внезапного соприкосновения этих двух миров в острый критический момент истории страны, города, людей, семей, стариков, детей, когда «сердце Петербурга сжалось, и вода в венах–каналах замерла», резко меняется судьба девочек. Лена, так и не успев отведать свежего хлеба, умирает от голода. А Соня вбирает в себя все, что открыла и поняла в минутную встречу с Леной в блокадном Ленинграде в 41-ом году под Новый год. Но жизнь продолжается...

И уже «шестилетний... Ваня, который... должен поступить в школу при консерватории, играет на скрипке». И стук метронома за его спиной летит вдаль.

Борис Тарасов

Nota critica

L'autrice è riuscita con successo a produrre un testo letterario, conciso ma ricco di implicazioni, nel quale è racchiusa la realtà della vita nel nostro Paese durante il primo anno della Grande Guerra Patriottica, vista attraverso gli occhi di due giovanissimi abitanti di Pietroburgo, al tempo Leningrado. Nel testo coesistono due mondi opposti: il cielo luminoso e soleggiato e quello triste e grigio; i ritagli di giornale, la sazietà e il pane – una pagnotta, addirittura –, l'acqua “per adulti” e l'assedio, la fame, le tessere annonarie; un bel piumino nuovo e dei vestiti consumati, vecchie giacche e sciarpe; la mancanza di comunicazione con il mondo esterno (adulto e bambinesco, scolastico e bellico) e la totale immersione nei problemi degli adulti, negli affari di scuola e persino nelle azioni di guerra.

Dopo il primo contatto tra questi due mondi nel momento critico per la storia del Paese, della città, della gente, della famiglia, degli anziani e dei bambini, quando «il cuore di Pietroburgo sprofondò ancora, e l'acqua nei suoi canali venosi ghiacciò», il destino delle ragazzine cambia radicalmente. Lena, senza aver avuto il tempo di assaggiare del pane fresco, muore di fame, mentre Sonja viene investita da tutto ciò che ha scoperto e capito grazie all'incontro con Lena riguardo l'assedio di Leningrado, iniziato nel periodo di Capodanno 1941. Ma la vita continua...

E ancora, «Vania, sei anni [...], che vuole entrare in conservatorio, suona il violino». E il rintocco del metronomo dietro di lui si disperde in lontananza.

Boris Tarasov

Биография

Ульяна Фролова родилась в Калуге. Многократный лауреат литературного конкурса имени И. С. Шмелева «Лето Господне», успешно участвовала во Всероссийской олимпиаде школьников, олимпиадах МГУ и ВШЭ, в научно-практических конференциях. Снималась на телеканале «Культура» в программах «Мы – грамотеи!» и «Наблюдатель». С 2021 г. обучается в Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге по программе «филология».

Публиковалась в журналах «Православное книжное обозрение», «День и ночь», «Дружба народов», «Юность», а также в сборниках «Луч солнца золотого» и «Серебряный луч».

Biografia

Ul'jana Frolova è nata a Kaluga. Più volte vincitrice del concorso letterario *Leto Gospodne*, intitolato a Ivan Sergeevič Šmelëv, ha partecipato con successo alle Olimpiadi nazionali russe degli studenti, alle Olimpiadi dell'MGU e della VŠE, a convegni scientifici e pratici. Ha preso parte ai programmi *My – gramotei!* e *Nabljudatel'* del canale televisivo *Kul'tura*. Dal 2021 studia alla facoltà di filologia della Scuola Superiore di Economia a San Pietroburgo. Ha già pubblicato sui giornali «Pravoslavnoe knižnoe obozrenie», «Den' i noč', «Družba narodov», «Junost'» e nei volumi *Il raggio di sole dorato* e *Il raggio d'argento*.

Александра Шалашова

Перевод на итальянский язык Сары Черузо

Aleksandra Šalašova

Traduzione in italiano di Sara Ceruso

ПРИДЕМ К ТЕБЕ В ОКТЯБРЕ

Он вытирает салфетками шею под воротничком, а потом салфетки кончаются, и он перестает. Ни деревца, ни ветерка, а весной сажали березы, но засохли на корню, ничем не стали, маячат сгоревшими листьями, бесшумными мертвыми верхушками. А от ветра бы колыхались сухо, часто, но ветра нет, ничего не чувствует лицо, тело болит под неприятно липнувшей некачественной синтетической тканью черной рубашки.

— Пап, держись, — говорит Алина, протягивает воду, он не берет, потому что пить не хочется, хотя язык сухой и неповоротливый, губы обметало. Он поднимает руку, трогает корочки, отдирает, снова прикасается.

Пап.

Тогда он быстро стирает кровь, опускает руку и больше не трогает, ждет, чтобы высохло на солнце.

— Ты бы хоть не в спортивном раз в жизни пришел, — это Инга неслышно подходит, встает между ним и дочерью.

Он не привык, поэтому кто-то говорит Инге: заткнись, и она замолкает, обижается. Он тоже не ожидал, что так резко выйдет, но и радость чувствует: тридцать лет хотел, чтобы Инге так сказали.

Молодые рабочие опускают гроб в яму на веревках.

Сын молчит, и дочь молчит, и внуки не шепчутся.

Когда рабочие отходят к краю ямы, дочь снова говорит: папа, держись, и он держится. Хочется снова расковырять губу — до боли, до крови, но теперь на него смотрят.

После всего нужно ехать в торжественный зал — нет, не в торжественный, в ритуальный зал, так это называется. Это сын арендовал кафе «Астра», заказал еду. Закуски и горячее. Пирожки с ливером, с рисом и яйцом, с черничным вареньем. Хоть бы не попался с черничным вареньем. Оно до сих пор стоит в шкафу, пять литров от прошлого года, ягоды сам собирал, Галя варила.

Теперь соберет, а никто не сварит, и ягоды на третий день белым налетом покроются.

A OTTOBRE VERREMO DA TE

Si asciugava la nuca al di sotto del colletto con i fazzoletti, ma quando finirono lui si fermò. Non un alberello, non una brezza; in primavera avevano piantato delle betulle, ma le radici avvizzirono. Non divennero nulla, delineate da foglie riarse e sommità silenziose prive di vita. Ormai inaridite, il vento le avrebbe potute far ondeggiare spesso, ma non c'era vento: non v'era nulla che il viso percepissero, e il corpo doleva al di sotto del tessuto scadente, sgradevolmente viscoso e sintetico di una camicia nera.

— Papà, resisti — disse Alina porgendogli dell'acqua. Lui la rifiutò, perché malgrado biascicasse, avesse la bocca asciutta e le labbra ferite, non aveva sete. Sollevava la mano, toccava le crosticine, le staccava, le toccava di nuovo.

Papà.

Dopodiché si asciugava velocemente il sangue, abbassava la mano e non le toccava più, attendendo che si asciugasse al sole.

— Perlomeno, per una volta nella vita, non ti sei presentato in tuta — disse Inga, avvicinandosi silenziosamente e frapponendosi tra lui e sua figlia.

Non ci era abituato, motivo per cui qualcuno disse a Inga di tacere; lei, risentita, si ammutolì. Nemmeno lui si aspettava che uscisse fuori così bruscamente, ma ne era anche rallegrato: erano trent'anni che desiderava si rivolgessero a Inga in questo modo.

Con delle corde, i giovani operai calavano la bara nella fossa.

Il figlio taceva, la figlia taceva e i nipoti non bisbigliavano tra di loro.

Mentre gli operai si ritraevano dal margine della fossa, sua figlia gli ripeteva di resistere, e lui resisteva.

Voleva scorticarsi nuovamente il labbro fino a provare dolore e farlo sanguinare, ma lo stavano guardando.

Dopo tutto questo ci si doveva recare nella sala cerimoniale — no, non cerimoniale, nella sala funebre, è così che la chiamavano. Era stato il figlio ad affittare il caffè «Astra» e a ordinare il cibo. Antipasti e primi piatti. Pirožki di fegato, riso, uova e marmellata di mirtilli. Sperava non lo sorprendessero con la marmellata di mirtilli. Fino a quel momento, nella credenza erano rimasti cinque litri dell'anno precedente; lui stesso ne raccoglieva le bacche, Galja le cucinava.

Ora venivano raccolte, ma nessuno le cucinava; così, il terzo giorno le bacche venivano ricoperte da una

Может быть, надо все равно пойти.

Может быть, ягоды будет полезно поесть с молоком, растолченными. Брал обычную деревянную толкушку для картофеля и толк чернику, пока молоко не становилось синим, черноватым. Верил, что так полезнее, что как-то подействует на зрение и предметы перестанут расплываться. Таблицу Сивцева двадцать лет учил, чтобы профосмотры проходить, так и не знает, сколько строчек видит на самом деле. Может быть, не видит вообще.

Он позволяет взять себя под локоть, и тут оказывается, что голова уже давно кружится от солнца, стоял с непокрытой головой, понятное дело, что нужно с непокрытой, но заломило в висках, желтые мертвые березовые листочки зарябили в глазах.

— Подойду сейчас, — и хочет отцепиться, остаться, но Алина не отпускает.

Голуби, голуби, синички, приходите склевывать пшеничные крупинки, рисовые зернышки, все мелкое, рассыпанное по взвихренной неприотпанной мягкой земле.

— Садись назад, пап, — Алина придерживает дверь, ждет, когда он заберется, сядет. В машине и вовсе нечем дышать, хотя двери распахнуты были. Просто из-за черного. Сереже, наверное, руки руль обжигает.

Сейчас пройдет, только нужно ехать, сейчас в открытые окна дуть будет, поехали, Серёж. И они едут, следом еще машина, там Инга и еще кто-то. Он вытирает лоб тыльной стороной ладони. Там мокрое и отчего-то красное остается.

— Но хорошо сделали, — говорит Алина, — все хорошо.

И сама понимает, что нужно прекратить, но не может. Под разговор, а затем в молчании едут к кафе «Астра», но в зал не идут, ждут остальных. Потом Алина кладет ему в пластиковую тарелку тушеную печенку, сыр, какие-то овощи.

— Ты должен поесть.

На середине стола стоит большое блюдо с рисом и изюмом, никто не притрагивается.

— Ты же говорила, что не нужна кутья.

Алина пожимает плечами:

— Но у них это входит в стоимость. Вот и приготовили.

— Как не нужно, — громко говорит Инга, — вам ничего не нужно, что ни спросишь. И кутья

patina bianca.

Forse sarebbero dovuti andare lo stesso.

Forse sarebbe stato bello mangiare le bacche pestate con il latte. Prese un comune pestello di legno per patate e pestò i mirtilli finché il latte non divenne di un colore bluastro, nerastro. Credeva che così facendo andasse meglio, che in qualche modo avrebbe giovato alla vista e che gli oggetti avrebbero cessato di essere offuscati. Per superare le sue visite di controllo preventive, aveva studiato la tabella di Sivcev per vent'anni, ma ancora non sapeva quante linee potesse effettivamente vedere. Forse non vedeva affatto.

Acconsentì a farsi sorreggere e, in quel momento, si scoprì che a causa del sole la testa gli girava già da molto tempo. Era rimasto in piedi con il capo scoperto e ciò era comprensibile, ma il sole lo aveva estenuato. Prive di vita, le foglioline di betulla ingiallite gli increspavano gli occhi.

— Arrivo subito, — voleva allontanarsi, restare, ma Alina non mollava la presa.

Piccioni, piccioni, cinciallegre, venite a beccare chicchi di miglio, granelli di riso e qualsiasi cosa minuta disseminata sul soffice terreno rialzato e non calpestato.

— Sali dietro, papà — Alina teneva la portiera nell'attesa che salisse e si sedesse. Nell'auto non si respirava affatto, sebbene le portiere fossero aperte. E solo a causa del colore del lutto. Di sicuro, le mani di Serëža si stavano scottando sul volante.

Passerà, adesso dobbiamo andare, il vento soffierà attraverso i finestrini, andiamo, Serëža. Viaggiavano seguiti da un'altra auto in cui c'erano Inga e qualcun altro. Si asciugava la fronte con il dorso della mano. Era bagnata e, chissà per quale motivo, rossa.

— Ci è andata comunque bene, — disse Alina, — va tutto bene.

Lei stessa capì di dover interrompersi, ma non ci riusciva. Dapprima scorrendo, poi tacendo, si recarono al caffè «Astra»; in attesa degli altri, tuttavia, non entrarono nella sala. Dopodiché, in un piatto di plastica, Alina pose per lui un po' di stufato di fegato, del formaggio e delle verdure.

— Devi mangiare.

Un grande piatto di riso e uva secca era al centro del tavolo, nessuno lo assaggiava.

— Avevi detto di non volere la kut'ja.

Alina si strinse nelle spalle:

— Ma l'hanno inclusa nel prezzo. E quindi l'hanno preparata.

не нужна, ни даже подушечка в гроб и покрывало. А что нужно?

— Да ей теперь ничего, Инга Александровна, — Алина поворачивается, смотрит, — вы же знаете.

— Только вам, да. Сложно было нормальную машину нанять, чтобы всех с кладбища увезли? Тряслись по жаре...

— Инга Александровна, я вам сразу сказала, что по такой жаре на кладбище лучше не ехать. И у меня-то уже сердце болит, неровен час...

— Ну да, не ехать. Я Галю сорок лет знала. Ты хоть понимаешь, что такое сорок лет, дура?

— Мне пятьдесят.

— Ну так что же.

Инга подходит ближе, у нее из уголка рта тоненькой струйкой слюна течет — после инсульта началось, из вежливости не замечает никто.

— Инга Александровна, вы ешьте. Хотите, я вам положу?

Алина, не дожидаясь ответа, кладет в тарелку всего, как и ему. Что-то не так, он думает, потом понимает: на столе ничего яркого, ни яблок, ни мандаринов, вообще никаких фруктов. То-то внуки не едят ничего, и им грустно.

— Алин, вы бы хоть сладостей каких детям дали, — говорит он.

— Да ну ладно, пап, какие дети, по двадцать лет всем, обойдутся. Сейчас пирожки принесут.

— А с чем?

— Бог их знает, с чем: с черникой, с рисом и яйцом.

Он думает: а младшеньким-то, наверное, понравятся с черникой.

Смотрят с мужем «Midsomer murders», едят сушки и халву с чаем. Сначала долго не ела сладкое, чувствовала себя виноватой, потом забыла: и верно, разве что-то исправится, если выбросить купленную на той неделе вкусную подсолнечную халву, карамель со сливочной начинкой, пачку «Юбилейного»? Ведь затем и покупали, чтобы сидеть вместе перед телевизором, перекатывать карамель на языке, чувствовать. Только потом Сережа позвонил и

— Non avete bisogno di niente, — disse Inga ad alta voce, — qualunque cosa tu chieda, non avete bisogno di niente. Nemmeno della kut'ja avete bisogno, né tantomeno di un cuscinetto per la bara e del velo. Di che cosa necessitate?

— Ora lei non ha bisogno di nulla, Inga Aleksandrovna, — Alina si voltava, guardava, — e lei lo sa.

— Proprio così, serve solo a voi. È stato difficile noleggiare un'auto usuale per portare tutti via dal cimitero? Con tutto questo caldo...

— Inga Aleksandrovna, le avevo detto sin da subito che con un caldo del genere sarebbe stato meglio non andare al cimitero. Il mio cuore sta già soffrendo, non si sa mai che cosa può accadere...

— Ma certo, avevi detto di non andare. Io conosco Galja da quarant'anni. Hai idea di quanti siano quarant'anni, sciocca?

— Ne ho cinquanta.

— Beh, allora...

Inga si avvicinò. Dall'angolo della bocca le fuoriusciva un sottile rivolo di saliva, apparso in seguito a un ictus cerebrale. Per educazione, non lo guardava nessuno.

— Mangi qualcosa, Inga Aleksandrovna. Vuole che le serva qualcosa?

Senza aspettar risposta, Alina pose nel piatto un po' di tutto proprio come aveva fatto per lui. Pensava ci fosse qualcosa che non andasse, poi capì. Sul tavolo non c'era nulla di invitante: né le mele, né i mandarini; insomma, niente frutta. Ecco perché i nipoti non toccavano cibo ed erano tristi.

— Alin, dovrete dare almeno dei dolci ai bambini, — disse lui.

— Ma dai papà, quali bambini, hanno tutti vent'anni, si accontenteranno. Adesso portano i pirožki.

— E con cosa?

— Solo Dio sa con cosa: mirtilli, riso e uova.

Pensava che, forse, ai più piccoli sarebbero piaciuti con i mirtilli.

Guardava «Midsomer murders» con suo marito, mangiava taralli e chalva con il tè. All'inizio, per molto tempo non aveva mangiato dolci. Si sentiva in colpa, ma poi se ne dimenticò: ed è vero, di sicuro non avrebbe fatto alcuna differenza se avesse gettato via il caramello alla crema, la confezione di «Jubilejnoe» o la deliziosa chalva di girasole comprata quella stessa settimana. Dopotutto, è proprio per questo che erano

сказал, что мама умерла.

И можно ли было подумать, что уже через три недели они будут снова сидеть вдвоем, разгадывать давно разгаданные преступления, потому как смотрят не в первый раз, смеяться над котом, друг над другом?

— Алин, — говорит муж, — давай на паузу поставим, а я еще горяченького налью?

Муж приносит свежий чай и еще сладостей на большом блюде, несколько шоколадных конфет без фантиков.

— А это зачем?

— Разве не хочется?

Ей не хочется. Она вспоминает, как мама любила шоколадные конфеты, но нельзя было из-за диабета. Они старались купить особенные, на фруктозе, и она брала, радовалась, но все равно тайком покупала и ела самые обыкновенные.

— Все-таки странно, — говорит муж, — что твой отец не одернул эту Ингу, не сказал ничего.

— Ты же сказал.

— Так то я.

— Да не в том дело. А в том, что они с мамой и в самом деле всю жизнь были знакомы. А если всю жизнь, то что скажешь? Она помнит день, когда я в школу пошла.

— Ничего она не помнит, говорит только. Еще и к папе твоему пристала в такой момент...

— Отец не обиделся, он вообще ее не слушал.

«Midsomer murders» на паузе, никто не включает. Инспектор Барнаби смотрит на кого-то за пределами кадра.

— Наверное, плохо, что мы его к себе не зовем.

— Кто не зовет?

— Ты.

— Хорошо, я сейчас позвоню. Только пьяным приедет, этого хочешь?

— Пусть пьяным приезжает.

— Хорошо.

Алина звонит отцу, он долго не берет трубку, она даже начинает думать, что всё, можно

stati comprati: per stare seduti insieme davanti alla TV, per far rotolare il caramello sulla lingua, per assaporarlo. Solo allora Serēža mi chiamò per dirmi che mia madre era morta.

E chi avrebbe mai potuto pensare che già dopo tre settimane sarebbero stati di nuovo seduti insieme a risolvere crimini già risolti da tempo? Non li guardavano per la prima volta, non ridevano del gatto e non sorridevano l'uno dell'altro.

— Alin, — disse il marito, — perché non facciamo una pausa e ne verso dell'altro bollente?

Su di un ampio piatto le portò del tè fresco, dei dolci e alcuni cioccolatini senza involucri.

— Perché lo hai fatto?

— Davvero non ne vuoi?

Non ne aveva voglia. Le ricordavano quanto la mamma amasse i cioccolatini, ma che non poteva mangiarli a causa del diabete. Si adoperavano nel comprargliene di speciali, al fruttosio; lei se ne rallegrava e li prendeva volentieri, ma di nascosto comprava e mangiava comunque quelli più comuni.

— Eppure è strano che tuo padre non abbia apostrofato quell'Inga. Non le ha detto nulla — disse lui.

— Lo hai fatto tu.

— È quello che ho detto.

— Ma non è questo il punto. Il punto è che lei e la mamma si conoscevano veramente da tutta la vita. E se è tutta la vita che si conoscono, allora che cosa puoi dirle? Si ricorda il giorno in cui sono andata a scuola.

— Lei dice di ricordare, ma non ricorda nulla. Ha anche infastidito tuo padre in un momento come quello...

— Papà non si è offeso, non l'ha ascoltata affatto.

«Midsomer murders» era in pausa, nessuno ne riprendeva la riproduzione. L'ispettore Barnaby guardava qualcuno al di là dell'inquadratura.

— Forse è un peccato non invitarlo a casa nostra.

— Chi è che non lo invita?

— Tu.

— Va bene, lo chiamo subito. Verrà sicuramente ubriaco, è questo che vuoi?

— Che venga ubriaco.

— Va bene.

Alina chiamò il padre, ma lui non rispose al telefono per molto tempo. Iniziò persino a pensare che tutto

легко сказать, оправдаться: не взял, занят или спит, перезвоню позже; и этого позже еще долго может не быть. Сама не могла быть с ним долго после того дня, как они с женой Сережи приезжали в квартире убираться. Полы помыли, выбросили пустые бутылки. Отец сидел в кресле перед выключенным телевизором, ничего не хотел. Жена Сережи предлагала вызвать нарколога или психиатра, но Алина не смогла. Как вызвать отцу психиатра, если он всегда с балкона на детскую площадку смотрел, чтобы ее не обидели?.. У всех-то только мамы смотрели, а чтобы отец — никогда. Это отличало, выделяло ее.

Полы мыла и плакала.

Потому что поняла: не хотела, чтобы смотрела мама, еще и потому, что та закричать могла на весь двор, хотя когда Алина росла, уже не принято было кричать. Может быть, потому отец молчал и дома.

А теперь ему нельзя молчать.

Но после пятого гудка отец вдруг берет трубку.

— Алин, ты?

— Да, пап. Как ты?

— Я? Да ничего.

— Ничего?

— Да.

У него голос спокойный, трезвый. Телевизор работает, звук пробивается в микрофон. Музыка — и еще чей-то голос, живой, близкий.

— Ты один?

Он мнется, потом говорит — нет, не один.

С кем — с медсестрой, с соседкой, с Ингой? Нет, с ней точно не станет.

— Да я тут давно хотел сказать, — вдруг начинает отец, — только ты ведь не одобришь на-верняка. Я тут женщину одну хорошую встретил.

— Женщину?

— Ну да. Бабушку, можно сказать.

— Какую еще бабушку, пап?

avesse una giustificazione: non ha risposto, sarà occupato o starà dormendo, richiamerò più tardi; e quel *più tardi* sarebbe potuto arrivare dopo molto tempo. Lei stessa non riusciva a stare con lui a lungo dal giorno in cui andò a riordinare l'appartamento insieme alla moglie di Serëža. Lavarono i pavimenti, gettarono le bottiglie vuote. In stato di apatia, suo padre sedeva in poltrona dinanzi alla TV spenta. La moglie di Serëža propose di chiamare un tossicologo o uno psichiatra, ma Alina non riuscì a farlo. Come avrebbe potuto chiamare uno psichiatra per suo padre se lui aveva sempre osservato il parco giochi dal balcone per accertarsi che non le facessero del male?.. Tutti gli altri venivano badati solo dalle madri, mai dai padri. Questo la rendeva diversa, la distingueva.

Lavava i pavimenti e piangeva.

Si rese conto di non volere che sua madre badasse a lei, anche perché – nonostante durante la crescita di Alina già non fosse consuetudine gridare – avrebbe potuto sgridare tutto il parco giochi. Forse, era per questo motivo che suo padre taceva anche a casa.

E ora non gli era più permesso.

Improvvisamente, dopo il quinto squillo, suo padre rispose.

— Alin, sei tu?

— Sì, papà. Come stai?

— Io? Abbastanza bene.

— Abbastanza?

— Sì.

La sua voce era calma, sobria. La TV era accesa, lo si percepiva dal microfono. Si sentiva della musica, e anche la voce di qualcun altro, viva e vicina.

— Sei solo?

Esitava, ma poi affermò di non essere solo.

Con chi era? Con l'infermiera, con la vicina, con Inga? No, lei di sicuro non era con lui.

— È da molto tempo che volevo dirtelo, — disse all'improvviso, — ma di certo non approverai. Ho incontrato una brava donna qui.

— Una donna?

— Sì. Una nonna, si potrebbe dire.

— Да вот обычную бабушку, Алевтиной зовут.
— И давно ты ее встретил?
Молчит. Ну чего ты хочешь, чего? Еще тогда, в августе. В конце.
— Это что, через неделю после мамы?
Алина думает про себя, не говорит.
— А где вы познакомились?
— На почте.
— Что, просто на почте? И ты первым подошел? Пап, может, не знаю, ты нас познакомишь?
— Да я не подходил, она какую-то бумажку уронила, поднять не могла... ну, я и поднял.
Познакомлю, конечно, только не сейчас, хорошо? Придем к тебе в октябре, поздравим...
Сейчас рано.
— Да я, может, и отмечать не буду.
— Это почему?
Он помолчал.
— Отмечай обязательно.
Алина кладет телефон на комод, поднимает глаза на мужа.
Смотрят дальше, разгадывают забытое.
— Это что же, — вдруг говорит он, — у тебя, получается, мачеха будет?
И смеются, как давно не выходило.

— Может быть, не стоило идти, — говорит Алевтина. На ней платье, не спортивные брюки с кофтой, не удобная юбка с резинкой, а настоящее платье, купленное в магазине, не доставшееся от кого-то, не перешитое.
— Не придумывай, идем уже.
Они вышли из подъезда, отвернулись от ветра.
— Можно было и раньше познакомиться, но я ждал...
Он ждал, когда пройдет приличное время после похорон, понятно. Всем понятно, потому

— Ma quale nonna, papà?

— Una nonna come tante, si chiama Alevtina.

— E la conosci da molto tempo?

Taceva. Ma che cosa voleva, cosa? Anche allora, accadde alla fine di agosto.

— Cioè, da quando, da una settimana dopo la mamma?

Alina lo pensava tra sé e sé, non parlava.

— E dove vi siete conosciuti?

— All'ufficio postale.

— Ma dai, a un semplice ufficio postale? E hai fatto tu il primo passo? Papà, magari, non so, ce la presenterai?

— Non ho fatto il primo passo, le è caduto un certo documento e non riusciva a raccoglierlo... Quindi l'ho fatto io. Di sicuro te la presenterò, ma non ora, va bene? A ottobre verremo da te, ti faremo gli auguri... Ma adesso è presto.

— Potrei anche non voler festeggiare.

— E perché?

Tacque.

— Bisogna assolutamente festeggiare.

Alina posò il telefono sul comò e alzò lo sguardo verso il marito.

Guardarono oltre, si sottrassero all'oblio.

— E quindi, — disse lui d'un tratto, — avrai una matrigna?

Ridevano come non accadeva da tempo.

— Forse non sarei dovuta venire, — disse Alevtina. Non indossava dei pantaloni sportivi e un golfino, né una gonna comoda con l'elastico in vita: indossava un vestito, un vestito vero, comprato in un negozio, non ricucito per lei né regalato da qualcun altro.

— Non dire sciocchezze, andiamo.

Uscirono di casa e voltarono le spalle al vento.

и не тормозили. Алина и звонить перестала, когда узнала, что Алевтина любит по радио веселые песни слушать, даже пляшет под него.

— Там же твои родственники, не мои, я им кто?

— Со мной, и всё. Поняла?

В прихожей Алевтина снимает плащ, долго стоит перед зеркалом, не решается зайти в зал, где все сидят за накрытым столом. Собрались ко дню рождения Алины — она не хотела отмечать, всё вспоминала о маме, но уговорили: никому хуже не сделаешь. Он не торопит: пускай привыкнет, почувствует себя своей.

А потом она подновляет помаду и входит в комнату, и хозяйка сразу же поднимается навстречу, говорит: здравствуйте, садитесь, ждали вас.

— А это куда? — спрашивает Алевтина.

И Алина осторожно принимает из ее рук палочку, прислоняет к стене возле дивана, чтобы удобно было взять.

Ну и как тебе она, через пару часов спрашивает Алина брата. Никак, говорит Сережа, на маму похожа.

— Ci saremmo potuti conoscere anche prima, ma aspettavo...

È chiaro che aspettava fosse trascorso un lasso di tempo sufficiente dal funerale. Era chiaro a tutti, motivo per cui non lo importunarono. Nel momento in cui Alina seppe che Alevtina amava ascoltare e persino ballare allegri brani musicali alla radio, smise anche di chiamarlo.

— Lì ci sono i tuoi parenti, non i miei, chi sono io per loro?

— Sei con me, tutto qui. Capito?

Alevtina si tolse il cappotto all'ingresso, restò a lungo davanti allo specchio e non osò entrare nella stanza in cui tutti sedevano a una tavola imbandita. Si erano riuniti per il compleanno di Alina. Lei non voleva festeggiare, ogni cosa le ricordava sua madre, ma la convinsero: non avrebbe fatto del male a nessuno. Lui non le mise fretta: lasciò che si abituasse, che si sentisse a suo agio.

Dopodiché si aggiustò il rossetto ed entrò nella stanza. La padrona di casa le venne subito incontro e le disse: salve, si segga, la stavamo aspettando.

— Questo dove posso poggiarlo? — Chiese Alevtina.

Alina prese con cautela il bastone dalle sue mani e, affinché fosse più comodo prenderlo, lo poggiò alla parete accanto al divano.

Dopo un paio d'ore, Alina chiese al fratello cosa ne pensasse di lei. Sembrerebbe assomigliare alla mamma, disse Serëža.

Отзыв о рассказе

Александра Шалашова – не новичок в литературе, ее творческая биография свидетельствует о сознательном и уверенном выборе непростой писательской стези. Родилась в 1990 г. в старинном русском городе Череповец, что западнее Вологды, крупном индустриальном центре. Сейчас живет на Волге, в Самаре. Закончила Литературный институт имени А. М. Горького, печаталась в литературных журналах. Дважды лауреат премии «Лицей» (2019, 2020) в номинации «Поэзия». Автор поэтического сборника «Предприятие связи» (2020) и романа «Выключить мое видео» (2021). Вокалистка и автор текстов московской рок-группы «МореЖдет». Настоящую известность принес роман-притча «Салюты на той стороне» (2023), вошедший в лонг-лист премии «Большая книга», для молодого писателя это серьезная заявка.

Прозе Шалашовой больше всего подошло бы определение *жесткая*: писательница не закрывает глаза на мрачные стороны жизни, иногда даже слишком сосредотачивается именно на них. Боль, отчаяние, одиночество, горечь утраты, страх, разобщенность, поистине экзистенциальный ужас бытия – все это присутствует на страницах книг Шалашовой, присутствует и в рассказе «Придем к тебе в октябре». Удивительно, но рассказ при этом не оставляет мрачного впечатления. Хотя повествует о грустных вещах. Немногочисленная семья собралась в жаркий августовский день на похороны. Муж, оставшийся вдовцом, дети, брат и сестра со своими семьями, единственная подруга, помнящая покойную с молодости, – все они искренне скорбят об усопшей, но эта скорбь не объединяет их, скорее, разобщает. Они лишь стараются достойно соблюсти ритуал. Детям тревожно, полуслепой отец, оставшийся в одиночестве, начал было заливать горе привычным способом. Но... происходит небольшое чудо. Два одиноких старых человека случайно знакомятся на почте и чувствуют, что им хорошо вместе. И семья принимает это с должным тактом. Жизнь продолжается. Хочется верить, что в будущих книгах Шалашовой всегда будут торжествовать надежда и свет, вера и любовь. Потому что именно так происходит в настоящей жизни.

Нина Литвинец

Nota critica

Nel mondo della letteratura, Aleksandra Šalašova è tutt'altro che una novellina. La sua biografia creativa comprova una scelta salda e consapevole di un difficile percorso di scrittura. Nata nel 1990 nell'antica città russa di Čerepovec, a ovest dell'importante centro industriale di Vologda, attualmente vive nei pressi del Volga, a Samara. Si è laureata all'Istituto Letterario A. M. Gor'kij e ha pubblicato su riviste letterarie. Insignita del Premio «Licej» per la categoria «Poesia» sia nel 2019 che nel 2020, è autrice della raccolta poetica «Predprijatie svjazi» (2020), del romanzo «Vyključit' moë video» (2021), nonché dei testi del gruppo rock moscovita «MoreŽdět». La vera fama è arrivata attraverso l'inserimento del romanzo allegorico «Saljuty na toj storone» (2023) nella long-list del premio «Bol'saja kniga», candidatura importante per la giovane scrittrice.

La prosa della Šalašova potrebbe essere descritta soprattutto come *cruda*: la scrittrice non chiude gli occhi di fronte ai lati oscuri della vita e, talvolta, vi si focalizza persino troppo. Il dolore, la disperazione, la solitudine, l'amarezza di una perdita, la paura, il distacco e un vero e proprio orrore esistenziale della vita sono tutti presenti nelle pagine dei libri della Šalašova così come nel racconto «Pridëm k tebe v oktjabre». Sorprendentemente, nonostante affronti tematiche meste, il racconto non imprime sensazioni lugubri. Una piccola famiglia si riunisce in una calda giornata di agosto per un funerale. Il marito rimasto vedovo, i nipoti, il fratello e la sorella con le loro famiglie e l'unica amica che la compianta ricordava dalla gioventù: tutti loro sono sinceramente addolorati per la defunta, ma questo cordoglio non li unisce, piuttosto li divide. Si sforzano solo di assistere al rito con dignità. I figli sono inquieti. Rimasto solo e quasi del tutto non vedente, il padre inizia ad alleviare il suo dolore bevendo. Tuttavia... avviene un piccolo miracolo. Due anziani soli si incontrano per caso all'ufficio postale, sentono di stare bene insieme e la famiglia lo accetta con la dovuta delicatezza. La vita continua. Voglio credere che la speranza e la luce, la fede e l'amore trionferanno sempre nei futuri libri della Šalašova. Perché è proprio ciò che accade nella vita reale.

Nina Litvinec

Биография

Александра Шалашова родилась в Череповце, живет в Самаре, работает частным преподавателем русского языка и литературы. Выпускница Литинститута имени А. М. Горького, творческий семинар А. Е. Рекемчука (проза). Печаталась в журналах «Новый мир», «Волга», «Знамя», «Юность», «Интерпоэзия», вестнике современного искусства «Цирк “Олимп” + TV», электронных альманахах «Флаги», «Артикуляция», «TextOnly», «Solo Neba», «ROAR». Дважды лауреат премии «Лицей» (2019, 2020) в номинации «Поэзия». Автор поэтического сборника «Предприятие связи» (издательство «Стеклограф», 2020) и романа «Выключить мое видео» («АСТ. Редакция Елены Шубиной», 2021). В марте 2023 г. в издательстве «Альпина. Проза» выходит роман «Салюты на той стороне».

Biografia

Aleksandra Šalašova è nata a Čerepovec, vive a Samara e lavora come insegnante privata di lingua e letteratura russa. Si è laureata all'Istituto Letterario A. M. Gor'kij, prendendo parte al seminario sulla prosa di A. E. Rekeščuk. Ha pubblicato sulle riviste «Novyj mir», «Volga», «Znamja», «Junost'», «Interpoèzija», sul periodico d'arte contemporanea «Cirk “Olimp” + TV» e sugli almanacchi online «Flagi», «Artikuljacija», «TextOnly», «Solo Neba» e «ROAR». Per due volte insignita del premio «Licej» (2019, 2020) per il quale ha concorso nella categoria «Poesia», è autrice della raccolta poetica «Predprijatje svjazi» (casa editrice «Steklograf», 2020) e del romanzo «Vyključit' moë video» («AST. Direzione di Elena Šubinoj», 2021). Nel marzo 2023, il romanzo «Saljuty na toj storone» è stato pubblicato dalla casa editrice «Al'pina. Proza».

GIOVANI TRADUTTORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Elisabetta Basile	Элизабетта Базиле
Chiara Boarina	Кьяра Боарина
Sara Ceruso	Сара Черузо
Laura Gelfi	Лаура Джельфи
Eleonora Mancinelli	Элеонора Манчинелли

Elisabetta Basile è nata nel 1999 a Bergamo e si è diplomata al Liceo Scientifico “Lorenzo Mascheroni”. Da sempre appassionata di cultura russa, a 15 anni ha intrapreso lo studio della lingua presso l’Associazione Italia-Russia della sua città, proseguendo alla facoltà di Lingue e Letterature Straniere Moderne dell’Università di Bergamo, dove ha conseguito la laurea triennale con una tesi di traduzione «Un poeta nella Russia sovietica: il processo a Iosif Brodskij». Attualmente sta conseguendo la Laurea Magistrale in Intercultural Studies in Languages and Literatures, avendo trascorso un semestre come Exchange student presso l’Università di Tartu (Estonia).

Элизабетта Базиле родилась в 1999 г. в Бергамо, окончила Естественно–научный лицей имени Лоренцо Маскерони. Всегда увлекалась русской культурой, в пятнадцать лет начала изучать русский язык в Ассоциации Италия–Россия. Продолжила занятия русистикой на факультете современных иностранных языков и литератур Университета г. Бергамо, где получила степень бакалавра и защитила диплом на тему «Поэт в Советской России: суд над Иосифом Бродским». В настоящее время – студентка магистратуры по специальности «межкультурные исследования в области языков и литератур», полгода обучалась по обмену в Тартуском университете (Эстония).

Chiara Boarina, classe 1995, è nata in provincia di Treviso, ma vive e lavora a Jesolo come traduttrice freelance. È appassionata di storia, cultura e letteratura russa da sempre. Dopo la laurea triennale in Lingue, Civiltà e Scienze del Linguaggio presso l'Università Ca' Foscari di Venezia con la tesi "Il caso AvtoVaz: un esempio di modernizzazione e occidentalizzazione nell'URSS", ha proseguito gli studi ottenendo la laurea magistrale in Specialized Translation presso l'Università Alma Mater Studiorum di Bologna. La sua tesi, incentrata sulla localizzazione in russo di un sito web italiano, ha ricevuto il premio del progetto "Language Toolkit: le lingue straniere al servizio dell'internazionalizzazione d'impresa" finanziato dalla Camera di commercio della Romagna. Durante gli anni universitari ha vinto due borse di studio che le hanno permesso di studiare tre mesi a Tula alla Tul'skij Gosudarstvennyj Pedagogičeskij Universitet Im. L. N. Tolstogo e quattro mesi a Mosca alla Vyššaja Škola Ekonomiki.

Кьяра Боарина родилась в 1995 г. в провинции Тревизо, живет и работает в Езоло переводчиком–фрилансером. Всю жизнь увлекается русской историей, культурой и литературой. Окончила Венецианский университет «Ка' Фоскари» по специальности «языки, цивилизации и науки о языке», защитила диплом на тему «Дело АвтоВАЗа: пример модернизации и вестернизации в СССР». Затем продолжила учебу, получив степень магистра специализированного перевода в Болонском университете. Ее дипломная работа, посвященная русской локализации итальянского веб–сайта, была удостоена приза проекта «Language Toolkit: иностранные языки на службе интернационализации бизнеса», финансируемого Торговой палатой Романи. Во время учебы в университете дважды получала грант, благодаря которому три месяца проучилась в Тульском государственном педагогическом университете имени Л. Н. Толстого и четыре месяца в Москве, в Высшей школе экономики.

Sara Ceruso è nata nel 1997 a Salerno, dove ha conseguito la maturità scientifica e la laurea in Lingue e Culture Straniere. Il vivido interesse e la passione per la lingua e la letteratura russa si sviluppano e consolidano durante il percorso universitario triennale, che la inducono a proseguire gli studi e a specializzarsi in Letterature e Traduzione Letteraria. Nel 2023 ha conseguito con lode la Laurea Magistrale in Lingue e Letterature Moderne presso l'Università degli Studi di Salerno, discutendo un lavoro di tesi proponente la traduzione italiana di tre saggi inediti del poeta e critico letterario russo Vladislav Chodasevič.

Сара Черузо родилась в 1997 г. в Салерно, там же окончила научно-естественный лицей и бакалавриат по специальности «иностранные языки и культуры». Живой интерес и любовь к русскому языку и литературе, упрочившиеся в университетские годы, подтолкнули ее продолжить обучение, специализируясь в области литературы и художественного перевода. В 2023 г. с отличием окончила Университет г. Салерно по специальности «современные языки и литературы», в качестве дипломной работы представила собственный перевод трех неопубликованных эссе русского поэта и литературного критика Владислава Ходасевича.

Laura Gelfi è nata Nel 1999 ad Alzano Lombardo (BG). Appassionata di storia e del mondo slavo, dopo aver frequentato il Liceo Scientifico, ha scelto il corso triennale in Lingue e Letterature Straniere Moderne presso l'Università degli Studi di Bergamo, dove si è laureata con una tesi sull'insurrezione polacca del 1830 nelle opere di Puškin e Mickiewicz. Il suo interesse per l'Europa orientale l'ha portata a svolgere un semestre presso la Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II e a seguire alcuni corsi di lingua polacca in aggiunta allo studio universitario del russo. Sta attualmente concludendo la laurea magistrale in Intercultural Studies in Languages and Literatures a Bergamo, redigendo una tesi sugli scritti di guerra di Vasilij Grossman.

Лаура Джельфи родилась в 1999 г. в Альцано–Ломбардо (Бергамо). Увлекается историей и культурой славянских народов. По окончании естественно–научного лицея обучалась в Бергамском университете по специальности «современные иностранные языки и литературы», защитила дипломную работу о теме польского восстания 1830 г. в произведениях Пушкина и Мицкевича. Благодаря интересу к Восточной Европе провела семестр в Люблинском католическом университете имени Иоанна Павла II (Польша), начала изучать польский язык. В настоящее время обучается в магистратуре по специальности «межкультурные исследования в области языков и литератур» в Бергамо, работает над дипломом о произведениях Василия Гроссмана, связанных с темой войны.

Eleonora Mancinelli è nata a Jesi (Ancona) nel 1997. Nel 2016 si è iscritta al corso di laurea in Lingue e culture straniere occidentali e orientali dell'Università di Macerata, dove ha intrapreso lo studio della lingua e della letteratura russa. Nel 2018 ha partecipato a due convegni nell'ambito della settimana della lingua italiana presso le Università V. N. Karazin di Char'kov e Boris Grinčenko di Kiev. Nel 2019, dopo la conclusione del percorso triennale, ha proseguito gli studi presso l'Università di Pisa iscrivendosi al corso di laurea in Linguistica e traduzione. Nel 2021 ha soggiornato a San Pietroburgo dove, con il sostegno dell'Università statale, ha condotto le ricerche necessarie per la stesura della tesi magistrale sulla traduzione del romanzo *Konec sveta, moja ljubov'* di Alla Gorbunova, che ha discusso nel 2022. Attualmente continua ad occuparsi di traduzione.

Элеонора Манчинелли родилась в г. Ези (Анкона) в 1997 г. В 2016 г. поступила в университет Мачераты по специальности «западные и восточные иностранных языки и культуры», изучала русский язык и литературу. В 2018 г. участвовала в двух конференциях в рамках недели итальянского языка в Харьковском университете имени В. Н. Каразина и в Киевском университете имени Бориса Гринченко. В 2019 г. продолжила обучение в Пизанском университете по специальности «лингвистика и перевод». В 2021 г. в Санкт-Петербурге при поддержке Государственного университета работала над магистерской диссертацией о переводе романа Аллы Горбуновой «Конец света, моя любовь», которую успешно защитила в 2022 г. В настоящее время продолжает заниматься переводами.

ALBO D'ORO DEL PREMIO RADUGA
ПОБЕДИТЕЛИ И ФИНАЛИСТЫ ПРЕМИИ «РАДУГА»

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun C̣imidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna C`urbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3**Giovani narratori italiani**

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova

Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjučhova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli

Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алесандры Фьяндры

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina

Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kuc'erovsckaja-Marcevaja

Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov

Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci

Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo

Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kuc'erovsckaja-Marcevaja

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenc'ik

Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova

Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko

Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго
Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алесандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая и Элизабетта Спедиаччи

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы
Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони
Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala

Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni

Margarita Urc'eva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenc'ik

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6**Giovani narratori italiani**

Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kulic'ichina

Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman

Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbac'ëva

Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi

Irina Bogatyrëva, traduzione in italiano di Maria De Caro

Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov

Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик
Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой
Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты

Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро
Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларики Сикари
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Маструццо
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной
Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой
Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман
Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой
Нозми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Settima edizione, 2016. Almanacco letterario 7

Giovani narratori italiani

Iacopo Barison, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Maria Gaia Belli, traduzione in russo di Jana Ar'kova

Pier Franco Brandimarte, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Pietro Federico, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Andrea Giovanni Taietti, traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Francesca Gasparini

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Lidia Perri

Aleksandr Evsjukov, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Tat'jana Šabaeva, traduzione in italiano di Marta Valeri

Giovani narratori dell'anno: Maria Gaia Belli e Aleksandr Evsjukov

Giovani traduttori dell'anno: Francesca Gasparini e Jana Ar'kova

Ottava edizione, 2017. Almanacco letterario 8

Giovani narratori italiani

Tommaso Giagni, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Elisa Guidotti, traduzione in russo di Jana Bogdanova

Petronilla La Volpe, traduzione in russo di Ekaterina Orlova

Claudia Valenti, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Antonio Vangone, traduzione in russo di Lev Kac

Литературный альманах 7 – 2016 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Лидии Перри

Александр Евсюков, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Татьяна Шабаетова, перевод на итальянский язык Марты Валери

Итальянские финалисты

Якопо Баризон, перевод на русский язык Анны Лентовской

Мария Гайя Белли, перевод на русский язык Яны Арьковой

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Пьетро Федерико, перевод на русский язык Диляры Туишевой

Андреа Джованни Тайетти, перевод на русский язык Ольги Никитиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Александр Евсюков и Мария Гайя Белли

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Арькова и Франческа Гаспарини

Литературный альманах 8 – 2017 год

Российские финалисты

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Аличе Бравин

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Кьяры Фоддис

Андрей Тимофеев, перевод на итальянский язык Федерики Москитты

Елена Тулушева, перевод на итальянский язык Маттео Чанки

Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Якопо Винья-Тальянти

Giovani narratori russi

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Alice Bravin

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Chiara Foddis

Andrej Timofeev, traduzione in italiano di Federica Moschitta

Elena Tuluševa, traduzione in italiano di Matteo Cianchi

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Jacopo Vigna-Taglianti

Giovani narratori dell'anno: Elisa Guidotti e Elena Tuluševa

Giovani traduttori dell'anno: Jacopo Vigna-Taglianti e Jana Bogdanova

Nona edizione, 2018. Almanacco letterario 9**Giovani narratori italiani**

Ida Amlesù, traduzione in russo di Julija Galatenko

Matteo Anichini, traduzione in russo di Marija Titievskaja

Alice Magnoni, traduzione in russo di Anna Tigaj

Marta Vitale, traduzione in russo di Ekaterina Spirova

Giuseppe Zarrella, traduzione in russo di Julija Gimatova

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Alice Bravin

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Irina Michajlova, traduzione in italiano di Roberta Sala

Timur Sazonov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Federico Iocca

Giovani narratori dell'anno: Ida Amlesù e Irina Michajlova

Giovani traduttori dell'anno: Federico Iocca e Julija Gimatova

Итальянские финалисты

Томмазо Джаньи, перевод на русский язык Светланы Малининой
Элиза Гвидотти, перевод на русский язык Яны Богдановой
Петронилла Ла Вольпе, перевод на русский язык Екатерины Орловой
Клаудия Валенти, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Антонио Вангоне, перевод на русский язык Льва Каца

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тулушева и Элиза Гвидотти
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Богданова и Якопо Винья-Тальянти

Литературный альманах 9 – 2018 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Ирина Михайлова, перевод на итальянский язык Роберты Салы
Тимур Сазонов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Федерико Йокки

Итальянские финалисты

Ида Амлезу́, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Маттео Аникини, перевод на русский язык Марии Титиевской
Аличе Маньони, перевод на русский язык Анны Тигай
Марта Витале, перевод на русский язык Екатерины Спировой
Джузеппе Дзаррелла, перевод на русский язык Юлии Гиматовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Ирина Михайлова и Ида Амлезу́
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Юлия Гиматова и Федерико Йокка

Decima edizione, 2019. Almanacco letterario 10

Giovani narratori italiani

Daniele Dalle Nogare, traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Angelica Damiani, traduzione in russo di Elena Kožina

Riccardo Marin, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Paolo Steffan, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Lorenzo Vargas, traduzione in russo di Margarita Kuz'mic'ëva

Giovani narratori russi

Dmitrij Bosjac'enko, traduzione in italiano di Emanuele Bero

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Andrej Ignat'ev, traduzione in italiano di Pier Brudaglio

Anastasija Terent'eva, traduzione in italiano di Martina Napolitano

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Giovani narratori dell'anno: Paolo Steffan e Galina Uzrjutova

Giovani traduttori dell'anno: Emanuele Bero e Svetlana Malinina

Undicesima edizione, 2020. Almanacco letterario 11

Giovani narratori italiani

Pier Franco Brandimarte traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Maria Chiara De Pascali traduzione in russo di Evgenija Litvin

Antonio Francesco Longo traduzione in russo di Elizaveta Kuznecova

Francesco Marangi traduzione in russo di Vladislava Syc'ëva

Sydney Vicidomini traduzione in russo di Anton Maraev

Литературный альманах 10 – 2019 год

Российские финалисты

Дмитрий Босяченко, перевод на русский язык Эмануэле Бери
Булат Ханов, перевод на русский язык Чинции Челоне
Андрей Игнатъев, перевод на русский язык Пьера Брудальо
Анастасия Терентьева, перевод на русский язык Мартины Наполитано
Галина Узрютова, перевод на русский язык Мартины Морабито

Итальянские финалисты

Даниэле Далле Ногаре, перевод на русский язык Станислава Лихоузова
Анджелика Дамиани, перевод на русский язык Елены Кожиной
Риккардо Марин, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Паоло Стеффан, перевод на русский язык Светланы Малининой
Лоренцо Варгас, перевод на русский язык Маргариты Кузьмичевой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Галина Узрютова и Паоло Стеффан

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Светлана Малинина и Эмануэле Бери

Литературный альманах 11 – 2020 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Андреа Цоллера
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Чинции Челоне
Маргарита Каткова, перевод на итальянский язык Мартины Морабито
Антонина Малышева, перевод на итальянский язык Татьяны Лутеро
Александра Шалашова, перевод на итальянский язык Сидней Вичидомини

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Andrea Zoller

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Margarita Katkova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Antonina Malyševa, traduzione in italiano di Tatiana Lutero

Aleksandra Šalašova, traduzione in italiano di Sydney Vicidomini

Giovani narratori dell'anno: Maria Chiara De Pascali e Bulat Chanov

Giovani traduttori dell'anno: Cinzia Celone e Stanislav Lichouzov

Dodicesima edizione, 2021. Almanacco letterario 12**Giovani narratori italiani**

Giovanni Giamboni traduzione in russo di Evgenija Litvin

Giuseppina Giordano traduzione in russo di Ol'ga Komarova

Giada Guassardo traduzione in russo di Ekaterina Panteleeva

Beatrice Salvioni traduzione in russo di Vladislava Syc'ëva

Andrea Zancanaro traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Giovani narratori russi

Anna Berezovskaja traduzione in italiano di Federico Borrelli

Evgenija Kazanceva traduzione in italiano di Luca Cortesi

Nadežda Laevskaja traduzione in italiano di Federica Ruggeri

Artemij Leont'ev traduzione in italiano di Giulia Sorrentino

Marija Rybal'c'enko traduzione in italiano di Rebecca Gigli

Giovani narratori dell'anno: Beatrice Salvioni e Artemij Leont'ev

Giovani traduttori dell'anno: Federico Borrelli e Vladislava Syc'ëva

Итальянские финалисты

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Станислава Лихоузова
Мария Кьяра Де Паскали, перевод на русский язык Евгении Литвин
Антонио Франческо Лонго, перевод на русский язык Елизаветы Кузнецовой
Франческо Маранджи, перевод на русский язык Владиславы Сычевой
Сидней Вичидомини, перевод на русский язык Антона Мараева

Победители в номинации «Молодой писатель»: Булат Ханов и Мария Кьяра Де Паскали
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Станислав Лихоузов и Чинция Челоне

Литературный альманах 12 – 2021 год

Российские финалисты

Анна Березовская, перевод на итальянский язык Федерико Боррелли
Евгения Казанцева, перевод на итальянский язык Луки Кортези
Надежда Лаевская, перевод на итальянский язык Федерики Руджери
Артемий Леонтьев, перевод на итальянский язык Джулии Соррентино
Мария Рыбальченко, перевод на итальянский язык Ребекки Джильи

Итальянские финалисты

Джованни Джамбони, перевод на русский язык Евгении Литвин
Джузеппина Джордано, перевод на русский язык Ольги Комаровой
Джада Гуассардо, перевод на русский язык Екатерины Пантелеевой
Беатриче Сальвиони, перевод на русский язык Владиславы Сычевой
Андреа Дзанканаро, перевод на русский язык Светланы Смалевой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Артемий Леонтьев и Беатриче Сальвиони
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Владислава Сычева и Федерико Боррелли

Tredicesima edizione, 2022. Almanacco letterario 13

Giovani narratori italiani

Gaia Barroi traduzione in russo di Marija Ljapunova

Rachele Faggiani traduzione in russo di Anton Maraev

Noemi Eva Maria Filoni traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Milton Larcher traduzione in russo di Nikoleta Pistol

Valentino Sarracino traduzione in russo di Tat'jana Ulanova

Giovani narratori russi

Ljubava Gornickaja traduzione in italiano di Luca Cortesi

Anna Lužbina traduzione in italiano di Maria Chiara Truttero

Aleksandra Makarova traduzione in italiano di Romano Marra

Ekaterina Odincova traduzione in italiano di Armando Spigno

Ekaterina Štejnberg traduzione in italiano di Benedetta Lazzaro

Giovani narratori dell'anno: Gaia Barroi e Ljubava Gornickaja

Giovani traduttori dell'anno: Luca Cortesi e Marija Ljapunova

Литературный альманах 13 – 2022 год

Российские финалисты

Любава Горницкая, перевод на итальянский язык Луки Кортези

Анна Лужбина, перевод на итальянский язык Марии Кьяры Труттеро

Александра Макарова, перевод на итальянский язык Романо Марры

Екатерина Одинцова, перевод на итальянский язык Армандо Спиньо

Екатерина Штейнберг, перевод на итальянский язык Бенедетты Ладзаро

Итальянские финалисты

Гайя Баррои, перевод на русский язык Марии Ляпуновой

Ракеле Фаджани, перевод на русский язык Антона Мараева

Ноэми Ева Мария Филони, перевод на русский язык Светланы Смалевой

Милтон Ларкер, перевод на русский язык Николеты Пистол

Валентино Саррачино, перевод на русский язык Татьяны Улановой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Любава Горницкая и Гайя Баррои

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Ляпунова и Лука Кортези

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia

- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij

- 9 ALMANACCO LETTERARIO 14

- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

- 13 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

- 14 Raduga
Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

- 16 Giuria italiana

- 19 Giuria russa

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 14
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 12 Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы
- 15 «Радуга»
Российско-итальянская литературная премия для молодых писателей и переводчиков
- 16 Итальянское жюри
- 19 Российское жюри

23 GIOVANI NARRATORI ITALIANI

26 Tommaso Cavani *In attesa di un riscatto*

Traduzione in russo di Darija Prochodskaja

38 Emilia De Rango *Centoquarantanove*

Traduzione in russo di Ekaterina Lobkova

52 Giovanni Di Paola *trascorsi*

Traduzione in russo di Ekaterina Micheeva

64 Veronica Dolcini *Conosci te stesso mentre tutto passa*

Traduzione in russo di Svetlana Smaleva

80 Luigi Remo Parente *Il concorso*

Traduzione in russo di Anna Perova

93 Giovani traduttori russi

- 23 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 27 Томмазо Кавани *В ожидании выкупа*
Перевод на русский язык Дарии Проходской
- 39 Эмилия Де Ранго *Сто сорок девятый*
Перевод на русский язык Екатерины Лобковой
- 53 Джованни Ди Паола *ушедшее*
Перевод на русский язык Екатерины Михеевой
- 65 Вероника Дольчини *Пока жизнь течет, познавай себя*
Перевод на русский язык Светланы Смалевой
- 81 Луиджи Ремо Паренте *Цена успеха*
Перевод на русский язык Анны Перовой
- 93 Молодые российские переводчики

- 99 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 103 Evgenij Bodrjaev *Per Capodanno e per l'estate*
Traduzione in italiano di Laura Gelfi
- 117 Ruslan Vorob'ëv *La capra*
Traduzione in italiano di Eleonora Mancinelli
- 133 Aleksej Kolesnikov *Gli orecchini di brillanti*
Traduzione in italiano di Chiara Boarina
- 151 Ul'jana Frolova *Kovenskiĭ*
Traduzione in italiano di Elisabetta Basile
- 167 Aleksandra Šalašova *A ottobre verremo da te*
Traduzione in italiano di Sara Ceruso
- 183 Giovani traduttori italiani
- 190 Albo d'oro del Premio Raduga

- 99 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 102 Евгений Бодряев *На Новый год и на лето*
Перевод на итальянский язык Лауры Джельфи
- 116 Руслан Воробьев *Коза*
Перевод на итальянский язык Элеоноры Манчинелли
- 132 Алексей Колесников *Серьги с бриллами*
Перевод на итальянский язык Кьяры Боарины
- 150 Ульяна Фролова *Ковенский*
Перевод на итальянский язык Элизабетты Базиле
- 166 Александра Шалашова *Придем к тебе в октябре*
Перевод на итальянский язык Сары Черузо
- 183 Молодые итальянские переводчики
- 191 Победители и финалисты Премии «Радуга»

Almanacco letterario 14
Conoscere Eurasia Edizioni
è stato stampato nel mese di agosto 2023
da Unidea Srl, Via Casette 31
37024 Santa Maria di Negrar (Verona), Italia
Direttore editoriale e letterario
Maria Pia Pagani
Curatore della parte russa
Anna Vladislavovna Jampol'skaja

Литературный альманах – Выпуск 14
Издательство «Познаём Евразию»
напечатано в августе 2023 года
Унидея, виа Казетте, 31
37024 Санта-Мария-ди-Неграр (Верона), Италия
Главный редактор
Мария Пиа Пагани
Редактор русской части
Анна Владиславовна Ямпольская

CASA RUSSA
IN VERONA

РУССКИЙ ДОМ
В ВЕРОНЕ

Associazione
conoscere
Eurasia

*Литературный институт
им. А.М.Горького*

con il sostegno di

ГАЗПРОМБАНК
«Газпромбанк» (Акционерное общество)